ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

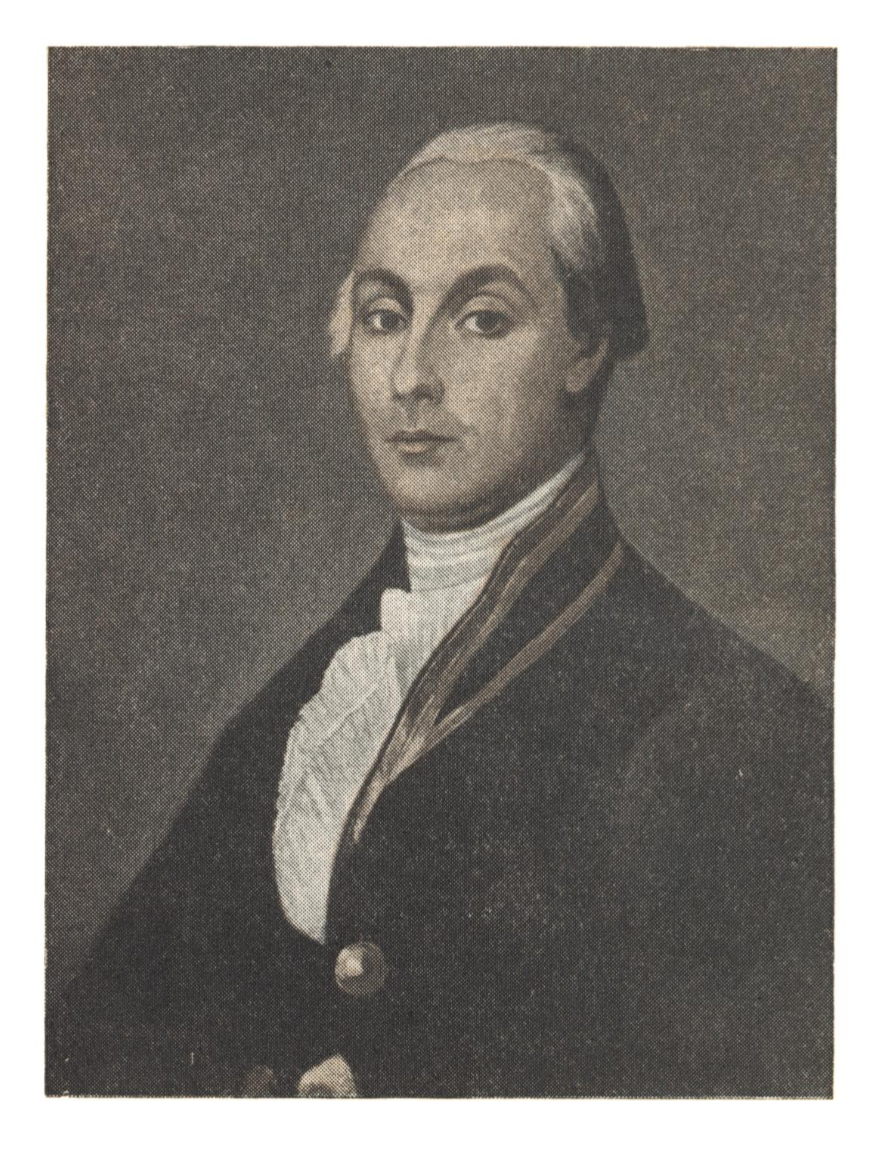
РАДИЩЕВ

1749 – 1802

Б. Евгеньев

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ЖЗЛ

Б. ЕВГЕНЬЕВ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ РАДИЩЕВ

1749—1802

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1949

...Да юноша, взалкавый славы,
Пришед на гроб мой обветшалый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти, сей рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал».

А. Радищев, ода «Вольность».

I. ГРАЖДАНИН БУДУЩИХ ВРЕМЕН

«Человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества...»

А. Радищев

— Ты хочешь знать: кто я?.. — спрашивал Радищев в одном из своих стихотворений.

Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!

Он написал это стихотворение, добравшись в дорожной кибитке, в сопровождении двух унтер-офицеров, зимой 1790 года, до занесенного снегом Тобольска.

Он ехал в ссылку на долгие годы. Ехал на край земли — в далекую, суровую Сибирь, в Илимский острог[1].

Он только что вырвался из рук царского палача, из стен Петропавловской крепости, где, присужденный к «отсечению головы», долго ждал своего смертного часа, замененного потом ссылкой. Он был истомлен долгой и тяжелой дорогой.

Будущее тревожило его. Ему казалось, что необозримая снежная пустыня крепче каменной тюремной стены, крепче чугунной решетки встанет между ним и его прежней жизнью. Ссылка представлялась ему

[1] Острог — здесь городок, поселенье, окруженное частоколом из заостренных свай.

могилой, готовой поглотить все, чем он особенно дорожил: деятельную жизнь, исполненную труда и борьбы, любовь к семье и детям, заветные мечты, любимые книги.

Хватит ли душевных сил, мужества и веры в свое дело, чтобы претерпеть лишения, тоску и горечь изгнания, одинокую, бесплодную жизнь?

Да, он стерпит все, все перенесет! Он остался тем же, что и был, и таким будет весь свой век. Ничто не могло сломить, ничто не сло́мит его: он— человек!

Его могли бросить в тюрьму, лишить прав, заковать в цепи, обречь на медленное умирание в Сибири. Но никто никогда не мог бы сделать его рабом, отнять у него гордость высоким званием человека.

В сознании этого был источник его непоколебимого мужества.

Как все великие русские революционеры, борцы за свободу и счастье народа, Радищев свято верил в человека.

«Известно, что человек существо свободное, поелику одарено умом, разумом и свободною волею,— писал он, — что свобода его состоит в избрании лучшего, что сие лучшее познает он и избирает посредством разума... и стремится всегда к прекрасному, величественному, высокому» [1].

В этих словах ярко и сильно выражена вера Радищева в добрую волю человека, благородная мечта о человеческом счастье.

И это было не только убеждением мыслителя. Это было трепетом, радостью, болью и страданием

[1] А. Радищев, Беседа о том, что есть сын Отечества.

живого горячего сердца, было главным делом смелой и бескорыстной жизни борца-революционера.

В отличие от многих передовых мыслителей и писателей Западной Европы того времени Радищев не обобщал понятие «человек». И уже одно это не только отличает его от них, но жизненной силой и правдой, ясной и точной целеустремленностью его деятельности ставит Радищева выше самых смелых западноевропейских мыслителей и писателей XVIII столетия, раскрывает глубину и самобытность его философской мысли.

Тот человек, за свободу и счастье которого он боролся всю жизнь, был не отвлеченным представлением о человеке вообще, но живой исторической реальностью: русским человеком, русским крепостным крестьянином. Радищеву были чужды космополитические тенденции, — он прежде всего любил родной русский народ и верил в него. Он верил в могучие силы, верил в величественное и прекрасное будущее русского народа. Он жил во имя этого будущего и боролся за него.

«Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ российский... О, народ, к величию и славе рожденный!..»[1] — писал Радищев.

И перед его духовным взором открывались грядущие времена, когда рабы, «отягченные тяжкими узами, ярясь в отчаяньи своем, разобьют железом вольности их препятствующим, головы бесчеловечных господ и обагрят их кровью нивы свои...»[2]

«Что бы тем потеряло государство?» — задавал

---

[1] А. Радищев, Сокращенное повествование о приобретении Сибири.

[2] А. Радищев, Путешествие из Петербурга в Москву.

Радищев вопрос. И ответ его звучал замечательным пророчеством:

«Скоро бы из среды их (рабов. — *Б. Е.*) исторгнулись великие мужи для заступления избитого племени... Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие...» [1]

Он принадлежал к числу людей, смысл жизни которых — в борьбе за лучшее будущее своего народа, за то, чтобы это будущее скорее стало сегодняшним днем.

Современники говорили о Радищеве: «он зрил вперед».

Позднее Герцен писал о нем:

«Александр Радищев смотрит вперед... Его идеалы — это наши мечты, мечты декабристов. Что бы он ни писал, так и слышишь знакомую струну, которую мы привыкли слышать и в первых стихотворениях Пушкина, и в Думах Рылеева, и в собственном нашем сердце...» [2]

В своей знаменитой книге «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев рассказывает такой случай. Выходя на станции Хотилов из дорожной кибитки, он поднял с земли сверток бумаг, оброненный неизвестным проезжим. Развернул, стал читать бумаги. В них оказалось «начертание законоположений» об уничтожении рабства в России. Читая эти бумаги, Радищев находил в них проявление человеколюбивого сердца, «везде видел г р а ж д а н и н а б у д у щ и х в р е м е н...»

---

[1] А. Р а д и щ е в, Путешествие из Петербурга в Москву.

[2] А. И. Г е р ц е н, Полное собрание сочинений, т. IX. Предисловие к изданию «Путешествие из Петербурга в Москву». Петроград, 1919 г.

Не найти, пожалуй, лучшего определения и для самого Радищева. Поистине он был «гражданином будущих времен». Он открывает собой славную плеяду борцов за счастливое будущее русского народа, за счастливое будущее человечества.

Недаром так часто обращался он к нам, к своим потомкам, продолжателям дела всей его жизни. Недаром незадолго до своей смерти он сказал:

— Потомство за меня отомстит...

Но стремясь к лучшему будущему, увлеченный мечтою о нем, Радищев не стоял в стороне от насущных вопросов современности, не пренебрегал настоящим. Сила и правда подлинно великих «граждан будущих времен», то-есть деятелей, борющихся за счастливое будущее человечества, состоит в том, что они, провидя далеко вперед, выращивают на почве современности в труде и борьбе сильные и крепкие ростки будущего.

Величайшими образцами деятелей подобного типа являются Ленин и Сталин.

Радищев был практиком борьбы, — в этом еще одно примечательное отличие его от западноевропейских мыслителей и писателей — самых передовых его современников, — и до конца дней своих честно выполнял долг гражданина, верного сына своей родины, своего времени так, как он понимал этот долг.

* * *

Время, в которое Радищев жил, XVIII век, он назвал «безумным и мудрым», достойным проклятий и удивления. Веком созидания и разрушения, торжества свободного человеческого разума и разгула мрачных сил ненавистного ему «самодержавства», — таким Радищев видел XVIII столетие.

В честь его он сложил стихи, торжественные и страстные, как гимн[1]. В этих стихах, написанных на заре нового, XIX столетия, Радищев пытался осмыслить те явления жизни, современником которых он был.

Он писал, что XVIII столетие родилось в крови и, орошенное кровью, сходит в могилу. Оно воздвигало и низвергало царства. Оно порвало узы, сковывавшие дух человека, и дало свободу мысли. В это столетие были открыты новые земли и народы, были исчислены небесные светила. Дивных успехов достигла наука, заставив работать летучие пары, сманив небесную молнию на землю.

Но главное, что Радищев видел и ценил в XVIII столетии, — это то, что оно, по его убеждению, открыло людям дорогу к вольности, к борьбе за свободу.

«О незабвенно столетье, радостным смертным даруешь истину, вольность и свет...»

Таким представлялось Радищеву, и таким он изобразил свое время — XVIII столетие — в стихах, написанных на склоне жизни.

Он родился в царствование «дщери Петра», императрицы Елизаветы, он жил в прославленный придворными одописцами «екатеринин век», он пережил недолгое царствование «безумца на троне» — Павла — и умер в те дни, когда Александр I, «властитель слабый и лукавый»[2], шагнув к трону через труп отца, обещал править Россией «по заветам» своей бабки.

Радищев был современником событий, нанесших

---

[1] «Осьмнадцатое столетие».

[2] Слова А. С. Пушкина, «Евгений Онегин», гл. X.

сокрушительные удары старому, феодальному укладу жизни: революционной войны американского народа за свою независимость, буржуазной революции во Франции, возвестившей гибель феодализма на Западе Европы, грозной крестьянской войны в России под водительством Емельяна Пугачева.

Россия второй половины XVIII века была дворянской, военно-бюрократической империей. Могущество и богатство ее покоились на старой основе феодально-крепостнического хозяйства, на хищническом ограблении народа царями, дворянами-помещиками, купцами, чиновниками. Государство помещиков-крепостников, ненасытных в своей жадности, беспощадных в своей жестокости, выжимало последние жизненные соки из крепостных крестьян, составлявших подавляющее большинство населения тогдашней России.

Из года в год увеличивался вывоз хлеба за границу. Возникали крепостные мануфактуры [1]. Это давало большие барыши крепостникам, разжигало их страсть к стяжательству, вело к еще большему закабалению ими народа. Народ стонал в оковах рабства, под бременем нищеты и непосильного подневольного труда.

«Со времени Петра началась внешняя торговля России, которая могла вывозить лишь земледельческие продукты. *Этим* было вызвано угнетение крестьян, которое все возрастало по мере роста *вывоза, ради которого оно происходило,* пока Екатерина

---

[1] Мануфактура — капиталистическое фабричное предприятие, основанное на разделении труда, преимущественно ручного. В России мануфактуры возникли на основе подневольного крепостного труда.

не сделала этого угнетения полным и не завершила законодательства. Но это законодательство позволяло помещикам все более притеснять крестьян, так что гнет все более и более усиливался...»[1]

Это был период усиления крепостного права в России и обострения классовой борьбы между крепостными крестьянами и помещиками-крепостниками.

«Основной признак крепостного права тот, — писал Ленин, — что крестьянство (а тогда крестьяне представляли большинство, городское население было крайне слабо развито) считалось прикрепленным к земле, — отсюда произошло и самое понятие — крепостное право. Крестьянин мог работать определенное число дней на себя на том участке, который давал ему помещик, другую часть дня крепостной крестьянин работал на барина. Сущность классового общества оставалась: общество держалось на классовой эксплуатации. Полноправными могли быть только помещики, крестьяне считались бесправными. Их положение на практике очень слабо отличалось от положения рабов в рабовладельческом государстве... Крепостные крестьяне в области всяких политических прав были исключены абсолютно.

И при рабстве и при крепостном праве господство небольшого меньшинства людей над громадным большинством их не может обходиться без принуждения...

Для удержания своего господства, для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппа-

---

[1] Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, стр. 332. Госполитиздат, 1945 г.

рат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам, — и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином. Это и было крепостническое государство...»[1]

Екатерина II, «мать отечества», как называли ее благодарные дворяне, раздавала своим приближенным сотни тысяч десятин земли с жившими на ней крестьянами. Братья Орловы, участвовавшие в дворцовом перевороте 1762 года, возведшем Екатерину на царский престол, получили в подарок свыше 50 тысяч крестьян; фельдмаршал Потемкин, самый могущественный из ее фаворитов[2], — свыше 40 тысяч крестьян. Екатерина раздарила дворянам до 800 тысяч человек. В ее царствование число крепостных крестьян, принадлежавших помещикам, составляло более половины крестьянского населения.

Из числа остальных крестьян наибольшее количество принадлежало государству — «государственные» крестьяне. Потом шли «дворцовые» крестьяне, подати с которых расходовались на содержание царского двора; «экономические» крестьяне — отобранные Екатериной вместе с землями у монастырей и переданные в ведение особого учреждения — коллегии экономии; и «удельные» крестьяне, как стали называться при Павле I крестьяне, составлявшие личную собственность царской семьи.

Крестьяне были рабами.

Их личность, их жизнь, их труд, имущество — все было подвластно произволу помещика. Чтобы

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIV, стр. 370—372, изд. 3-е.

[2] Фаворит — любимец, покровительствуемый знатным лицом, временщик.

заставить рабов повиноваться, помещикам нужна была не только грубая сила, но и «законная» неограниченная власть над ними. В 1765 году, по указу Екатерины, помещики получили право ссылать непокорных крестьян «за дерзость» на каторжные работы. А еще через два года рабам-крестьянам было запрещено подавать какие бы то ни было жалобы на помещиков. За нарушение этого запрета виновных ожидали суровые наказания: «за первое дерзновение отсылать таковых в работу на каторгу на месяц, — говорилось в указе Екатерины, — за второе, с наказанием публично, отсылать туда же на год... а за третье преступление, с наказанием публично плетьми, ссылать навечно в Нерчинск...»

Крепостные крестьяне не имели никаких прав, они были, по точному и страшному определению Радищева, «в законе мертвы».

Во второй половине XVIII века широко распространилась торговля крепостными рабами. Помещики продавали своих крестьян «на вывоз», отдельно от земли, продавали целые деревни, семьи, отдельных крестьян, отрывая их от семей — жен от мужей, детей от родителей, — «враздробь с приплодом», как говорили тогда.

Обычным явлением были издевательства и мучительства крепостников, доходившие до изощренных пыток, до убийства, как у помещицы Салтычихи, замучившей до смерти больше 100 человек.

Богатый пензенский помещик Н. Е. Струйский, увлекавшийся поэзией, подражавший в своих нескладных виршах Вольтеру[1], сам судил крестьян по

---

[1] Вольтер, Мари-Франсуа (1694—1778) — один из крупнейших французских просветителей XVIII века, поэт, философ, историк.

всем правилам европейской юридической науки. Он сам читал обвинительные заключения, сам произносил защитительные речи. В подвалах дома у него был целый арсенал необходимых орудий для пыток, которые он широко применял во время своих судебных процессов над безответными подсудимыми.

Струйский, по словам историка В. О. Ключевского[1], был вполне дитя екатерининского века, до такой степени, что не мог пережить его: когда он узнал о смерти Екатерины, с ним сделался удар, он лишился языка и вскоре умер.

Не каждый помещик «мучительствовал» над своими крестьянами так, как Салтычихи, Струйские и многие, им подобные. Но каждый был безжалостным эксплоататором крестьянского труда и каждый смотрел на крестьянина-раба как на некое бесправное и бессловесное существо, безраздельно принадлежащее ему, помещику. И когда Радищев в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» гневно восклицал: «Страшись, помещик жестосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение», — он имел в виду именно всех помещиков, всех крепостников.

Из года в год ухудшалось положение крепостных, усиливался гнет помещичьего произвола. «Из мучительства рождается вольность», — писал впоследствии Радищев. Положение крепостных рабов не могло не вызвать с их стороны попыток к сопротивлению. Крестьяне убегали от помещиков, собирались в вооруженные отряды. В 40-х и 50-х годах за ними охотились царские войска, посылаемые для «сыска воров и разбойников».

---

[1] «Курс русской истории», ч. V, стр. 201.

Позднее, в 70-е годы, крестьяне, «работные люди» крепостных заводов, угнетенные национальности подняли против своих притеснителей восстание. Их отважный вождь Емельян Пугачев повел вольнолюбивую рать по оренбургским степям к Волге, отмечая свой путь дымным заревом крестьянской войны. Это был, по выражению А. Пушкина, «мятеж... поколебавший государство от Сибири до Москвы и от Кубани до Муромских лесов...» Пугачевское восстание кончилось, как и все прежние крестьянские восстания, подавлением.

«Отдельные крестьянские восстания, — говорит товарищ Сталин, — даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями. Только комбинированное восстание с рабочим классом может привести к цели»[1].

* * *

Власть крепостников, их классовые интересы возглавляла императрица Екатерина II, деспотически управлявшая Россией в течение 34 лет.

Еще в самом начале своего царствования Екатерина давала такие, например, приказы воинским командам, направляемым для подавления крестьянских восстаний:

«Стращать их (крестьян. — *Б. Е.*) не только им-

---

[1] И. В. Сталин, Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13.XII 1931 г., стр. 23—24 Партиздат, 1937 г.

ператорским гневом, но и жестокою казнью, а напоследок огнем, мечом и всем тем, что только от вооруженной руки произойти может... Намерены мы помещиков при их имениях и владениях нерушимо сохранять, а крестьян в должном их повиновении содержать...»

В то же время, в первые годы царствования, сознавая непрочность короны Российской империи на своей немецкой голове, Екатерина надела маску свободомыслящего «философа на троне». Это хитрое фиглярство было необходимо ей — циничному политику, чтобы пускать пыль в глаза передовым людям России и Западной Европы, чтобы обманывать общественное мнение.

Но вот дома начались беспорядки — крестьянские восстания, бунты; позднее там, за рубежом, стали собираться грозовые тучи революции. И от «свободомыслия» Екатерины не осталось ничего. Началось «самодержавство» — откровенное, неприкрытое, грубое. «...Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, — писал А. Пушкин в «Заметках по русской истории XVIII в.», — откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия, — и тогда голос обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятий России... Екатерина уничтожила звание (справедливее — название) рабства, а раздарила около миллиона государственных крестьян (т.-е. свободных хлебопашцев) и закрепостила вольную Малороссию и поль-

ские провинции. Екатерина уничтожила пытку, а тайная канцелярия процветала под ее патриархальным правлением; Екатерина любила просвещение, а Новиков, распространивший первые лучи его, перешел из рук Шешковского (в сноске у Пушкина — «домашний палач кроткой Екатерины») в темницу, где и находился до самой ее смерти. Радищев был сослан в Сибирь; Княжнин умер под розгами, и Фонвизин, которого она боялась, не избегнул бы той же участи, если бы не чрезвычайная его известность...»

С горечью и гневом писал Герцен в предисловии к лондонскому изданию «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева о пресловутых екатерининских временах, о том, что с каждым днем «Пудра и блестки, румяна и мишура, Вольтер, Наказ[1] и прочие драпри, покрывавшие матушку-императрицу», падают все больше и она предстает в своем истинном виде.

«Двор, — Россия, жила тогда двором, — был постоянно разделен на партии, без мысли, без государственных людей во главе, без плана, — пишет Герцен, — у каждой партии вместо знамени — гвардейский гладиатор, которого седые министры, сенаторы и полководцы толкают в опозоренную постель, прикрытую порфирой Мономаха. Потемкин, Орлов, Панин, — каждый имеет запас кандидатов, за ними посылают в случае надобности курьеров в действующую армию... Удостоенного водворяют

---

[1] «Наказ 1767 года» — руководство, данное Екатериной II комиссии по составлению нового уложения, содержавшее много мыслей и положений, заимствованных из произведений представителей «просветительной философии».

во дворце (в комнатах предшественника, которому дают отступную — тысяч 5 крестьян в крепость), покрывают бриллиантами (пуговицы Ланского стоили 80 000 рублей серебром), звездами, лентами и сама императрица везет его показывать в оперу; публика, предупрежденная, ломится в театр и втридорога платит, чтобы посмотреть нового наложника...»

Придворная сановная чернь тупо и высокомерно презирала все русское, народное и, рабски заимствуя чужеземный внешний лоск, оставалась косной и жадной, невежественной массой крепостников-рабовладельцев, далеких от родной действительности и, несмотря на свои златотканные камзолы, пудреные парики, французскую речь, от подлинной культуры. Граф А. Р. Воронцов, друг и покровитель Радищева, прекрасно выразил в своей «Автобиографической записке» отчужденность дворянства от русской жизни, русской культуры:

«Можно сказать, что Россия единственная страна, где пренебрегают изучением своего родного языка, и все то, что относится к родной стране, чуждо настоящему поколению. Лицо с претензией на просвещение в Петербурге и в Москве заботится научить своих детей по-французски, окружает их иностранцами, нанимает для них за дорогую цену учителей танцев и музыки и не научает их отечественному языку, так что это прекрасное и очень дорогое воспитание ведет к совершенному невежеству относительно своей страны, к равнодушию, может быть, даже к презрению к той стране, с которой связано собственное существование...»

Это было время жестоких противоречий, грубой, лицемерной и ханжеской лжи — лжи и обмана

в государственном масштабе, — время неслыханных судеб — «фортун» — случайных людей, сказочных дворцовых празднеств и народной нищеты, крестьянских восстаний. Наряду с толками о свободе закрепощались десятки, сотни тысяч вольных казаков и крестьян. Споры о правах человека не мешали продаже крепостных семей. От чтения «Духа законов» и «Энциклопедии» [1] дворяне-помещики переходили к собственноручной расправе с дворовыми крестьянами...

Недаром Грибоедов удивлялся двойственности нравственного облика дворян XVIII века.

Он возмущался сочетанием противоположностей: «извне рыцарство в нравах, в сердцах отсутствие всякого чувства», «смесь пороков и любезности». Он возмущался, как мог человек отважно сражаться с турками под знаменами Суворова, а потом «ласкательствовать» [2] в прихожей «случайных» людей в Петербурге [3].

Эта двойственность, мучительная противоречивость жизни, порою больно уязвляла мыслящих людей XVIII столетия. Иные проникались презрением к российской действительности, иные искали забвения в дебрях метафизики, в тумане мистицизма,

---

[1] «Дух законов» — сочинение Шарля-Луи Монтескье, французского политического писателя, одного из родоначальников европейского либерализма (1689—1755). «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера являлась одним из проявлений свободной мысли передовых французских писателей и философов в их борьбе с церковью и абсолютизмом.

[2] Ласкательствовать — льстить, угождать.

[3] См. об этом Вл. Каллаш, «Рабства враг». Введение к полному собр. соч. А. Радищева, т. 1. М., изд. В. Саблина, 1907 г.

в масонстве [1]. Были и такие, что уходили из жизни.

В 1793 году покончил с собой ярославский помещик Опочинин, один из русских «вольнодумцев». В предсмертном завещании он написал:

«Отвращение к нашей русской жизни есть то самое побуждение, принудившее меня решить своевольно свою судьбу». Он завещал отпустить на волю два семейства дворовых, раздать барский хлеб крестьянам.

«Книги, мои любезные книги! — писал он в завещании о своей библиотеке. — Не знаю, кому завещать их: я уверен, в здешней стране они никому не надобны; прошу покорно моих наследников предать их огню; они были первое мое сокровище; они только и питали меня в моей жизни; если бы не было их, то моя жизнь шла бы в беспрерывном огорчении, и я давно бы с презрением оставил сей свет...»

Такие, как Опочинин, в силу своей классовой ограниченности, не умели или не хотели видеть и понять того, что никакой гнет, никакие насилия не могут принизить великий русский народ, заглушить его рост, остановить его движение вперед, понять того, что он жив, силен и мудр — «народ, к величию и славе рожденный».

Не смолкая, гремит на весь мир русская воинская слава. Русские солдаты идут дорогой побед — от Полтавской баталии до Гангута, от Кунерсдор-

[1] Масоны («вольные каменщики») — члены тайного религиозно-философского общества с мистическими обрядами. Выставляя лозунги всеобщего «братства людей», масоны были по своей социально-политической идеологии реакционной, преимущественно дворянской организацией.

фа до Ларги и Кагула, от штурма Измаила до льдов и снегов побежденного Паникса[1].

Сын поморского крестьянина, великий русский ученый Михайло Ломоносов, создает свою теорию строения материи, которую затем признал весь мир, разрабатывает понятие о химическом элементе, делает множество других научных открытий, очищает русский язык от искажений.

Отважные мореплаватели правят бег русских кораблей к пустынным берегам снежной Аляски.

Работают, творят русские ученые, архитекторы, художники, поэты и писатели, создавая произведения искусства, навсегда вошедшие в сокровищницу человеческой культуры.

И тот, кто умел должным образом понять и оценить проявления могучих сил родного народа, тот знал, что есть еще и другой жизненный путь для русских людей с чуткой к неправде и сильной душой: путь борьбы с самодержавным, крепостническим гнетом и насилием.

С середины XVIII столетия в России появляются из среды разночинцев и передовых дворян ученые и писатели, которые начинают осуждать главное зло своего времени — крепостное право, а также и социальные условия, породившие и упрочившие его, — самодержавный строй. К числу этих ученых и публицистов относятся прежде всего А. Я. Поленов, С. Е. Десницкий, Я. П. Козельский,

---

[1] При Гангуте одержана победа над шведским флотом (1714); при Кунерсдорфе разбиты войска Фридриха II (1759); на реках Ларга и Кагул нанесены тяжелые поражения татарским и турецким войскам (1770). Паникс — снеговой хребет в Альпах, через который Суворов провел армию (1799).

Н. И. Новиков. (Подробнее об их деятельности будет сказано ниже.)

В области русской литературы плодотворно работают Д. И. Фонвизин, М. М. Херасков, Г. Р. Державин, Я. Б. Княжнин, В. В. Капнист, И. А. Крылов, Н. М. Карамзин, И. И. Дмитриев и многие другие. В эти годы появляются такие произведения, как «Бригадир» и «Недоросль» Фонвизина, как трагедия «Вадим Новгородский» Княжнина, как «Ябеда» и «Ода на рабство» Капниста, «Письма русского путешественника» и «Бедная Лиза» Карамзина, оды Державина, стихи Дмитриева, первые произведения молодого Крылова.

Происходит постепенное, — и чем дальше, тем все более активное, — накапливание идей в области философии, в области политических учений — идей, которые впоследствии лягут в основу русского демократического мировоззрения.

Русская передовая культура все явственнее отходит от царского двора, становится все более враждебной ему, приобретая все большую самостоятельность и становясь подлинно народной.

Именно эта культурная, эта политическая среда выдвинула Радищева, оказала прямое воздействие на формирование его мировоззрения.

Мировоззрение Радищева формировалось в сложную, богатую внутренними противоречиями эпоху возникновения новых производительных сил, последующее развитие и созревание которых, как учит товарищ Сталин в своем труде «О диалектическом и историческом материализме», неизбежно приводит к революционному свержению старых производственных отношений и утверждению новых.

«После того, как новые производительные силы

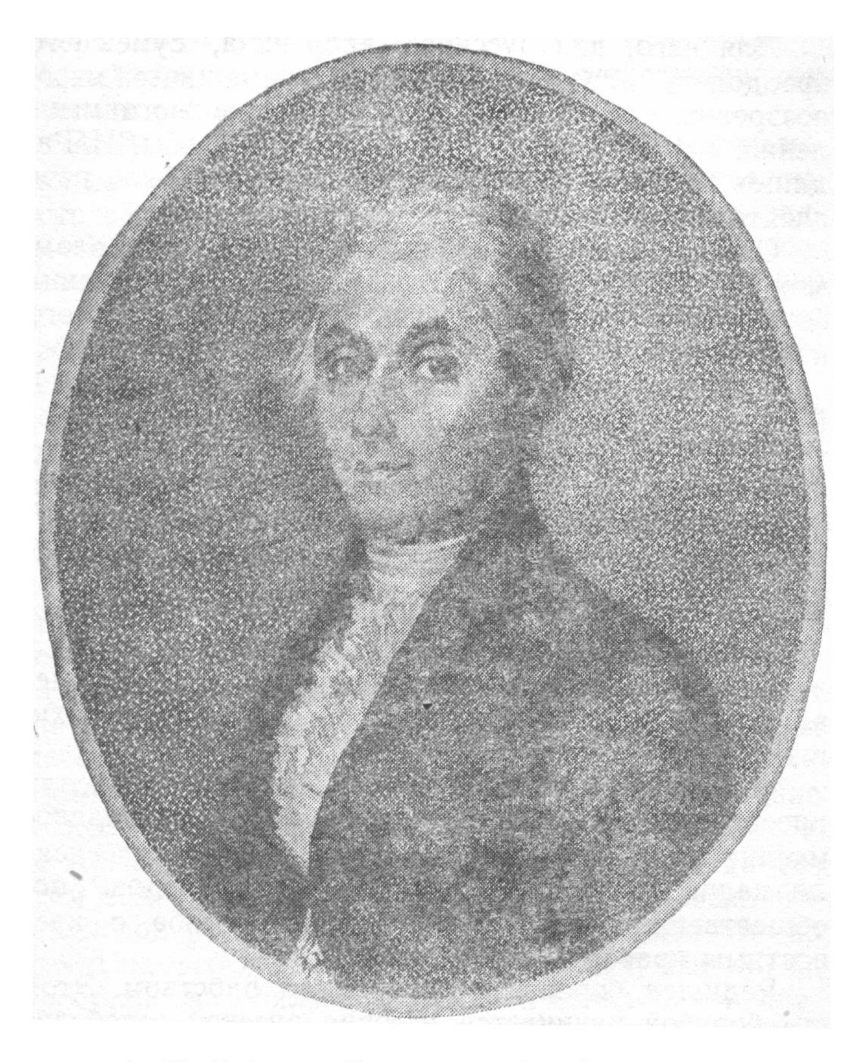
созрели, существующие производственные отношения и их носители — господствующие классы, превращаются в ту «непреодолимую» преграду, которую можно снять с дороги лишь путем сознательной деятельности новых классов, путем насильственных действий этих классов, путем революции. Здесь особенно ярко выступает **громадная роль** новых общественных идей, новых политических учреждений, новой политической власти, призванных упразднить силой старые производственные отношения. На основе конфликта между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями, на основе новых экономических потребностей общества возникают новые общественные идеи, новые идеи организуют и мобилизуют массы, массы сплачиваются в новую политическую армию, создают новую революционную власть и используют ее для того, чтобы упразднить силой старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки»[1].

Радищев был одним из первых провозвестников тех новых общественных идей, которые в дальнейшем своем развитии и становлении легли в основу длительной, героической революционной борьбы нового со старым, стали организовывать массы, сплачивать их, вели и привели под руководством партии большевиков к победе в его родной стране.

Он был первым среди русских демократов-просветителей — первым не столько по времени, сколько по революционной силе и ясности своих убеждений, по смелости и последовательности своих действий.

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 561, изд. 11-е.

А. Н. Радищев. С гравюры Вендрамини.

Для него, для русского дворянина, сумевшего преодолеть классовое дворянско-помещичье мировоззрение, ставшего на путь революционного мышления, оставался один путь — путь борьбы. И Радищев избрал этот путь. Его оружием было перо писателя.

Он громко и смело заявил о преступном и злом, что видел вокруг себя, и о своем стремлении бороться за вольную жизнь, за счастье родного народа.

Он был предельно искренен и бескорыстен. Вступив на путь справедливой борьбы, он надеялся, что в далеком счастливом будущем подвиг его жизни не будет забыт. Он надеялся, что юноши, собираясь в бой за свободу, честь и славу своей родины, будут приходить на его «обветшалую гробницу» и с благодарностью вспомнят о том, кто

Нам вольность первый прорицал...

Чтобы правильно оценить деятельность Радищева, нужно учесть исторические особенности эпохи, в которую он жил и боролся.

«Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»[1].

Радищев боролся с крепостным рабством. Этой его борьбой начинается история русской освободительной мысли. Великий русский патриот, он был первым русским революционным мыслителем, рево-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 473, изд. 4-е.

люционным деятелем, прямым предшественником русских революционеров XIX столетия.

А. В. Луначарский с полным основанием указывал на то, что Радищев был не только гуманистом, потрясенным зверствами крепостного права, предшественником кающегося дворянина вроде либерального Тургенева, но что он был «революционер с головы до ног». Радищев ждал избавления от рабства не милостью царей, а в силу излишества угнетения, то-есть путем восстания[1].

Он был активным участником ожесточенной классовой борьбы, потрясавшей основы крепостнического государства Екатерины II.

«Что такое *классовая борьба?* Это — борьба одной части народа против другой, борьба массы бесправных, угнетенных и трудящихся против... собственников или буржуазии. И в русской деревне всегда происходила и теперь происходит эта великая борьба, хотя не все видят ее, не все понимают значение ее. Когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство. Крестьяне не могли объединиться, крестьяне были тогда совсем задавлены темнотой, у крестьян не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли. Крестьяне не боялись зверских преследований правительства, не боялись экзекуций и пуль, крестьяне не верили попам, которые из кожи лезли, доказы-

[1] А. В. Луначарский, Речь на открытии памятника Радищеву. «А. Н. Радищев — первый пророк и мученик революции», стр. 4—5, 1919 г.

вая, что крепостное право одобрено священным писанием и узаконено богом (прямо так и говорил тогда митрополит Филарет!), крестьяне поднимались то здесь, то там, и правительство наконец уступило, боясь общего восстания всех крестьян»[1].

В этой борьбе Радищев словом и делом был на стороне угнетенного класса, на стороне крепостных крестьян. Бессмертная книга Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» — его оружие в этой борьбе.

В течение всей жизни он не хотел мириться с рабским положением крестьян. Он был убежден, что освободить народ от оков рабства может только революция, и притом революция крестьянская. Это и понятно: в те времена рабочего класса в России не было.

Больше того, Радищев считал, что революция в России не только нужна, но и неизбежна.

В крестьянской войне под водительством Емельяна Пугачева он увидел наглядное свидетельство того, что порабощенный русский народ готов в любой час подняться с оружием в руках против своих поработителей.

В этой революционной направленности — основа действенного, боевого патриотизма Радищева, боровшегося с «квасным патриотизмом» дворян-реакционеров, стремившихся сберечь, закрепить российскую дикость и отсталость того времени и тем самым сохранить крепостное рабство.

В самые трудные, самые тяжелые дни своей жизни, в руках палача, перед лицом смертной казни Радищев не отступает от своего основного стремле-

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 384, изд. 4-е.

ния, которому он посвятил всю жизнь и которое наиболее ярко выражено в «Путешествии из Петербурга в Москву». «Желание мое, — говорит он на судебном следствии, — стремилось к тому, чтобы всех крестьян от помещиков отобрать и сделать их вольными...»

* * *

Радищев был образованнейшим человеком своего времени.

Он был широко осведомлен в области политической экономии, истории, юридических наук, медицины, физики, химии, ботаники, располагал глубокими познаниями в области русской и иностранной литературы, философии. По своим знаниям, по обширному кругу научных интересов он представлял собою выдающееся явление не только для своего времени.

И именно он, образованнейший, просвещеннейший писатель, достигший вершин знания и философской мысли, поднял свой голос в защиту родного исстрадавшегося народа, заговорил от его лица.

Вооруженный передовой наукой и знанием, Радищев стоит у истоков русской материалистической философии, развивавшейся под воздействием в первую очередь материалистических традиций великого Ломоносова. Недаром в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев восхвалял Ломоносова за то, что тот, отряхая с себя схоластику [1] и заблуждения, открывал твердые и ясные пути «во храм любомудрия» [2].

---

[1] Схоластика — начетничество, знание, основанное на формальном изучении предмета, бесплодное умствование.

[2] Любомудрие — философия.

Как всесторонне и широко образованный человек, Радищев, разумеется, был хорошо знаком и с идеями французских философов-материалистов (в свои студенческие годы он с увлечением изучал их произведения) и с немецкой идеалистической философией. Буржуазные исследователи Радищева, как правило, изображали его в неприсущей ему роли «ученика» французских философов-просветителей[1]. Это было сознательным, реакционным по своему существу стремлением принизить значение Радищева, умалить его роль в истории русской культуры.

Одним из первых критиков Радищева во второй половине XIX века был М. Лонгинов, буржуазный историк русской литературы, выступавший против идейной направленности Радищева. С работами о Радищеве выступали Е. Бобров, И. Лапшин, А. Незеленов, Г. Шпет и другие буржуазные историки русской литературы и философии, стараясь снизить значение Радищева, изобразить его учеником западноевропейских философов.

Радищев, как и все великие русские мыслители-материалисты, всегда шел самостоятельными путями, во всем был оригинален и самобытен. Решая высший, основной вопрос философии, он понимал многое из того, что было еще неясным для французских философов-материалистов.

«Высший вопрос всей философии», по словам Энгельса, есть «вопрос об отношении мышления к бытию, духа к природе. ...Философы разделились на

---

[1] Просветители — философы и писатели, представители так называемой «просветительной философии», выражавшей передовые, прогрессивные устремления западноевропейской буржуазии XVIII века.

два больших лагеря сообразно тому, как отвечали они на этот вопрос. Те, которые утверждали, что дух существовал прежде природы... составили идеалистический лагерь. Тем же, которые основным началом считали природу, примкнули к различным школам материализма».

«Вещественный, чувственно воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственный действительный мир... Наше сознание и мышление, каким бы сверхчувственным оно ни казалось, является продуктом вещественного, телесного органа, мозга. Материя не есть продукт духа, а дух сам есть лишь высший продукт материи» [1].

Радищев принадлежал к передовому лагерю философов-материалистов. Высший, основной вопрос философии он решал в своих произведениях с материалистических позиций.

«Бытие вещей, — писал он, — не зависимо от силы познания о них и существует само по себе».

«Устремляй мысль свою, воспаряй воображение; ты мыслишь органом телесным, как можешь представить себе что-либо опричь телесности?»

Так писал Радищев в трактате «О человеке, его смертности и бессмертии», утверждая тем самым основной материалистический тезис о первичности материи и вторичности мышления.

Однако материалистическое мировоззрение Радищева не лишено внутренних противоречий, не всегда последовательно, что характерно для всех материалистов его времени. Случалось, что он колебался между религиозной догмой о бессмертии

---

[1] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. К. Маркс, Избранные произведения, т. I, стр. 394, 397—398. Госполитиздат, 1940 г.

души и наукой, отвергающей мистическое учение о загробной жизни, признавал «высшую силу», якобы давшую материи движение: «и се рука всемощная, толкнув вещественность в пространство, дала ей движение...»

Но, не будучи последовательным атеистом, он смело и резко разоблачал реакционную сущность религии и церкви как средств угнетения и порабощения народа.

Одним из существенных недостатков мировоззрения Радищева является также то, что он, как и все материалисты домарксова периода, не сумел подойти к явлениям общественной жизни с материалистических позиций.

Несмотря на все это, философский материализм Радищева — воинствующий материализм, направленный против господствовавшей в то время религиозно-схоластической идеологии, против мистицизма и суеверий, служащий интересам порабощенного народа. Материализм Радищева является теоретической и идейной основой его революционной деятельности. Тогда как многие из современных ему западноевропейских мыслителей-материалистов надеялись на возможность улучшения жизни народа по воле «просвещенного» монарха, Радищев, как говорилось выше, прежде всего ждал избавления от рабства путем революционного восстания народа.

Таковы в самых общих чертах основы мировоззрения Радищева. В дальнейшем более подробно будет сказано, как оно формировалось и в какой степени определяло собою жизнь и деятельность великого русского писателя-революционера. Сейчас хотелось бы еще отметить, что торжество идей

марксизма в России обусловлено в значительной степени «солидной материалистической традицией», которая имелась, как писал В. И. Ленин, «у главных направлений передовой общественной мысли России» [1].

Эта материалистическая традиция начата трудами Ломоносова и Радищева и продолжена великими русскими философами, учеными и писателями, освобождавшими русский народ от дурмана поповщины и идеализма.

Ломоносовым начинается русский естественно-научный материализм.

Всю свою жизнь боролся он со средневековой схоластикой в науке. Всю свою жизнь пропагандировал он материализм как единственно правильное научное мировоззрение.

Радищев стоит у другого истока русской материалистической философии, которая в дальнейшем сольется с русским революционным движением, углубленная и развитая декабристами и Герценом, Белинским, Чернышевским, Добролюбовым и другими борцами против крепостничества и самодержавия.

Следует также сказать, что материалистическая философская мысль в России никогда не ограничивалась кругом одних лишь теоретических вопросов, но всегда стремилась к практическому приложению в жизни, к преобразованию общественной жизни. Эта характерная черта русской материалистической мысли — ее органическая связь с творческой созидательной деятельностью народа, с его борьбой — характерна и для Радищева. Уже одно

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXVII, стр. 180, изд. 3-е.

это позволяет говорить о нем как об одном из величайших мыслителей XVIII века.

Наконец, значение Радищева не только в том, что он был великим революционным деятелем, но и в том, что он один из замечательных русских писателей.

И здесь, в области литературного труда, он выступает не как последователь западноевропейской литературы XVIII века, а как самобытный русский писатель, писатель-новатор, связанный неразрывными узами с родиной, со своим народом.

Если как философ Радищев — материалист, то как писатель он стоит в начале реалистического направления в русской литературе.

* * *

...Со старинного портрета, быть может писанного крепостным художником, на нас смотрит умное, красивое лицо, с большими живыми глазами, обрамленное гладким пудреным париком. Оно очень привлекательно, это лицо, прежде всего потому, что одухотворено глубокой мыслью.

Радищева нельзя не принять умом, нельзя не понять и не оценить его историческую заслугу перед родиной. Но узнав его ближе, нельзя не принять его и сердцем, нельзя не полюбить его как человека.

Он может быть воспринят нами не только как замечательная историческая фигура, но и как наш близкий друг, — так много в нем тех черт, которые мы, его потомки, особенно ценим в людях.

II. НА ЗАРЕ ЖИЗНИ

«...Не без удовольствия, думаю, любезнейший мой друг, вспоминаешь иногда о днях юности своея...»

А. Радищев

Всю жизнь Радищев хранил в душе привязанность к семье, родителям, родному дому в селе Верхнее Аблязово, в котором прошло его детство. Он тосковал в разлуке с ними и при первой возможности спешил побывать в родных местах, обнять отца и мать.

Миром детства Радищева был мир старой крепостной России, память о котором нам сохранили страницы «Недоросля» и «Капитанской дочки».

Но Радищев не принял его и боролся за то, чтобы уничтожить этот мир. Даже теплые воспоминания детства не спасли этот мир от приговора, который Радищев раз и навсегда вынес ему в глубине своей души.

Всего в шести верстах от поместья отца Радищева находилось имение богатого помещика Василия Николаевича Зубова, известного жестокостью в обращении со своими крестьянами. Зубов купил село Анненково с 250 душами и множеством земли и начал с того, что отобрал у мужиков весь

хлеб, скотину, лошадей. Он посадил крестьян на «месячину»[1] и в рабочую пору кормил их на барском дворе наливая в большие корыта щи. Зубов строго наказывал крестьян за малейшую провинность, сажал их в острог, построенный в отдаленной деревне. Одного приказчика он держал на цепи больше года...

Понадобится много лет жизни, понадобится большой опыт горячего сердца и пытливого ума, чтобы этот страшный мир рабства и угнетения заслонил собою все остальное и, взывая к совести и чувству справедливости, стал вечной, неодолимой болью Радищева, стал объектом его страстного и действенного сочувствия.

Все это придет позднее, с ростом самосознания, спустя много-много лет... В детские же годы свои Радищев беззаботно жил в большом двухэтажном помещичьем доме.

Есть позднейшие фотографии и акварельный рисунок этого дома. Он выглядит на них ветхим, полуразвалившимся. Кругом скучные, пустые поля. Крыша дома провалилась, окна заколочены досками.

Внук Радищева, художник А. Боголюбов, посетивший родные места в 80-х годах прошлого столетия, оставил горестную запись: «Что стало с домом, где жил мой дед, Александр Николаевич Радищев, — половина его была разобрана, крыша дырявилась, и кирпичи валялись на громадном дворе...»

В настоящее время на том месте, где был дом

---

[1] Месячина — содержание натурой, которое получали крепостные крестьяне, обезземеленные помещиком.

Дом Радищевых и церковь в селе Верхнее Аблязово.

Радищева, водружен обелиск с надписью на мраморной доске: «Здесь был дом, в котором родился выдающийся русский революционер и писатель Александр Николаевич Радищев».

В годы детства Радищева этот дом был окружен садом и цветником. Были в нем и зал в два света, и диванная, и барский кабинет с пыльной, засиженной мухами коллекцией старинного оружия, с набором длинных трубок, и низенькие антресоли для детей, и тесные, пропахшие дымом и капустой людские. А со стен душных, редко проветриваемых комнат смотрели наивные в своей застывшей важности портреты предков в золотых потускневших рамах...

* * *

Предки Радищева были типичными представителями мелкопоместного служилого дворянства, вынужденного служить, чтобы обеспечить себя.

Один из Радищевых в свите петровского «великого посольства» ездил в Европу. Быть может, ему довелось поработать с «урядником Петром Михайловым» [1] на голландских верфях.

До нас дошел портрет одного из предков Радищева. На нем кистью неизвестного, должно быть крепостного, художника изображен дед Радищева — Афанасий Прокофьевич — со значком полковника — «перначом», казацкой саблей в пухлой руке, в богатом парчевом кунтуше [2]. Этот человек с полным и недобрым лицом начал свой нелегкий жизненный путь бравым и грубым солдатом петровских времен. И если к концу жизни он пользовался известным достатком, то добился этого собственным горбом.

По семейному преданию, мать Афанасия Прокофьевича, деда Радищева, отправляя сына на государеву службу, дала ему сверх материнского благословения шесть копеек на дорогу и шерстяной домотканный кафтан. Он начал службу солдатом и дослужился до бригадирского чина. В семье сохранился рассказ, что он был денщиком Петра Великого.

Куда только не бросала его солдатская судьба! Афанасий Прокофьевич сражался со шведами в Курляндии, проделал Астраханский поход, Выборгский поход, принимал участие в Полтавской баталии,

---

[1] Под этим именем Петр I в составе «великого посольства» посетил страны Западной Европы.

[2] Кунтуш — польская и украинская старинная одежда с широкими разрезными рукавами.

А. П. Радищев. Дед А. Н. Радищева.

воевал в Польше, в Померании под Штральзундом и Штеттином.

При содействии князя Меншикова он получил почетное назначение в только что созданный кавалергардский корпус[1].

В чине подполковника, сорока лет отроду, Афанасий Прокофьевич женился на дочери богатого саратовского помещика Аблязова. Семейные предания сохранили забавную историю этой женитьбы. Так и кажется, что читаешь не дошедшую до нас повесть Ивана Петровича Белкина!..

Пылкий и простодушный кавалергард принял за дочь помещика привлекательную дворовую девушку, и она очень понравилась ему. Дочь же помещика была дурна собою, кривобока и мала ростом. На девичнике вместо нее рядом с женихом посадили разряженную дворовую девушку — ту самую, что приглянулась кавалергарду. Обман открылся только после свадьбы. Ничего неизвестно о чувствах обманутого кавалергарда, но известно, что его дурнушка-жена так и не простила своей крепостной девке, что та целовалась с Афанасием Прокофьевичем, когда гости по обычаю кричали «горько».

Впоследствии Афанасий Прокофьевич купил у своих родственников имения около Малоярославца и обосновался в двух верстах от этого города, в сельце Немцове, где до того жила его мать, так и не дождавшаяся возвращения сына с государевой службы.

В Немцове он построил большой каменный дом, а в городе Малоярославце — соборную церковь.

---

[1] Кавалергарды — конный гвардейский полк, самая аристократическая воинская часть в царской армии.

* * *

Сын Афанасия Прокофьевича — Николай Афанасьевич — был уже не только человеком иного поколения, но и иного душевного склада.

Он не был честолюбив и, как человек обеспеченный, служил мало и рано вышел в отставку. Он прожил долгую спокойную жизнь, расчетливо пользуясь накопленным добром. Николай Афанасьевич был просвещенным человеком. В годы службы своего отца в Стародубе он рос и воспитывался, как настоящий панич. Он знал языки—латинский французский, немецкий, польский, изучал богословие и историю.

Повидимому, это был человек серьезный, положительный, и то, что он в молодые годы оказался богатым наследником, не вскружило ему голову. Его поместья были разбросаны в восьми губерниях. У него было более 2 тысяч душ крепостных, свыше двухсот человек дворни в барской усадьбе в Аблязове, конский завод.

Женился Николай Афанасьевич рано, 19 лет, на дочери капитана Семеновского гвардейского полка Фекле Саввишне Аргамаковой.

Хотя у него были и подмосковные имения и дом в Москве, он, сторонясь столичной суеты, обосновался с молодой женой в сельской глуши — в тихом, мирном Аблязове, изрядно удаленном даже от ближайших городов — Пензы и Сызрани.

Здесь он построил каменный двухэтажный дом, единственный на весь уезд. При доме был сад «плодовитый и регулярный».

Один из его внуков рассказывает, что Николай Афанасьевич «любил сельское хозяйство, о коем

читал много», что он был «добрый помещик, любимый своими крестьянами», и что «его крестьянам было так льготно жить, что из соседственных деревень, от других помещиков и даже из казенных селений девки охотно шли замуж в его отчины...»

Знаменательно, к слову сказать, что по ревизской сказке, в Верхнем Аблязове, в этом большом селе, за двадцать лет не было ни одного беглого крестьянина и ни одного сосланного волей помещика на поселение.

А. В. Луначарский в своей речи о Радищеве высказал предположение, что родители Радищева, «люди добрые, могли осуждать своих диких соседей и рано заложить зерно мучительной жалости и огненного негодования в сердце подрастающего человека великой совести...»

Один из исследователей истории рода Радищевых сделал интересное сопоставление Николая Афанасьевича Радищева с фонвизинским Стародумом:

«Они принадлежат к одному поколению, оба они дети петровских служак. Оба «достают деньги» от земли, «не променивая их на совесть без подлой выслуги, не грабя отечество», — от земли, «которая... платит одни труды верно и щедро». И тот и другой — люди просвещенные и религиозные, хотя, может быть, и неодинаково учились. Один не захотел блистать при дворе, другой отказался от жизни в высшем кругу... Наконец, один словесно осуждает «злонравие» и «бесчеловечие» Простаковых, но отнюдь не отрицает крепостного права, считая только, что «угнетать рабством себе подобных беззаконно», другой своим отношением к крестьянам добивается

их покровительства в бурную пору Пугачевщины...»[1]

У Николая Афанасьевича было семь сыновей и четыре дочери. Старшим был Александр.

Родился Александр Радищев 20 августа (31 августа по новому стилю) 1749 года. Все свое детство прожил с родителями в их саратовской вотчине — в селе Верхнее Аблязово.

Интересна история этой дворянской семьи в смене трех поколений. Дед — заправский царский служака, добытчик и собиратель семейного благосостояния; отец — расчетливый и деятельный охранитель устоев семьи; сын — человек новых веяний, шагнувший далеко вперед, бунтарь и мученик, ниспровергатель и разрушитель тех священных основ, на которых зиждилось существование предыдущих поколений...

Родные радищевские места были в те давние времена пустынным и малозаселенным краем, краем дремучих лесов и ковыльных степей.

Здесь, на Самарской луке, где раздольная Волга огибает утесы Жигулевских гор, гуляли Ермак Тимофеевич и Иван Кольцо. Здесь подстерегала и грабила караваны торговых судов «понизовая вольница». Отсюда на всю Россию прогремело имя Степана Разина...

Сельская привольная жизнь открыла перед мальчиком задушевную, милую красу родной русской природы, навсегда привязала к Поволжью, научила любить родину.

---

[1] П. Г. Любомиров, Род Радищева. В сборнике: «А. Н. Радищев. Материалы и исследования», стр. 347. Изд. Академии наук СССР, 1936 г.

Старые темные леса, степные просторы, моря золотых хлебов. Зимой — посвист метели, сугробы снега под самую крышу избенок...

Деревня с ее трудовой, терпеливой жизнью, старинными обычаями и обрядами — все это навсегда стало родным, дорогим и близким по незабываемым впечатлениям детства.

А первые впечатления детства нередко сохраняются на всю жизнь, и их теплый свет освещает человеку жизненный путь. Не ими ли Александр Радищев навсегда и накрепко связал свою судьбу с судьбою русского народа?..

Впоследствии он с душевной теплотой вспомнит «блаженной памяти» нянюшку Прасковью Клементьевну, великую охотницу до «кофею». «Как чашек пять выпью, — говорила она, — так и свет вижу, а без того умерла бы в три дни...»

Вспомнит он также и своего крепостного дядьку Петра Мамонова, по прозвищу Сума, — человека «просвещенного», чесавшего волосы гребенкой, ходившего в полукафтанье, брившего бороду и усы, нюхавшего табак и мастера поиграть в картишки.

Как часто простые люди из народа — эти вот крепостные нянюшки и дядьки — оказывались первыми учителями жизни своих воспитанников-барчуков! Точно так было и в данном случае: нянюшка Клементьевна и Петр Сума рассказывали мальчику сказки, пели песни о «разбойничках», «удалых добрых молодцах», о Степане Тимофеевиче Разине. В этих сказках и песнях перед мальчиком раскрывалась вековечная, страстная и горячая тоска народа о «вольной волюшке».

Петр Сума обучал барчука грамоте по традиционным псалтырю и часослову. Николай Афанасье-

вич заботился о воспитании своего старшего сына. К нему, как полагалось, был приглашен француз-гувернер. Но этот носитель европейского просвещения, отважившийся в поисках сытного и теплого местечка заехать в саратовскую глушь — «pour être outchitel» [1] — оказался беглым солдатом. И его, точь-в-точь как злополучного мосье Бопре в «Капитанской дочке», с позором прогнали с барского двора.

Мы мало знаем о детстве Радищева. С полной достоверностью можно сказать одно: детство его мало чем внешне отличалось от обычного детства провинциальных дворян среднего достатка.

* * *

Лет восьми Александра Радищева отправили в Москву: отец видел, что ученость доброго Петра Сумы имеет пределы и что мальчику нужны иные наставники, иные учителя.

Москва!..

«...Некогда в Москве пребывали богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые, беспечные, страстные к безвредному злоречию и к дешевому хлебосольству; некогда Москва была сборным местом для всего русского дворянства, которое из всех провинций съезжалось в нее на зиму. Блестящая гвардейская молодежь налетала туда ж из Петербурга. Во всех концах древней столицы гремела музыка, и везде была толпа. В зале Благородного собра-

---

[1] «Чтобы стать учителем» (фр.). Из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина.

ния два раза в неделю было до пяти тысяч народу. Тут молодые люди знакомились между собою; улаживались свадьбы. Москва славилась невестами, как Вязьма пряниками; московские обеды вошли в пословицу. Невинные странности москвичей были признаком их независимости. Они жили по-своему, забавлялись, как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало, богатый чудак выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину рощу в карете из кованого серебра 84-й пробы. Третий на запятки четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и цугом тащится по летней мостовой...»[1]

Эту Москву, о которой Пушкин писал, как о Москве давних, прошлых времен, как раз и увидел Александр Радищев в годы детства.

На восьмилетнего мальчика, приехавшего из саратовской глуши, большой богатый город, с огромными «боярскими домами», которые во времена Пушкина стояли «печально между широким двором, заросшим травою и садом, запущенным и одичалым», произвел сильное впечатление.

Но дело не во внешних впечатлениях, — сделавшись привычными, они скоро теряют остроту, — а в том новом и доселе неведомом круге интересов, в который мальчик вступил в Москве.

Александр Радищев жил в семье своего родственника, Михаила Федоровича Аргамакова, человека влиятельного и просвещенного, связанного

---

[1] А. С. Пушкин, Путешествие из Москвы в Петербург.

Москва XVIII века. Дом Пашкова. Ныне Библиотека имени Ленина. Построен В. И. Баженовым.

родственными узами с директором молодого Московского университета А. М. Аргамаковым. Университетские профессора были частыми и желанными гостями в доме Михаила Федоровича. Больше того, они давали уроки его детям, вместе с которыми учился и Радищев.

Москву с давних пор справедливо считали столицей русского просвещения. Это, впрочем, не мешало поэту Александру Петровичу Сумарокову не без горечи и раздражения говорить, что в Москве все улицы вымощены невежеством «аршина на три толщиной».

По всей вероятности, этот нелестный отзыв Су-

марокова объясняется тем, что Москва в те времена, по словам историка В. О. Ключевского, была городом «разнообразных крайностей». В его многочисленном дворянском обществе встречались «носители всех перебывавших в России миросозерцаний — от Голубиной книги до системы природы Гольбаха»[1].

Москва была единственным тогда университетским городом, — университет был учрежден в ней в 1755 году по инициативе Ломоносова. В Москве печаталась вторая в России газета — «Московские ведомости». Летом 1756 года открыта была «в удовольствие любителей наук и охотников до чтения» университетская библиотека. При университете учреждены были две гимназии: одна—для дворян, другая — для разночинцев.

Повидимому, эти гимназии не отличались особенными успехами в просвещении юношеских умов.

Несколькими годами раньше приезда Александра Радищева в Москву в университетской гимназии учился его прославленный современник — Денис Иванович Фонвизин.

Впоследствии в своих воспоминаниях он оставил нам забавный рассказ о годах своего учения. Рассказ этот может послужить яркой иллюстрацией учебных занятий того времени.

«В бытность мою в университете, — вспоминает Фонвизин, — учились мы весьма беспорядочно. Ибо с одной стороны причиною тому была ребяческая леность, а с другой нерадение и пьянство учителей. Арифметический наш учитель пил смертную чашу;

---

[1] В. О. Ключевский, Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени.

латинского языка учитель был пример злонравия, пьянства и всех подлых пороков; но голову имел преострую, и как латинский, так и российский язык знал очень хорошо...»

Александр Радищев не учился ни в университетской гимназии, ни позднее в самом университете. Он ограничивался домашним обучением; и можно предположить, что именно это обучение, которое велось под руководством лучших университетских профессоров, давало ему больше, чем могло бы дать обучение в самом университете или гимназии.

Его развитию способствовала и та обстановка, которую он нашел в семье Аргамаковых, где интеллектуальные интересы занимали первое место, где каждая литературная и научная новость, каждая примечательная книга становились темой оживленных бесед и дружеских споров.

Годы жизни Радищева в Москве были годами довольно бурного брожения умов в среде столичной интеллигенции — в среде передового дворянства и разночинцев. В самых различных слоях общества и в самых различных формах проявлялось в эти годы недовольство правительством императрицы Елизаветы, еще более усилившееся при Петре III с его пронемецкой политикой. Всюду — в дворянских салонах, в кабинетах ученых и писателей, на вечеринках молодежи — критиковалось правительство, шли споры о крепостном праве, говорили об образовании, о литературе. Москва жила активной по тем временам общественной жизнью, и круг общественных интересов московской интеллигенции был широк. В Москве имелись литературные и научные общества и кружки, издавались журналы, передовые ученые читали лекции.

Семья Аргамаковых принимала самое живое участие во всей этой общественной и литературной жизни Москвы, и мальчик Радищев, таким образом, жил в атмосфере широких культурных интересов и запросов. Здесь, у Аргамаковых, он мог слышать острые антиправительственные эпиграммы Сумарокова, горячие речи молодого Фонвизина, мог встречаться с такими людьми, как будущий ученый-демократ, известный русский юрист Семен Десницкий, учившийся в то время в университете, или магистр Московского университета Д. С. Аничков, впоследствии автор «богопротивной» атеистической диссертации.

Все это, вместе взятое, вся эта обстановка становления передовой демократической мысли была для юного Радищева первой школой жизни — школой, которая дала определенное направление и содержание его мыслям и стремлениям, которая заложила в его сознании основы демократических идей.

Это была начальная стадия формирования его мировоззрения, первые ростки которого пробились на родной русской почве. Пройдет еще несколько лет, и эти его первые приобретения не только не заглохнут, но получат новый толчок к дальнейшему развитию и углублению.

Сейчас важно установить, что критическое начало, развившееся с годами, с ростом самосознания в непреклонную революционную убежденность, не было привнесено откуда-то извне, а росло и развивалось в Радищеве на почве окружавшей его российской действительности и было обусловлено все более глубоким постижением жизни страдающего

русского народа. В этом плане мальчику много дали его первые наставники — нянюшка Клементьевна и дядька Петр Сума, а потом та обстановка, в которой он жил в Москве. Сыграло свою роль и то обстоятельство, что в своей родной семье, в Аблязове, мальчик жил в обстановке более гуманного отношения к людям, более широких культурных интересов, чем это бывало обычно в провинциальных помещичьих семьях средней руки.

Кроме университетских преподавателей, воспитанием и образованием детей в семье Аргамаковых занимался гувернер-француз. Он ничем не напоминал первого гувернера Радищева, «учителя» из беглых солдат. Советник Руанского парламента, строгий республиканец, вынужденный покинуть Францию Людовика XV по причинам политического порядка, этот гувернер был широко образованным человеком. От него мальчик Радищев мог впервые услышать имена французских писателей-просветителей.

Радищев пробыл у Аргамаковых до отъезда в пажеский корпус, то-есть до 1763 года[1], когда ему исполнилось четырнадцать лет. Возникает вопрос: уместно ли говорить хотя бы о начальной стадии формирования мировоззрения Радищева в возрасте, в котором обычно отвлеченные понятия воспринимаются трудно?

Но, во-первых, речь идет не о сложившемся уже мировоззрении, а о тех первоначальных идеях и представлениях, которые составляют внутренний мир подростка, а во-вторых, следует учесть и случаи раннего развития детей — случаи, которых ис-

---

[1] Екатерина II и двор выехали из Москвы в Петербург 14 июня 1763 года.

тория знает немало. Невольно приходит на память раннее знакомство с французской литературой Пушкина, девятилетним мальчиком разыгрывавшего перед сестрой пьесу «Похититель» собственного сочинения, а к одиннадцати годам хорошо знавшего французских классиков и сочинения французских просветителей XVIII века.

Друг и покровитель Радищева, граф Александр Романович Воронцов, рассказывал, что двенадцати лет он «освоился с Вольтером, Расином, Корнелем, Буало [1] и другими французскими писателями».

Очень важное, а часто и решающее событие в жизни юноши, когда книга властно и покоряюще входит в его душевный мир, как друг и наставник. Со времени жизни в Москве у Аргамаковых книги навсегда стали лучшими друзьями Радищева. Во многих из них он находил поддержку на своем трудном жизненном пути, и они были тем источником его обширных и разносторонних знаний, которые поражали всех, кто был с ним близко знаком.

Русский язык и словесность Радищев и его товарищи изучали по творениям Кантемира, Ломоносова и Сумарокова.

Как раз в эти годы вышли в свет такие произведения Ломоносова, как «Российская грамматика», «Риторика», «Слово похвальное... Петру Великому», «Собрание разных сочинений в стихах и в прозе», «Петр Великий, героическая поэма» и другие. Нетрудно себе представить, какое впечатление производили на мальчика громкая торжественная

---

[1] Жан Расин (1639—1699), Пьер Корнель (1606—1684), Никола Буало (1636—1711) — французские писатели-классики.

музыка патриотических од Ломоносова, героические трагедии Сумарокова, а также его сатиры и притчи.

При обучении Радищева французскому языку, вероятно, использовались прежде всего классики. Но он мог читать произведения и новейших писателей, слава которых гремела по всей Европе. Юный Радищев, несомненно, увлекался волшебными сказками «Тысячи и одной ночи», приключениями Робинзона Крузо, неугомонным Жиль Блазом или вздыхал над горестной судьбой кавалера де Грие[1].

Немного позднее Радищев уж наверно прочитал романы Федора Эмина[2]. В 1763 году появились два романа этого плодовитого писателя: «Непостоянная фортуна, или похождение Мирамонда» и «Приключения Фемистокла».

«Мирамонд», ставший одним из самых популярных романов того времени, как раз и предназначался автором «молодому юношеству», которое «обыкновенно прелестьми к добродетелям влекомо бывает». Герой романа, добродетельный турецкий юноша Мирамонд, скитался по многим странам, обучаясь политике, которая «всякому общенадобна». Не раз он слышал рассказы о бедствиях простого народа. Некий принц рассказывал ему о бедственном положении земледельцев в «Индии», в описании которой нетрудно было угадать Россию:

«Есть ли кто в большем у нас презрении, как земледелец? Он кровавым потом чело свое орошает

---

[1] «Робинзон Крузо» — роман Д. Дефо; «Жиль Блаз» — роман французского писателя Лесажа; кавалер де Грие — герой романа французского писателя Прево — «Манон Леско».

[2] Ф. Эмин (около 1735—1770 гг.) — русский писатель, объездивший страны Европы, Азии и Америки.

ради общественной жизни; — в ночь не доспит, в день не доест... Какую же он за то от нас получает награду? Ах, жалко и упоминать о их состоянии. Трудится бедный крестьянин ежедневно, чтоб, питая других, и самому себе кусок хлеба заработать, но, как скоро боярин его увидит, что житницы его полны, то, выдумав на него какую-нибудь вину, всего лишает и последний кусок хлеба у сего бедного похищает... Разве они тем виноваты, что нам судьбиною во власть достались, что нам служат и что нас питают? Ежели то подлинно, что добродетель и правда придут на свет и будут исследовать своих участников, то едва ли наши бедные мужички не достанутся нам в бояры и не будут ли они истинным великолепием вечно наслаждаться, оставя баринам своим, несправедливо и безмилосердно с ними поступающим, свою беду в наследие...» [1]

Эта мысль впоследствии будет по-новому развита Радищевым и найдет свое полное и яркое выражение в его книгах.

Роман Эмина «Приключения Фемистокла», посвященный автором Екатерине II, был едва ли не первым русским политико-нравоучительным романом.

«Крестьянин кормит своего господина и часто долги его оплачивает... — писал Эмин в «Приключениях Фемистокла». — Следует, что мы живем их милостью, и если они нас оставят и перестанут на нас работать, то мы со своею философиею и физикою погибнем. Может ли быть в свете благороднейшего и разумнейшего, как упражняться в том, что

---

[1] Цитировано по статье Я. Л. Барскова «А. Н. Радищев. Жизнь и личность».

всему человеческому роду полезно и необходимо надобно?..»

Не вспоминалась ли мальчику, читавшему строки, подобные этим, далекая саратовская вотчина, мирное и привычное благополучие которой покоилось на рабском труде земледельца? Не вспоминались ли ему жуткие рассказы о соседе — помещике Зубове, кормившем своих крестьян из корыта, как домашний скот?..

Мальчик был чуткий, впечатлительный. Возможно, что еще неясные пока мысли о неправде, о несправедливом устройстве жизни получали наглядное подтверждение в безрадостных, темных картинах деревенской жизни, хорошо ему знакомой.

Мало вероятно, чтобы все эти годы он безвыездно прожил в Москве. Зная любовь и сердечную привязанность к нему родителей, правильней будет предположить, что на летнее время он уезжал в Аблязово. Возможно, что уже теперь он смотрел на родную деревенскую жизнь другими глазами и по-другому принимал ее.

* * *

В то время как Радищев жил и учился в Москве, произошло немало знаменательных событий.

Закончилась Семилетняя война, принесшая славу русскому оружию.

Фридрих II, считавшийся непобедимым полководцем, был наголову разбит русской армией при Кунерсдорфе. Пруссаки постыдно бежали, оставив на поле сражения более 4 тысяч убитых, пушки и знамена. Сам «непобедимый» король Фридрих едва не был захвачен в плен.

В следующем, 1760 году эскадроны Санкт-Пе-

тербургского и Рязанского конногвардейских полков вступили в Берлин. Члены берлинского магистрата вынесли победителям ключи от города на серебряном блюде.

После недолгого царствования Петра III, утром 28 июня 1762 года, гвардейские офицеры, братья Орловы, привезли из загородного дворца жену Петра, немецкую принцессу Софию-Фредерику-Августу Ангальт-Цербстскую, названную при принятии православия Екатериной Алексеевной, и провозгласили ее в Измайловском, Семеновском и Преображенском полках русской самодержавной императрицей.

В тот же день все столичные чины принесли ей присягу, и в ночь на 29 июня преображенцы совершили «поход на Петергоф», чтобы арестовать бывшего императора. Они шли под водительством самой Екатерины, гарцовавшей на белом коне в нарядном гвардейском мундире, с обнаженной шпагой в руке.

Так начался «век Екатерины», который был и веком Радищева.

Начало этого века не было безоблачным для дворянской империи.

Еще до дворцового переворота 1762 года возникли тревожные, пугающие слухи о восстаниях заводских и помещичьих крестьян. В уезды и вотчины, охваченные волнениями, двинулись вооруженные команды солдат.

Огромная страна находилась в состоянии невообразимого расстройства и запустения.

Государственная казна была пуста. Восьмой месяц армии не выплачивали жалованья. Корабли русского флота и пограничные крепости развали-

вались. Стоном стонал народ от взяточничества и лихоимства царских судей и чиновников. Росли и ширились крестьянские волнения, — ими было охвачено около 200 тысяч человек. Тюрьмы не вмещали колодников.

Сама Екатерина в своих «Записках» дала довольно яркую и верную картину государственной разрухи в первые месяцы своего царствования: «Россия только что вышла из обременительной войны. Мир ей не дал иного преимущества, кроме отдыха. Финансы были истощены до такой степени, что ежегодно был недочет в 7 миллионов рублей... Армии не было уплачено за 8 месяцев. Торговля была подавлена множеством монополий... Недоверие к казне было велико... Восстало около 200 тысяч крестьян, частью работавших на заводах, частью из принадлежавших монастырям; эта зараза распространилась на помещичьих крестьян, и во многих уездах они переставали подчиняться и платить повинности своим владельцам. Правосудие продавалось платившему дороже, и законами пользовались только там, где они были полезны сильнейшему...»

В сентябре в Москве праздновалась коронация Екатерины, праздновалась с невиданной пышностью. Все государственные тревоги и неурядицы на время были отодвинуты на задний план. Нагая, неприглядная правда была приукрашена мишурой золоченых одежд, и призрак голода и нищеты отступил перед оглушающим шумом бесконечных, безудержных празднеств.

На масленой неделе Радищев мог любоваться невиданным по роскоши и богатству маскарадом

«Торжествующая Минерва». 200 разукрашенных колесниц, запряженных волами, 4 тысячи ряженых медленно двигались по улицам ошеломленной Москвы.

Чего тут только не было! Глупцы, шуты и сатиры ехали верхом на козлах, свиньях и обезьянах. Хор пьяниц тащил толстого, краснолицего откупщика. Одна группа ряженых представляла «действие злых сердец», другая — «обман», третья — «мздоимство». Ябедники, крючкотворцы, подьячие, сутяги изображали «всеобщую пагубу». Хромая «правда» тащилась на костылях, за ней следовали «спесь», «мотовство», «роскошь».

В конце маскарадной процессии двигались Парнас с музами и группа Минервы[1], окруженная добродетелями.

Не может быть, чтобы в то время не нашлось людей, которые не оценили бы в должной мере, не поняли бы пошлое и наглое лицемерие этого маскарада!..

Императрица в русском платье из алого бархата, унизанном жемчугом, в бриллиантовой диадеме, разъезжала по городу в золоченой карете.

За ней тянулся целый поезд других раззолоченных карет с пышно разодетыми вельможами и дамами в атласных и бархатных, расшитых золотом нарядах.

Не неделю, не месяц, — девять месяцев продолжалось празднование коронации! Так дворяне, слетевшиеся в Москву со всех концов Российской

[1] Парнас — гора в Греции, на которой, по представлению древних греков, обитали бог искусства Аполлон и музы, покровительницы искусств; Минерва — богиня мудрости у римлян.

империи, праздновали утверждение своих «вольностей». Что ж, у дворянства были основания радоваться. Тотчас по воцарении Екатерины на дворянство посыпались щедроты и милости. Восемнадцать тысяч казенных крестьян были розданы пособникам дворцового переворота.

Впрочем, и народ не был обойден царским вниманием. В указе, подписанном Екатериной через неделю после восшествия на престол, говорилось о том, что, «взошед на престол по единодушному желанию сынов российских, имея матернее попечение о благополучии отечества, стремясь облегчить тягость народную, повелевается отныне соль продавать десятью копейками меньше каждой пуд...»

Не нужно было обладать особой прозорливостью, чтобы понять, что «золотой век» пришел не для мужика, а для барина...

Радищев не мог не знать через Аргамаковых о замечательном сатирическом произведении Сумарокова — о его «Хоре ко превратному свету», написанном специально для маскарада «Торжествующая Минерва» и в полном своем виде не допущенном к исполнению. В этом «Хоре» есть резкие строки, относящиеся к крепостному праву:

Со крестьян там кожи не сдирают,
Деревень на карты там не ставят;
За морем людьми не торгуют...

Радищеву шел четырнадцатый год.

Московские коронационные торжества неожиданным образом отразились на его судьбе.

Во время пребывания Екатерины и ее двора в Москве он, по ходатайству Аргамакова, был зачислен в пажи.

* * *

Вместе с царским двором Радищев приехал в Петербург.

Он увидел «град преузорочный», воспетый Ломоносовым и Сумароковым.

Как впоследствии Державин в своем «Шествии по Волхову российской Амфитриты»[1], он увидел встающие над «зерцалом Бельты» мраморы и граниты, дремучий лес мачт у камнетесанных берегов, цепь пристаней, красоту зданий, торжищ и стогнов, красивость и блеск злачных рощ и гуляний...[2]

Приезд из глуши саратовской вотчины в Москву был немалым событием в его детской жизни. Переезд из Москвы в Петербург в отроческом возрасте был событием еще более значительным.

Внезапно Радищев был перенесен в совершенно новый для него мир: он очутился при дворе Екатерины!

Года за четыре до этого другому мальчику, Фонвизину, довелось побывать в Петербурге, куда его привезли в числе лучших учеников университетской гимназии.

«После обеда в тот же день были мы во дворце на куртаге[3],—вспоминал впоследствии Фонвизин,— но государыня[4] не выходила. Признаюсь искренно, что я удивлен был великолепием двора нашей императрицы. Везде сияющее золото; собрание людей в голубых и красных лентах, множество дам

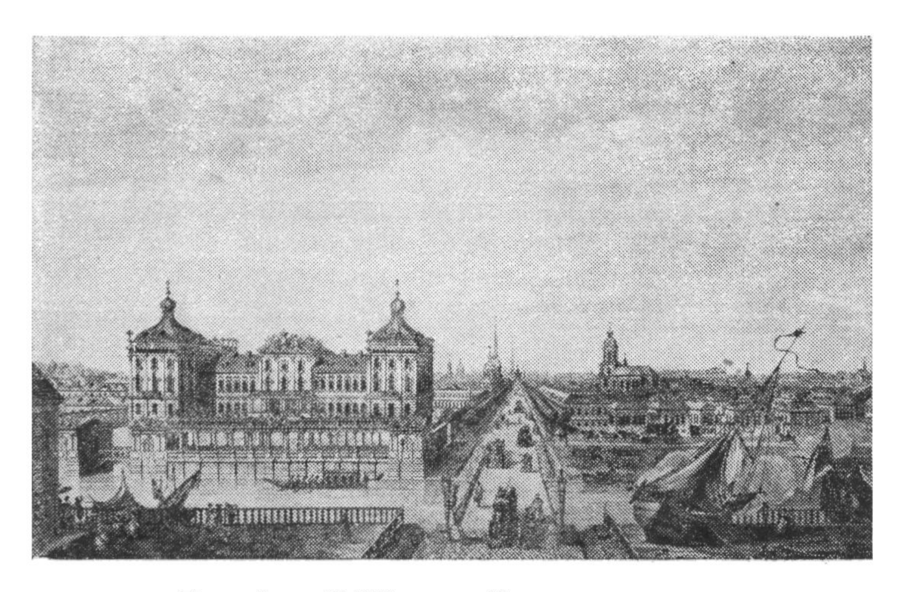
---

[1] Амфитрита — дочь морского царя Нерея (миф.).

[2] Бельта — Балтийское море; стогны — площади, улицы в городе; злачный — богатый, обильный.

[3] Куртаг — приемный день при дворе.

[4] Елисавета.

Петербург XVIII века. Невский проспект.

прекрасных, наконец, огромная музыка, — все сие поражало зрение и слух мой, и дворец казался мне жилищем существа выше смертного. Сему так и быть надлежало: ибо тогда был я не старее четырнадцати лет, ничего еще не видывал, все казалось мне ново и прелестно...» [1]

Радищеву только первое время все во дворце казалось «ново и прелестно». То, о чем Фонвизин рассказывает, как о коротком полусказочном видении, поразившем его мальчишеское воображение, стало для Радищева со временем привычной обстановкой, жизнью, бытом, обязанностью, — к тому же обязанностью довольно скучной и утомительной.

[1] Д. И. Фонвизин, Чистосердечное признание в делах и помышлениях моих.

Очень скоро за внешним блеском и пышностью дворцовой, «улыбательной» жизни проступили ее темные стороны.

Первое время по воцарении на русском престоле немецкая принцесса болезненно ощущала шаткость своего положения. Один из иностранных дипломатов писал в своем донесении: «Интересно смотреть в приемные дни при дворе на трудные усилия, которые делает императрица, чтобы нравиться своим подданным». Несколько позднее он доносил, что по собственному признанию императрицы у нее кружится голова «от сознания, что она императрица», и что «никогда еще двор не был так терзаем партиями, они растут с каждым днем...»[1]

Несмотря на нищету в стране, на разорение народа, двор поражал своей пышностью. Князь Михаил Михайлович Щербатов, ученый-историк и блестящий публицист своего времени, один из наиболее ярких представителей аристократической оппозиции Екатерине, писал в памфлете «О повреждении нравов в России», направленном по адресу Екатерины и ее двора:

«Двор, подражая или, лучше сказать, угождая императрице, в золототканные одежды облекался, вельможи изыскивали в одеянии все, что есть богатое, в столе — все, что есть драгоценное, в питье — все, что есть реже, в услуге — возобновя древнюю многочисленность служителей, приложили к оной пышности в одеянии их. Экипажи заблистали золотом; дорогие лошади, не столь для нужды, как единственные для виду, учинились нужны для

---

[1] Л. О. Бретейль. Цитируется по статье Я. Л. Баркова «А. Н. Радищев. Жизнь и личность».

вожения позлащенных карет. Домы стали украшаться позолотою, шелковыми обоями во всех комнатах, дорогими мебелями, зеркалами и другими. Все сие доставляло удовольствие самим хозяевам, вкус умножился, подражание роскошнейшим нарядам возрастало, и человек делался почтителен по мере великолепия его жития и уборов...»

Недаром иностранцы, посещавшие Россию во времена Екатерины II, удивлялись невиданной роскоши, царившей при петербургском дворе.

За торжественными «выходами» императрицы или ее очередного фаворита следовали не менее торжественные обеды, аудиенции, приемы иностранных дипломатов. И в центре всего этого стояла она, «Семирамида Севера»[1], которой все рабски угождали, самозабвенно льстили, лишь бы заслужить ее благосклонное внимание.

...Сурьезный взгляд, надменный нрав.
Когда же надо подслужиться,
И он сгибался в перегиб:
На куртаге ему случилось обступиться;
Упал, да так, что чуть затылка не пришиб,
Старик заохал, голос хрипкой;
Был высочайшею пожалован улыбкой,
Изволили смеяться; как же он?
Привстал, оправился, хотел отдать поклон,
Упал вдругорядь — уж нарочно, —
А хохот пуще, он и в третий так же точно.
А? как по-вашему? По-нашему смышлен.
Упал он больно, встал здорово...[2]

И вот в вихре этой показной, фальшивой, противоестественной жизни жил юноша Радищев. Что по-

---

[1] Семирамида — ассирийская царица, построившая, по древнему преданию, Вавилон.

[2] А. С. Грибоедов, Горе от ума.

лучал он от этой жизни? Чем она могла внутренне обогатить его?

Соприкосновение с ложью и фальшью придворной жизни могло только укрепить такого юношу, как Радищев, в тех пока еще неясных стремлениях и мыслях, которые он вывез из Москвы, из среды Аргамаковых и их круга, — мыслях об общественном долге, о несправедливости постыдного рабства.

Здесь, в Петербурге, при дворе, Радищев впервые увидел и понял, каким беспощадным должно быть крепостное рабство, чтобы выжать из полуголодных, разоренных мужиков те огромные деньги, которые шли на удовлетворение капризов и прихотей вельможных бездельников и расточителей.

Постоянно находясь при дворе, Радищев имел возможность наблюдать здесь такое, что очень немногим дано было видеть собственными глазами и о чем он впоследствии с гневом и ненавистью расскажет в своей героической книге.

* * *

Корпус пажей был образован всего за три года до зачисления в него Радищева, в 1759 году, по «версальскому» образцу. В пажи велено было определять «исключительно детей дворянских достоинств».

План обучения пажей, необычайно обширный, чуть ли не всеобъемлющий, был составлен академиком Миллером.

Молодые дворяне должны были воспитываться в пажеском корпусе в «истинной любви к добродетели» и в «омерзении к порокам». Обращаться с пажами предписывалось «скромно и неогорчительно». Разумеется, эти умилительные идеи воспитания

были столь же фальшивы, как и вся придворная жизнь.

Нравы в корпусе были грубые. Нередко омерзение к порокам и любовь к добродетели внедрялись в сознание пажей обыкновенными розгами. Один из пажей, находившийся в корпусе несколькими годами позже Радищева, вспоминал в своих записках, что пажей нещадно секли розгами за замаранную одежду и строго взыскивали с них, если при смене блюд за царским столом они неосторожно звенели серебряными тарелками, чего императрица терпеть не могла.

По плану Миллера пажей предполагалось обучать всему на свете: математике, арифметике, геометрии, тригонометрии, геодезии, фортификации, артиллерии, механике, философии, естественному и народному праву, истории, географии, генеалогии, геральдике[1], юриспруденции, церемониалам, сочинению «коротких и по вкусу придворному учрежденных комплиментов»...

Всю эту премудрость преподавал один единственный педагог, какой-то всезнающий французик Морамбер. Как он управлялся со всеми науками — можно себе представить!

Впрочем, пажи не столько обучались наукам, сколько «служили» при дворе. Они были на побегушках у императрицы, исполняли ее мелкие поручения, прислуживали за обедами и ужинами, — принимали от лакеев блюда и подносили их к царскому столу, стояли при каретах. По существу, это был штат «благородной прислуги».

---

[1] Генеалогия — изучение родословных дворянских семей. Геральдика — искусство составления и истолкования гербов.

В обязанности пажей вменялось переводить с французского языка комедии и составлять так называемые «экстракты»—излагать краткое содержание пьес. На одной из программ придворного спектакля сохранились имена Радищева и его товарища Челищева, составивших «экстракт» комедии Пуассона [1].

Императрица Екатерина сердито называла пажей «шалунами и невеждами». Молодые люди, лишенные воспитательного воздействия семьи, окруженные разлагающей, тлетворной обстановкой придворной жизни, которая могла научить их только лжи, притворству, лести и низким порокам, несомненно, представляли собою развращенную и далекую от высоких интересов и стремлений среду.

Представим себе худенького, большеглазого подростка, оторванного от дома, который он любил, лишенного ласки и семейного уюта, и мы поймем, как Радищев был одинок в этом новом для него, блестящем и суетном мире. Не одну слезу пролил он тайком по ночам, тоскуя и томясь в чужой ему среде.

Сама по себе жизнь при дворе, конечно, не могла способствовать духовному росту молодого Радищева. Трудно сказать, к чему привела бы его эта жизнь, если бы не его душевные силы и крепость, о которых теперь уже можно говорить с достаточным основанием, поскольку они выдержали такое суровое испытание, как пребывание в пажеском корпусе.

Но вот и светлый луч в этой темной и, конечно,

---

[1] Пуассон (1633—1690) — французский актер и второстепенный драматический писатель.

безрадостной жизни: дружба — первая юношеская дружба!

Пребывание в пажеском корпусе и служба при дворе обогатили Радищева дружбой с Челищевым, Рубановским и особенно с Алексеем Кутузовым. Радищев и Кутузов жили в одной комнате, но не одно это чисто внешнее и случайное обстоятельство сдружило их. Их сблизила общность интересов: оба они любили литературу. В жизни они пошли совершенно различными путями, но эту юношескую свою дружбу Радищев пронес через годы учения за границей и впоследствии, несмотря на разлуку, несмотря на глубокую «разность во мнениях», он сохранил, сберег ее на долгие годы.

Дежурства при дворе отнимали у пажей немало времени. В свободные же часы они могли заниматься чем угодно, лишь бы соблюдали при этом известные приличия.

Приличия, очевидно, соблюдались далеко не всеми «шалунами и невеждами». Но Радищев и Кутузов в свободное время занимались чтением, дружескими беседами и спорами, пробовали свои силы в литературе. Уже в это время они проявляли горячий интерес к новым учениям о жизни и человеке, проникшим в русское общество в 60-е годы XVIII столетия.

«Властителями дум» культурного мира в то время были Вольтер и Руссо[1]. Эти писатели проповедывали новое учение о природе, о человеке и обществе.

Разрушительная критика Вольтера церковных

---

[1] Руссо, Жан-Жак (1712—1778) — знаменитый французский писатель, социолог и моралист.

предрассудков, тормозящих прогресс человечества, критика феодальных привилегий, страстный протест Руссо против общественного неравенства и эксплоатации увлекали сердца людей.

Вместе со всеми передовыми русскими людьми юноши пережили горестную утрату для русской науки и литературы: 4 апреля 1765 года умер Ломоносов...

Интерес молодого Радищева к литературе, пробудившийся еще в Москве, в семье Аргамаковых, не только не угас в Петербурге, но окреп еще сильнее. Содействовала этому не только дружба с Алексеем Кутузовым, но и до известной степени новая «мода» в придворных кругах. Теперь для успеха при дворе и в «обществе» требовалось уже знакомство не с последней парижской модой, а с новейшими произведениями литературы. Прислуживая во дворце, Радищев мог видеть в покоях императрицы новые книги, рукописи, принадлежащие ее перу. Многие вельможи, которые до того не проявляли заметного интереса к науке, литературе и прочим высоким материям, теперь, подражая и угождая «просвещенной монархине», также принялись устраивать в своих дворцах библиотеки и картинные галлереи, чтения новых произведений и постановки модных пьес. Это была всего лишь одна сторона придворной жизни, — Радищев знал и другие!..

Среди книжных новинок 1766 года появился новый роман все того же Федора Эмина «Письма Эрнеста и Доравры». Не может быть, чтобы Радищев не читал его. А в романе были страницы, способные заставить призадуматься впечатлительного юношу.

«...Сколь нещастливы те бедняки, — читал Радищев, — которые судьбою достались во власть таким людям, которые не только не знают, что есть добрый крестьянин, но и того не разумеют, что есть человек? Иной из них, получа после отца своего великие деревни в наследие и вдавшись в мотовство, разоряет вконец своих мужиков, так что ни ему, ни себе полезны быть не могут. Многих я видел бессовестных наших соседов, которые, не веря своему управителю в том, что уже с мужичков ему взять нечего, сами приезжали в свои деревни и мучили бедных своих крестьян беспрестанными побоями, для того, чтобы они от оных откупились деньгами. Таких помещиков я почитаю за тиранов, по несчастию нашему в соседстве с нами находящихся...» [1]

* * *

По тогдашним понятиям, Радищев стоял на хорошей, верной дороге к успеху в жизни.

Пушкин писал о Радищеве:

«Следуя обыкновенному ходу вещей, Радищев должен был достигнуть одной из первых ступеней государственных. Но судьба готовила ему иное...»

Дело, конечно, не в «судьбе», а в тех особенных свойствах ума и нравственного характера Радищева, которые выделяли его из числа окружавших его людей и понуждали выбирать свои, не похожие на другие, пути в жизни, согласно требованиям собственной совести.

В 1765 году, на третьем году пребывания Ради-

---

[1] Цитируется по статье Я. Л. Барскова «А. Н. Радищев. Жизнь и личность».

щева в пажеском корпусе, в Россию вернулся, окончив курс учения в лейпцигском университете, молодой граф Владимир Орлов, брат фаворита Григория Орлова. Он был «обласкан» императрицей и, несмотря на свою молодость, назначен директором Академии наук.

Нуждаясь в образованных юристах, Екатерина, по совету Владимира Орлова, повелела отправить шестерых пажей обучаться в Лейпциг. В числе этих пажей оказались Радищев и его друзья—Челищев, Рубановский и Кутузов, — прямое свидетельство того, что они отличались успехами в науках в бытность свою в пажеском корпусе.

К пажам разрешено было присоединиться еще шести молодым дворянам.

Наставником и попечителем, или, как его называли, «гофмейстером», будущих студентов был назначен грубый и невежественный солдафон из немцев — майор Егор Иванович Бокум.

Иностранная коллегия выдала 20 сентября 1766 года студентам паспорта, и вот Радищев отправился за границу.

Ему было семнадцать лет. В этом счастливом возрасте даже привычная, будничная жизнь нередко кажется волнующе-таинственной и многообещающей, а каждый новый день — днем возможного свершения радостного чуда...

Дорожные кареты быстро катились по размытой дождями пустынной дороге. Позади, в мглистом тумане, за косыми темными полосами дождя, давно уже скрылся, словно растаял, Петербург.

Там осталась прежняя жизнь вместе с пажеским красным камзолом, башмаками на высоких каблуках, гнусавыми нравоучениями Морамбера.

Камер-фурьер[1] уже больше не надерет уши за нерасторопную подачу блюд к царскому столу...

Было ли в этой жизни что-нибудь такое, о чем можно было пожалеть? Да, было. Сильнее печали разлуки с милыми сердцу родителями, братьями и сестрами было щемящее чувство тоски и тревоги — чувство еще не осознанной любви к родине...

---

[1] Камер-фурьер — придворный чин.

III. ГОДЫ УЧЕНИЯ

«...Одни приемлют все, что до них доходит, и трудятся над чуждым изданием, другие, укрепив природные силы свои учением, устраняются от проложенных стезей и вдаются в неизвестные и непроложенные...»

А. Радищев

Путь в Лейпциг был долгим и нелегким. Двигались медленно, с большими остановками. Выехав из Петербурга в двадцатых числах сентября 1766 года, только в январе следующего года добрались до Лейпцига. В дороге случилось несчастье: заболел корью и умер один из студентов, самый юный из них — Александр Корсаков...

Дорожную обстановку и путевые впечатления русских студентов нетрудно представить себе по письмам Дениса Ивановича Фонвизина, который позднее, в 1784 году, проделал такое же путешествие по немецким землям.

Фонвизин жалуется в письмах на медленность и нерадивость немецкого почтальона, который «двадцать русских верст везет восемь часов, ежеминутно останавливается, бросает карету и бегает по корчмам пить пиво, курить табак и заедать маслом... Вообще сказать, почтовые учреждения его прусского величества гроша не стоят...»

Он рассказывает, что, выехав из Мемеля, каре-

ты всю ночь ехали берегом бурного моря, так что завывание ветра и плеск волн, заливавших колеса, не давали сомкнуть глаз. Он пишет о злющих клопах и блохах в неопрятных дорожных гостиницах, о сверчках на немецком почтовом дворе, которых было такое множество, что от их трескотни не было слышно людских голосов... И, как бы подводя итог своему путешествию, Фонвизин заключает в письме из Кенигсберга: «баланс со стороны нашего отечества перетягивает сильно. Здесь со всем генерально хуже нашего: люди, лошади, земля, изобилие в нужных съестных припасах, словом: у нас все лучше, и мы больше люди, нежели немцы...»[1]

Дорожные беды и тяготы переносились бы молодыми людьми несравненно легче, если бы не было с ними гофмейстера Бокума, который с первых же дней пути отравлял им жизнь.

На содержание студентов были определены немалые по тем временам средства: сначала 800, а потом и 1 000 рублей в год на каждого из них. Перед их отъездом императрица вручила гофмейстеру Бокуму составленную ею «инструкцию». В инструкции было двадцать два параграфа, излагавших правила, которые должен был соблюдать гофмейстер при обхождении со студентами, а также права и обязанности последних. По объему благих намерений все это напоминало роскошный план обучения пажей, составленный академиком Миллером. Студенты должны обучаться «латинскому, немецкому, французскому и, если возможно, славянскому языкам... моральной философии, истории и паипаче

---

[1] Д. И. Фонвизин, Избранные сочинения и письма. Гослитиздат, 1946 г.

праву естественному и всенародному и несколько Римской империи праву. Прочим наукам обучаться оставить всякому на произволение...»

Студентам предписывалось ходить в православную церковь, порядочно и исправно посещать лекции, да и в домашней обстановке не препровождать время в праздности. «Платье носить всем дворянам суконное, темное или серое, одинаковое, без серебра и золота...»

Все было предусмотрено инструкцией, — все, кроме одного и, пожалуй, самого главного: кто будет претворять в жизнь эти благие и мудрые предписания, определявшие положение молодых людей, оторванных от родных и на долгие годы заброшенных на чужбину?

Гофмейстер Егор Иванович Бокум с первых же дней путешествия предстал перед молодыми людьми в своем подлинном виде, не оставив у них в отношении своей особы ни малейшей иллюзии. Это был человек на редкость невежественный, грубый, к тому же бесстыдно скаредный и своекорыстный. На свою должность он смотрел, как на средство легкой наживы. С Бокумом ехали жена и дети, — об их-то благополучии он и беспокоился больше всего. Со студентами же был нагл и дерзок, нимало не заботился об их нуждах и удобствах, держал их впроголодь, одевал на позорище в какие-то обноски. Студенты возненавидели его; он платил им тем же. Грубостью, бессмысленной жестокостью, тупым, злобным упрямством преследовал он молодых людей на каждом шагу.

Даже много лет спустя, уже в свои зрелые годы, Радищев не без горечи и негодования вспоминал о ненавистном немце.

В «Житии Федора Васильевича Ушакова», в этой замечательной повести о духовной жизни молодежи своего времени, Радищев уделяет немало внимания Бокуму.

«Война» с Бокумом началась «малозначащим происшествием», которое, однако, по словам Радищева, «великое имело действие на расположение наше к начальнику нашему».

«Мы все воспитаны были, — пишет Радищев, — по русскому обряду и в привычке хотя не сладко есть, но до насыщения. Обыкли мы обедать и ужинать. После великолепного обеда в день нашего выезда ужин был гораздо тощ и состоял в хлебе с маслом и старом мясе, ломтями резанном. Таковое кушанье, для немецких желудков весьма обыкновенное, востревожило русских, привыкших более ко штям и пирогам...»

Один из студентов, Федор Васильевич Ушаков, как самый старший, изъявил Бокуму общее неудовольствие плохой и неопрятно приготовленной пищей. Кончилось это тем, что Бокум люто возненавидел Ушакова и так досаждал ему в пути, что тот начал даже сожалеть о своем влечении к науке, заставившем его пуститься в путешествие.

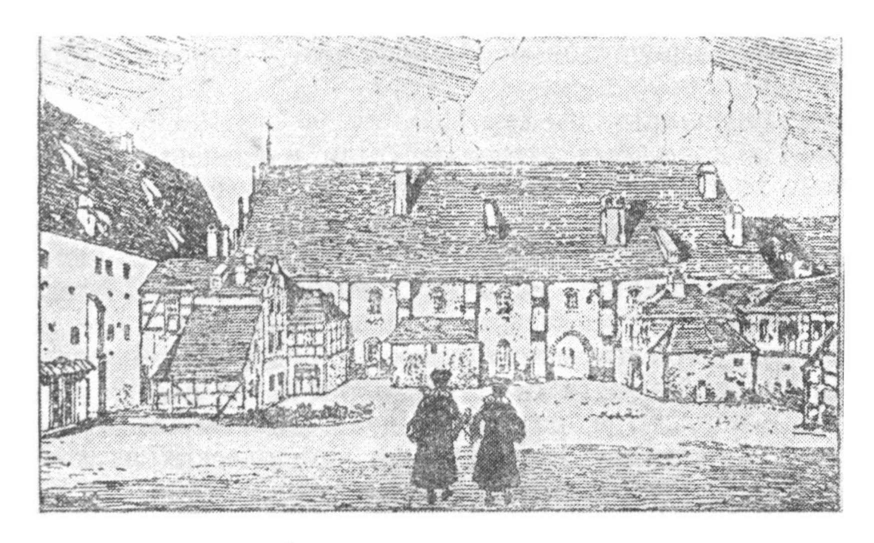
В качестве «духовного пастыря» к студентам был приставлен священник, отец Павел, судя по всему — совершеннейшее ничтожество.

«Добродушие, — пишет о нем Радищев, — было первое в нем качество, другими же он не отличался, и более способствовал к возродившемуся в нас в то время непочтению к священным вещам, нежели удобен был дать наставления в священном законе...»

Он был очень смешлив, этот «духовный воспитатель» юношества. Достаточно было ему во время службы увидеть, что один из студентов, князь Василий Трубецкой, скривил лицо, беря высокую ноту, как отец Павел начинал смеяться. По этой причине он большей частью отправлял богослужение, крепко зажмурив глаза.

В Риге во время домашнего богослужения произошел совсем нелепый и смешной случай. Икона, перед которой отец Павел служил, стояла посередине большого стола. На столе лежали шапки, муфты и перчатки студентов. Отец Павел, как всегда, служил зажмурившись, — из опасения увидеть что-нибудь смешное. Один из студентов, Михаил Ушаков, тихонько взял со стола перчатку и, согнув ее пальцы в виде кукиша, положил перед иконой. В это самое время отец Павел делал поясной поклон. Выпрямившись, он открыл глаза, увидел прямо перед собой кукиш и... громко захохотал. Студенты, конечно, дружно вторили ему. Отец Павел назвал их богоотступниками, а Михаила Ушакова обругал, по образному выражению Радищева, «неграмматикально». Тот, от природы вспыльчивый, схватил висевшую на стене шпагу и грозно спросил: «Забыл разве, батюшка, что я кирасирский офицер?..»

В праздник «благовещения» отец Павел, объясняя студентам, что значит по святому писанию ангел божий, привел такой пример: «Ангел есть слуга господень, которого он посылал для посылок; он то же, что у государя курьер, как то господин Гуляев». (Гуляев — фамилия курьера, приехавшего в это время из Петербурга с каким-то поручением.) Это толкование вызвало такое всеобщее веселье,

Университет в Лейпциге.

что «Отец Павел засмеялся за нами вслед, зажмурил глаза, потом заплакал и сказал: «Аминь»...

«Сии и подобные сему происшествия умалили в нас почтение к духовной над нами власти...»

Студентов сопровождал еще учитель русского языка, некто Подобедов, — судя по тому, что Радищев ничего не говорит о нем, фигура решительно ничем непримечательная.

Таковы были воспитатели русских студентов.

* * *

Лейпциг. Высокая круглая башня, острые черепичные кровли домов, тонкие шпили церквей...

Проехав бастионы Галльских ворот, кареты медленно двигались по шумным людным улицам. В ранних сумерках зимнего дня окна лавок и харчевен светились желтыми огнями. Кареты свернули

в темный переулок и остановились у ворот старого двухэтажного дома.

Приехали!

Из дорожных сундуков были извлечены парадные кафтаны, и студенты, несмотря на поздний час, поспешили на улицу: дорога порядком всем наскучила. Часть студентов обосновалась в ближайшем кабачке. Радищев с двумя своими друзьями, Алексеем Кутузовым и Федором Ушаковым, пошли к Старому рынку, спрашивая у встречных дорогу. Здесь, поблизости от Старого рынка, в доминиканском монастыре, разместился богословский факультет, а рядом с ним факультет юридических наук — цель путешествия русских студентов.

На старинной гравюре прославленный лейпцигский университет выглядит довольно большим и мрачным зданием с маленькими, похожими на бойницы окнами, с многочисленными пристройками и пустынным, мощенным камнем двором.

Друзья долго стояли, молча глядя на стены и темные окна университета. Чужими, одинокими чувствовали они себя в большом городе.

Домой они вернулись в тот поздний час, когда толпы веселых, франтоватых студентов, возвращаясь из театра, громко распевали песни и провозглашали «ура» под окнами любимых профессоров.

Лейпциг называли в XVIII веке «Парижем в миниатюре».

По словам Гёте, учившегося в Лейпциге одновременно с Радищевым, город поражал приезжих кипучей жизнью, торговой деятельностью, знаменитыми ежегодными ярмарками.

Спустя двадцать лет после Радищева в Лейпциге побывал Н. М. Карамзин.

«Я не видел еще в Германии такого многолюдного города, как Лейпциг. Торговля и Университет привлекают сюда множество иностранцев», — писал он в «Письмах русского путешественника». «Говорят, что в Лейпциге жить весело, — и я верю. Некоторые из здешних богатых купцов дают обеды, ужины, балы. Молодые щеголи из студентов являются с блеском в сих собраниях: играют в карты, танцуют, куртизируют[1]. Сверх того, здесь есть особливые ученые общества, или клубы; там говорят об ученых или политических новостях, судят книги и прочее. Здесь есть и театр... Для того, кто любит гулять, много вокруг Лейпцига приятных мест... Почти на всякой улице найдете вы несколько книжных лавок, и все лейпцигские книгопродавцы богатеют...»

В широких аллеях Долины Роз прогуливались городские щеголихи с осиными талиями и франты в напудренных париках. Зеленоватый лед, сковавший Плейсе, был исчерчен острыми коньками. Здесь до позднего вечера скрипели санки гуляющих, гремела музыка. Модные товары продавались в изобилии в нарядных лавках, манили рестораны и погребки...

Но и здесь, как везде, как и в Петербурге, жизнь имела две стороны.

Едва ли русские юноши, особенно первое время пребывания в Лейпциге, имели представление об оборотной стороне медали — о том, как живет народ в «Священной Римской империи Германской нации», раздробленной на сотни независимых и полузависимых государств, раздираемых интригами и ссо-

[1] Куртизируют — ухаживают.

рами между их властителями: бесчисленными королями, герцогами, эрцгерцогами, пфальцграфами, маркграфами, бургграфами, епископами и т. д.

Но бедственное положение крестьян в стране, целиком находившейся в руках дворянства, не могло со временем не обратить на себя внимания Радищева. Большая часть крестьян тогдашней Германии были крепостными. Их нищета, их бесправие и полная зависимость от господского произвола во многом напоминали безрадостную участь русского крепостного раба...

Русских студентов внесли в университетские списки. Их было одиннадцать человек: князь Александр Несвицкий, князь Василий Трубецкой, Федор и Михаил Ушаковы, Николай Зиновьев, Алексей Кутузов, Иван Челищев, Александр Рубановский, Сергей Янов, Иван Насакин, Александр Радищев [1]

Они предстали перед «высокочтимым ректором» в пурпурной мантии, с золотой цепью на шее. А затем уселись на длинных скамьях между витыми колоннами аудитории, над которой возвышался на кафедре пышный парик профессора государственного права.

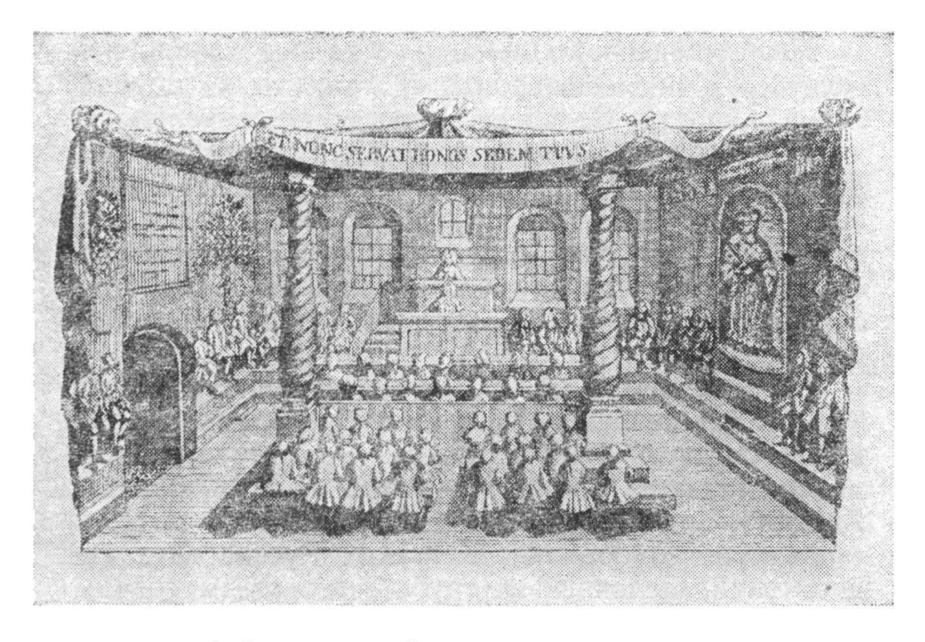
* * *

...Время шло. Быстро проносились дни в шелесте страниц ученых фолиантов [2], в приглушенном гуле молодых голосов под старинными сводами университета, в хмельных песнях в Ауэрбаховом кабач-

---

[1] Двенадцатый, А. Корсаков, умер в дороге. В 1769 году к русским студентам присоединились Сергей Олсуфьев, Осип Козодавлев, Николай Хлопов и Алексей Теплов.

[2] Фолиант — толстая, большого формата (в пол-листа) книга.

Аудитория в лейпцигском университете.

ке, на стенах которого был намалеван знаменитый доктор Фауст[1], в круглой шапке и брыжжах, верхом на винной бочке, готовый, как и двести лет назад, принять участие в ночной пирушке веселых школяров.

Вот уже первый весенний дождь прошумел над острыми крышами города, и первый соловей защелкал в кустах сирени на кладбище святого Иоанна...

---

[1] Доктор Фауст — «чернокнижник», живший в XVI веке, занимался магией и знахарством. Герой многих литературных произведений.

Профессор словесных наук Геллерт[1] любил прогуляться в послеобеденный час верхом на смирной белой лошадке. Сельская тишина широких липовых аллей Долины Роз располагала к мечтательной задумчивости. Он ехал шажком, раскланиваясь со встречными. Вон те двое, что только что поклонились ему, — русские студенты. Одеты они бедно: стоптанные башмаки, рваные кафтаны. Но народ отменно способный. Геллерт улыбается им, проезжая мимо...

Бедные школяры! Они старательно изучали законы и право, они слушали прочувствованные речи профессоров о справедливости. Сами же каждодневно испытывали гнет произвола и деспотизма. Конечно, это был не тот деспотизм, с которым столь яростно боролся Жан-Жак Руссо! Это был домашний, мелочный и грубый деспотизм гофмейстера Бокума.

Бывает, что и не очень значительные обстоятельства приобретают немаловажное значение в жизни человека, особенно если он сталкивается с ними повседневно. Именно так было и в «войне» с ненавистным Бокумом. Эта каждодневная война учила Радищева и его товарищей бороться с несправедливостью и насилием над их волей. Больше того, стычки с Бокумом давали студентам повод делать смелые и широкие сравнения и обобщения.

«Имея власть в руке своей и деньги, — писал впоследствии Радищев, — забыл гофмейстер наш умеренность и, подобно правителям народов, возмнил... что власть, ему данная над нами, и определенные деньги не на нашу были пользу, но на его...

---

[1] Геллерт (умер в 1769 году) — немецкий поэт и моралист.

Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства. Глад, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности...»

Бокум же, кстати сказать, доводил студентов именно «до крайности».

В письмах статс-секретаря императрицы Олсуфьева и в рапорте кабинет-курьера Яковлева, обследовавшего жизнь русских студентов в Лейпциге, действия Бокума были признаны «совсем бесчестными, непристойными, гнусными», а его поведение определялось, как «варварство и тиранство». Майор не только ругал, но и нещадно бил студентов, сек розгами, давал пощечины. Яковлев видел клетку, в которую «намерен был Бокум запирать и сажать дворян в таком переломанном и тем самым здоровью их опасном весьма положении тела, что в ней стоять на остроконечных перекладинах прямо не можно...»

Сам Бокум жил со своим семейством в удобной, хорошо обставленной квартире. Студентов же он «рассовал по разным скаредным, вонию и нечистотою зараженным лачугам, содержал их пищею, платьем и обувью гораздо не в таком довольстве, как быть надлежало... Носили они кафтаны выворотенные, обувь стоптанную», — сообщал в рапорте Яковлев.

Радищев и Алексей Кутузов жили вместе.

«У них одна комната посредственной величины, — писал далее Яковлев, — а спят в той же комнате, в сделанной в стене, глухой от пола и до потолка перегородке такой величины, как кровати стать могли. И оттого, что воздух не может поря-

дочно проходить, всегда сырость. Кровати деревянные, нанятые у хозяина, перины и подушки собственные, а одеяла у Кутузова свои, а у Радищева — казенное, дано по приезде в Лейпциг, ветхо, надевается без подшивки простыни...»

«У каждого комнату моют в год два раза, и чистота в оных дурно наблюдается. Во всяком кушанье масло горькое, тож и мясо старое, крепкое, да случалось и протухлое. А г. Радищев находился всю бытность мою в Лейпциге болен, да и по отъезде еще не выздоровел, и за болезнию к столу ходить не мог, а отпускалось ему кушанье на квартиру. Он в рассуждении его болезни, за отпуском худого кушанья, прямой претерпевает голод...»

Совсем по-другому устроился в Лейпциге молодой Гёте. Он снял две «хорошенькие» комнаты и заботливо следовал им самим установленному правилу, гласившему, что «студент должен быть галантным кавалером, если только он хотел иметь какое-либо общение с богатыми, хорошо воспитанными жителями» [1].

Радищев, увлеченный наукой, не стремился быть «галантным» и водить компанию только с богатыми, — но кому же приятно, если башмаки стоптаны, кафтаны выворочены и желудок пуст?..

У Бокума ко всем его недостаткам вдруг прибавилось нелепое и смешное тщеславие. Он возомнил себя необыкновенным силачом. Проезжавший через Лейпциг русский гвардии офицер, подстрекая на потеху студентам вздорное самолюбие Бокума, заставлял его выпивать подряд несколько бутылок воды или пива, подымать и ворочать различные тя-

---

[1] В. Гёте, Поэзия и правда.

жести, испытывать на себе сильные удары тока от электрической машины и проделывать разные другие шутовские фокусы.

«Таковые подвиги, — пишет Радищев, — производились ежедневно... Мы были непрестанные оных зрители, и презрение наше к Бокуму с того времени стало совершенное...»

Студенты, разумеется, не раз жаловались на Бокума в письмах к своим родным. Когда же те, в свою очередь, попробовали пожаловаться Екатерине, она ответила весьма раздраженно:

«Извольте объявить тем отцам и матерям, как почитают, что дети их в Лейпциге от Бокума столь много претерпевают, что в их воле состоит их оттудова отозвать, ибо я рушить не намерена все тамошнее мною сделанное учреждение, для того, что мне от него более беспокойства, нежели пользы. Я трачу 15 000, а принимаю негодование...»

Императрица не терпела, когда в сделанных ею «учреждениях» усматривали хотя бы небольшой изъян.

Наконец вспыхнул открытый бунт, — едва ли не первые «студенческие беспорядки» в среде русской молодежи.

Началось с того, что Бокум придрался к Василию Трубецкому за незначительный проступок и посадил его под стражу. У дверей комнаты Трубецкого был поставлен часовой в полном вооружении. Бокум грозил, что накажет провинившегося фухтелями[1]. Студенты были возмущены. Они пришли к Бокуму «правильно и благопристойно» просить, чтобы он простил Трубецкого. Бокум выгнал их...

---

[1] Фухтель — удар саблей плашмя.

Молодежь чувствовала себя оскорбленной в своих лучших чувствах.

«Подобно как в обществах, — вспоминает Радищев, — где удручение начинает превышать пределы терпения и возникает отчаяние, так и в нашем обществе начиналися сходбища, частые советования, предприятия и все, что при заговорах бывает, взаимные о вспомоществовании обещания, неумеренность в изречениях; тут отважность была похваляема, а робость молчала, но скоро единомыслие протекло всем души, и отчаяние ждало на воспаление случая...»

Случай не заставил себя долго ждать.

Вторая зима по приезде студентов в Лейпциг была суровой. Из-за нерадения Бокума холод в комнатах, в которых жили студенты, по словам Радищева, был чувствительнее, нежели в самой России при тридцати градусах стужи. Один из студентов, Иван Насакин, не получавший из дому денег, претерпевал особую нужду. Он пошел к Бокуму и попросил, чтобы тот приказал протопить его комнату. Бокум, который в это время играл со своими приятелями на биллиарде, вытолкал Насакина вон и дал ему пощечину.

Этот случай был последней каплей, переполнившей чашу терпения. Федор Ушаков заявил, что оскорбление, нанесенное Бокумом, может быть смыто только кровью.

Молодые правоведы постарались подвести под этот случай юридическое обоснование. В то время они изучали «право естественное», но, не охватив еще весь курс целиком, дошли только до толкования древнего закона—«око за око, зуб за зуб». По-

этому они и решили, что Насакин должен возвратить Бокуму пощечину.

Студенты вызвали гофмейстера в столовую, и Насакин потребовал у него «удовольствия», то-есть извинения. Когда взбешенный Бокум отказался извиняться, Насакин ударил его по лицу.

Испуганный Бокум поспешил благоразумно ретироваться...

Писарь Бокума, присутствовавший при этой сцене, бросился к Насакину и сорвал с него шпагу, которую тот не успел отстегнуть, так как только что пришел из гостей. Писарь был наказан за это тем, что Михаил Ушаков стащил с него парик. Бокум же впоследствии обвинял Насакина в том, что тот хотел заколоть его шпагой, но он, Бокум, разогнал и раскидал всех студентов, «как ребят».

«И так, — рассказывает Радищев, — в самой клевете не забывал он хвастовства и никогда не признался, что Н. (Насакин) ему возвратил пощечину с лихвою...»

Радищев скромно умалчивает о своей собственной роли в «войне» с Бокумом. Он рассказывает только о том, что при разговоре студентов с Бокумом в столовой у него, у Радищева, в карманах лежали заряженные дробью два пистолета и он беспокоился, что если бы эти пистолеты нашли, могло бы произойти «что-либо слезное и несмешное». Зная горячность Радищева и его дружбу с коноводом молодежи Федором Ушаковым, можно предположить, что он был в числе самых активных «бунтовщиков».

Студенты заявили о случившемся ректору университета. Чувствовали они себя очень неспокойно.

Они боялись, что их вернут в Россию для примерного наказания.

Бокум вытребовал у воинского начальника вооруженных солдат, с их помощью рассадил «бунтовщиков» по комнатам и поставил у комнат охрану.

Студенты, еще до своего ареста, написали обо всем в Дрезден русскому министру, но Бокум перехватил их письмо.

«Под стражею содержимы были мы, — рассказывает Радищев, — как государственные преступники или отчаянные убийцы. Не токмо отобраны были у нас шпаги, но рапиры, ножи, ножницы, перочинные ножички, и когда приносили нам кушанье, то оно было нарезано кусками, ибо не было при оном ни ножей, ни вилок...»

Окна комнат Бокум велел заколотить досками, оставив только небольшие отверстия для воздуха. Двери были сняты с петель, так что часовые могли видеть, что делают студенты в своих комнатах, превращенных в тюремные камеры.

Студенты все же ухитрились написать письмо о своем бедственном положении. Письмо было составлено Федором Ушаковым. В то время студенты жили еще все вместе, в двухэтажном доме: шестеро в верхнем этаже, остальные в нижнем. Из окон верхнего этажа, через отверстия в досках, письмо спускали на нитке к окнам нижнего этажа. Таким образом, все смогли прочесть и подписать письмо.

Один из учителей, некто Вицман, «из единого человеколюбия» отправился на свой страх и риск в Россию, чтобы защитить там студентов. Он взял в дорогу карманные часы — самую большую драгоценность, которую имели студенты.

Бокум добился в университетском совете, чтобы

над «бунтовщиками» был произведен суд. К допросам студентов возили в закрытых каретах, и «судопроизводство», по выражению Радищева, было «похоже на то, какое бывало в инквизициях».

«Конец сему полусмешному и полуплачевному делу был тот, что министр, приехав в Лейпциг, нас с Бокумом помирил, — вспоминал впоследствии Радищев, — и с того времени жили мы с ним, почти как ему неподвластные; он рачил о своем кармане, а мы жили на воле...»

В истории с Бокумом впервые последовательно и сильно проявилась непримиримость Радищева ко всему, что посягало на свободу и достоинство человека. Глубокое впечатление произвел на юношу этот первый жизненный опыт, первое столкновение честной и пылкой юношеской души с неправдой и несправедливостью.

В образе скаредного гофмейстера Бокума перед юношей предстал деспотизм русского «самодержавства», протянувшего вслед за молодыми людьми свои щупальцы, — предстал не в виде отвлеченного понятия, а в виде реальной грубой силы, сковывающей волю, жестоко угнетающей свободу, унижающей человеческое достоинство.

И первой схваткой юноши Радищева с этой силой была «война» с Бокумом — это «полусмешное, полуплачевное дело». Таким образом, мы видим, что Радищев к этому времени не только жил в мире уже достаточно определившихся идей и представлений, но и был способен — пускай еще в несколько наивной, юношески-бунтарской форме — отстаивать их на деле...

«Не знал наш путеводитель,—писал Радищев,— что худо всегда отвергать справедливое подчинен-

ных требование и что высшая власть сокрушалася иногда от безвременной упругости и безрассудной строгости...»

* * *

Светлыми сторонами жизни Радищева на чужбине были дружба, возникшая между ним и некоторыми из его товарищей, и горячее и бескорыстное увлечение книгами, наукой.

Дружба молодых людей, их дружеский «союз душ» выросли и окрепли в испытаниях и бедах, которые студентам довелось пережить в Лейпциге и которые особенно сблизили их.

Вместе с Радищевым в Лейпциг приехали его друзья по пажескому корпусу. С Алексеем Кутузовым он и здесь жил в одной комнате. Юноши вместе читали, учились, вместе мечтали о возвращении на родину и о служении ей.

Спустя много лет Радищев писал, посвящая «Житие Ушакова» Кутузову:

«Не без удовольствия, думаю, любезнейший мой друг, вспоминаешь иногда о днях юности своея; о времени, когда все страсти, пробуждаяся в первый раз, производили в нашей душе нестройное хотя волнение, но дни блаженнейшие всея жизни соделовали... Не с удовольствием ли, мой друг, повторяю я, вспоминаешь о времени возрождения нашей дружбы, о блаженном союзе душ, составляющем ныне мое утешение во дни скорби...»

В Лейпциге в жизнь Радищева вошел еще один юноша, — друг, память о котором он сохранил до конца своей жизни.

Это был Федор Васильевич Ушаков, самый старший из студентов, — человек больших способностей,

твердой, целеустремленной воли и самоотвержения, сильная, жадная душа, самой сильной страстью которой была страсть к науке.

Успехи Федора Ушакова в сухопутном кадетском корпусе обратили на себя внимание одного влиятельного вельможи — тайного советника Теплова. Теплов взял Ушакова к себе в секретари, и перед способным молодым человеком открылась дорога к верному преуспеянию в жизни. Но услышав об отправлении в Лейпциг молодых дворян, он бросил все и стал добиваться, чтобы и его отправили в Лейпциг. Напрасно друзья отговаривали Ушакова от этого смелого шага. Действительно, по тем временам нужно было иметь немалое мужество, чтобы оставить определившийся жизненный путь и сесть на школьную скамью.

В неладах с Бокумом Федор Ушаков был смелее и непримиримее других и за то был особенно ненавидим гофмейстером.

Радищев рассказывает, что, приехав в Лейпциг, «забыл Федор Васильевич все обиды и притеснения своего начальника и вдался учению с наивеличайшим рвением... Он устремил все силы свои и помышления на снискание науки, и в том было единое почти его упражнение. Сие упорное прилежание к учению ускорило, может быть, его кончину...»

Студенты должны были обучаться философии и праву, «присовокупя к оным учение нужных языков». Ушаков не ограничивался этим. Считая, что «не излишне для него будет иметь понятие и о других частях учености», он на собственные деньги нанимал учителей, уделяя особое внимание изучению латинского языка, который в те времена был еще официальным языком науки.

«Солнце, восходя на освещение трудов земнородных, нередко заставало его беседующего с римлянами», — пишет Радищев. Из римских классиков Ушаков отдавал предпочтение «не льстецу Августову» и не «лизоруку Меценатову» — Горацию, а Цицерону, «гремящему против Катилины», и «колкому Сатирику», «не щадившему Нерона», — то-есть, повидимому, читал «Сатирикон» Петрония [1].

Ушаков был любимым учеником профессора Геллерта, пользовавшегося большой популярностью среди студентов.

С увлечением занимался Ушаков математикой.

Словно радуясь тому, что вырвался из плена чиновничьей жизни, он вкладывал во все, за что бы ни брался, все силы души и тела. Отдаваясь самозабвенно науке, он не чуждался и соблазнов разгульной жизни. Это привело к тому, что, как пишет Радищев, «наступило время, когда почувствовал он совершенное сил своих изнеможение». Ушаков тяжело заболел.

Вот тогда-то и проявилось замечательное мужество и твердость души этого молодого человека.

«Поистине нужна неробость и крепость душевных сил, дабы взирати твердым оком на разрушение свое», — пишет Радищев о последних днях Ушакова.

Понимая серьезность своей болезни, Ушаков настойчиво просил врача не скрывать от него истинного положения:

---

[1] Август — первый римский император; Меценат — римский общественный деятель, покровитель искусств; Гораций — знаменитый римский поэт; Цицерон — знаменитый римский оратор; Катилина — римский общественный деятель; Петроний — римский поэт-сатирик.

— Не мни, что, возвещая мне смерть, востревожишь меня безвременно или дух мой приведешь в трепет...

Врач долго колебался, прежде чем открыл больному правду.

— Нелицемерный твой ответ почитаю истинным знаком твоея дружбы, — сказал врачу Ушаков.

Он простился со всеми своими товарищами. Потом призвал одного Радищева, передал ему свои бумаги, — впоследствии Радищев издал сочинения умершего друга в приложении к своей повести «Житие Федора Васильевича Ушакова». Последние слова, с которыми умирающий обратился к Радищеву, «громко раздалися в моей душе и неизгладимою чертою ознаменовалися в памяти».

Ушаков сказал:

«...помни, что нужно в жизни иметь правила, дабы быть блаженным, и что должно быть тверду в мыслях, дабы умирать бестрепетно».

Этот завет «вождя своей юности» Радищев сохранил навсегда.

Перед самой смертью Ушаков просил Кутузова и Радищева, чтобы они дали ему яду, но друзья не решились исполнить последнюю просьбу своего друга...

* * *

Раздоры с Бокумом и неустроенность быта не могли, конечно, заслонить то главное, что составляло содержание жизни Радищева и его товарищей в Лейпциге.

Через полтора года по приезде русских студентов в Лейпциг князь Белосельский сообщал об их успехах в письме в Петербург:

«...Все с удивлением признаются, что в столь короткое время проявили они знатные успехи и не уступают в знании тем, кто издавна обучается. Особливо же хвалят и находят отменно искусными, во-первых, старшего Ушакова, а по нем Янова и Радищева, которые превысили чаяния своих учителей...»

К сожалению, нельзя сказать, что учителя тоже превысили чаяния учеников.

Вспоминая о годах своего учения, Гёте говорил, что во всех четырех университетских факультетах царил мертвящий педантизм. Он признавался, что, скучая на лекциях по государственному праву, вместо того чтобы прилежно записывать, рисовал на полях своей тетради упоминаемых в лекциях лиц: судей, президента и заседателей в их странных париках, развлекая этими шутками своих соседей и смеша их.

Десятью годами позже Фонвизин писал в письме к графу П. И. Панину о лейпцигских ученых с обычной своей острой и беспощадной иронией:

«Я нашел сей город наполненным учеными людьми. Иные из них почитают главным своим и человеческим достоинством то, что умеют говорить по-латыни, чему однакож во времена Цицероновы умели и пятилетние ребята; другие, вознесясь на небеса, не смыслят ничего, что делается на земле... Словом, — Лейпциг доказывает неоспоримо, что ученость не родит разума...» [1]

Фонвизин был прав, давая эту насмешливую характеристику немецкой официальной науке.

В умственной же жизни Германии того времени

---

[1] Д. И. Фонвизин, Полн. собр. сочин. Спб., 1893 г.

происходили немаловажные и интересные события. Немецкая литература переживала период острой борьбы нового, предромантического направления со школой старого, готшедовского[1] классицизма, период становления литературной школы «бури и натиска».

Но в лекциях ученых, профессоров, в учебных планах и в учебниках свила себе прочное гнездо научная рутина, бдительно оберегаемая университетским начальством.

Из всех университетских профессоров Радищев и его товарищи выделяли двух: поэта-идиллиста Геллерта, преподававшего словесные науки, и молодого профессора Платнера, читавшего философию и физиологию.

Радищев вспоминает о наслаждении, которое доставляли лекции «добродетелью славутого» Геллерта.

«Геллерт был чрезвычайно уважаем и любим молодежью, — рассказывает и Гёте. — Небольшого роста, изящный, но не худощавый, с кроткими, пожалуй, даже грустными глазами, с неслишком большим ястребиным носом... он всею своей наружностью располагал к себе...»[2]

Геллерт, восхищавший впоследствии и Карамзина, покорял юные сердца проповедью высокого призвания писателя, которое, по его словам, заключается в том, чтобы пером своим служить истине и добродетели.

Следует пояснить, что увлечение Геллертом, автором церковных песнопений, ханжою и свято-

---

[1] Готшед, Иоганн-Кристоф (1700—1766) — известный немецкий писатель.

[2] В. Гёте, Поэзия и правда.

шей, было обусловлено в значительной степени молодостью его почитателей, не всегда способных дать правильную оценку громким и красивым словам.

Не менее популярным среди студенческой молодежи был и профессор Платнер. Он умел увлечь молодежь громкими фразами о необходимости близкого общения науки с жизнью, критикой существующих законов и общественных порядков. Это казалось новым, смелым и производило впечатление струи свежего воздуха в душной, затхлой атмосфере университета.

Как видно, никто из студентов не задумывался серьезно над тем, что в основе «учения» Платнера лежала, по словам одного из современных исследователей Радищева, «эклектическая[1] мешанина, заимствованная у Лейбница и Канта»[2].

Под руководством Платнера Радищев изучал в Лейпциге медицину и, судя по тому, что впоследствии отваживался применять свои знания на практике, занимался ею весьма успешно.

В бытность свою в Лейпциге Карамзин также встречался с Платнером.

«Никто из лейпцигских ученых, — пишет Карамзин, — не славен, как доктор Платнер. Эклектический философ, который ищет истины во всех системах, не привязываясь особенно ни к одной из них... Он помнит К [утузова] и Р [адищева] и других русских, которые здесь учились...»[3]

[1] Эклектизм — философское учение, представляющее поверхностное, механическое соединение различных учений и теорий в одно целое.

[2] М. А. Горбунов, Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. Госполитиздат, 1949 г.

[3] Н. Карамзин, Письма русского путешественника.

Профессора лейпцигского университета составили обширный план обучения русских студентов. Этот план предусматривал изучение юриспруденции, философии, истории, математики, физики, европейских политических дел XVII и XVIII веков, германского политического права и ряда других дисциплин.

Университет дал молодым людям основы научных знаний и воспитал в них навыки работы. Чтение же книг и самостоятельные занятия по расширению образования дали студентам значительно больше, чем университет.

Так, однажды они отказались слушать лекции профессора истории и публичного права Беме, сухого и скучного педанта, указывая на то, что этот предмет превосходно изложил, «по мнению всего света», аббат Мабли[1] в книге «Публичное право Европы».

Нет, не в университете и не на лекциях учился Радищев мыслить и чувствовать. Книги обогащали его душу и разум. Книгам обязан он тем, что «сладость возвышенных мыслей» навсегда сделалась его потребностью, лучшей радостью жизни, прибежищем в дни скорбей и гонений. Читал он много и жадно.

Просветительная философия была самым ярким и сильным выражением европейской умственной жизни XVIII века. Своего рода «боевым штабом» просветительной мысли явилась знаменитая «Энциклопедия», выходившая во Франции с 1751 по

---

[1] Мабли Г. (1709—1785) — французский философ-просветитель, историк и моралист.

1780 год под редакцией Дидро и Д'Аламбера[1]. Вокруг них сплотилось много замечательных писателей, мыслителей и публицистов — борцов против феодализма, церковного гнета и сословного неравенства. Значение «Энциклопедии» заключалось как в сообщаемых ею научных сведениях, так и в ее политической направленности. Писатели-энциклопедисты первые подняли голос протеста и возмущения против гнусной торговли невольниками. Они доказывали бесчеловечие существовавшей системы налогов, истощавшей жизненные силы страны, протестовали против продажности правосудия.

«Великие мужи, подготовившие во Франции умы для восприятия грядущей могучей революции, — писал о французских философах-просветителях Энгельс, — сами выступили в высшей степени революционно. Они не признавали никакого авторитета. Религия, взгляд на природу, государственный строй, общество, — все было подвергнуто беспощадной критике. Все должно было оправдать свое существование перед судилищем разума или же от своего существования отказаться. Мыслящий ум был признан единственным мерилом всех вещей»[2].

Такие мыслители, как Вольтер, Монтескье, Жан-Жак Руссо, Дидро, Ламетри, Гольбах, Гельвеций, навсегда вошли в историю передовой человеческой мысли.

Они искали новые пути развития человека, раз-

---

[1] Дидро Д. — французский писатель, философ-материалист XVIII века; Д'Аламбер — французский философ и выдающийся математик.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. соч., т. XIV, стр. 357 — 358.

рабатывали новое мировоззрение, которое должно было освободить разум от религиозного дурмана и схоластики. Они верили в могущество человеческого разума, мечтали о лучшем общественном устройстве.

В учении о познании и о природе французские просветители выступали как материалисты, но к явлениям общественной жизни они не смогли, не сумели еще подойти с материалистических позиций. В центре их учения об обществе стоял человек вообще, они стремились прежде всего обосновать равенство всех людей.

Темные силы феодальной Франции поднялись на борьбу с новым материалистическим и атеистическим учением. Философов-материалистов присуждали к изгнанию, бросали в тюрьмы, книги их сжигались рукою палача. Дени Дидро отбыл заключение в Венсенском замке, Вольтер — в Бастилии.

Французская монархия и католическая церковь не останавливались ни перед чем в борьбе против философов-материалистов. Многие из них вынуждены были бежать из Франции.

Радищев и его товарищи с увлечением штудировали Руссо, Мабли, Рейналя, Гольбаха, читали Вольтера и Монтескье, изучали Лейбница [1].

В «Житии Федора Васильевича Ушакова» Радищев рассказывает об увлечении студентов книгой Гельвеция «О разуме». С этой книгой их познакомил русский офицер, бывший в Лейпциге проездом.

«По его совету Федор Васильевич и мы за ним

---

[1] Рейналь — французский писатель-просветитель (о нем см. ниже); Гольбах — один из крупнейших представителей французского материализма XVIII века; Лейбниц — немецкий философ.

читали сию книгу, читали со вниманием, и в оной мыслить научалися...»

Книга Гельвеция увидела свет в 1758 году и сразу вызвала бурю возмущения. На автора ополчились король, парламент, архиепископ парижский и сам папа. Книга была запрещена, как содержащая «мерзкоучение, стремящееся нарушить основы христианской веры... нарушить мир в государствах, восстановить подданных против власти и против самой персоны их монархов...»

И вот по этой-то «крамольной книге» учились мыслить русские студенты!..

«...Повсюду, где царит деспотизм, он не терпит наряду с собой иного властителя. Голос совести и долга должен умолкнуть, когда он говорит, и рабам остается одна только добродетель — слепое повиновение», — читал Радищев у Руссо.

«...Гордые своим богатством граждане гнушаются считать равными себе людей, осужденных жить в труде... Нарождаются несправедливые и тиранические правительства, пристрастные и гнетущие законы, — одним словом, нагромождение бедствий, под которыми стонут народы», — читал он у аббата Мабли.

Книги философов-просветителей увлекали юношу, давали новый толчок мысли, но их смелые и гневные призывы падали на уже подготовленную почву и только усиливали то чувство внутреннего протеста, которое возникло в душе Радищева еще в России, которое росло, развивалось и крепло под воздействием русской действительности, под воздействием того первого жизненного опыта, который он приобрел за свою недолгую жизнь.

Думая о прочитанном, он видел перед собой да-

лекую родину, о которой бережно хранил воспоминания, с которой не утратил связи, видел «людей, осужденных жить в труде». Все становилось предельно ясным и потрясало силой жизненной правды, стоило только вспомнить придворные маскарады, празднества и солдат, идущих с пушками на усмирение бунтующих крестьян...

Далека, далека была родная русская земля! Но родину Радищев и его друзья не забывали ни на один день. Каждый из них по-своему готовил себя к тому, чтобы служить ей. Все, что они приобретали на чужбине, они приобретали во имя того, чтобы отдать все это родине.

И здесь, в чужом Лейпциге, многое напоминало им о России. Во-первых, сюда часто приезжали люди из отчизны.

«Отправление российских морских сил в Архипелаг, в последнюю войну между Россиею и Турциею, доставило нам в Лейпциге случай видеть многих наших соотчичей, проезжавших из России в Италию и оттуда в Россию», — пишет Радищев в «Житии Федора Васильевича Ушакова».

Во-вторых, студенты получали письма, посылки и деньги от родных. Получали они и книжные новинки и журналы того времени — такие, как «Всякая всячина», «Трутень», «Адская почта».

Несомненно, знакомились они и с иностранными книгами и статьями, посвященными России, и, уж конечно, говорили о России с товарищами по университету, с профессорами и другими знакомыми иностранцами. А Россией в те времена интересовались за границей особенно живо и с пристальным вниманием присматривались к происходившим в ней событиям.

Екатерина II, во что бы то ни стало добиваясь популярности, старалась всеми возможными средствами привлечь внимание к своей деятельности передовых писателей Европы. Ее знаменитый «Наказ», изданный в России в 1767 году, спустя три года был напечатан на латинском, французском и немецком языках.

Было известно, что императрица ни на один день, по ее собственным словам, не расстается с «Энциклопедией» и заполняет свою библиотеку новейшими книгами по всем отраслям знания.

Было известно и то, что она предложила Дидро, подвергавшемуся преследованиям во Франции, перенести печатание «Энциклопедии» в Россию. А когда Дидро, нуждавшийся в деньгах, хотел продать свою библиотеку, она купила все его книги и оставила их у него на хранение, назначив ему жалованье как своему библиотекарю.

Д'Аламбер писал Екатерине: «Вся литературная Европа рукоплещет отличному знаку уважения и милости, какой ваше императорское величество оказали Дидро...»

«Ну, славный философ! Что скажете о русской императрице? — спрашивал Вольтер Дидро в одном из своих писем к нему.—В какое время живем мы? Франция преследует философию, а Скифы ей покровительствуют!..»

Дидро не остался в долгу. Он купил по поручению Екатерины драгоценную картинную галлерею и, — что для Екатерины было важнее всего, — уговорил писателя Рюльера не издавать своего сочинения о русском дворцовом перевороте 1762 года, в котором вскрывалась подлинная роль Екатерины в этом событии.

Была, наконец, известна ее переписка с Вольтером, развивавшим перед ней широкие и смелые планы внешней политики: изгнание турок из Европы и восстановление «отечества Софокла и Еврипида»[1], а также и то, что Екатерина предлагала Д'Аламберу принять на себя труд воспитания наследника русского престола и что ее фаворит — граф Григорий Орлов — писал под ее диктовку Жан-Жаку Руссо, приглашая его в Гатчину.

Многие в Европе считали, что Россия потерпит поражение в войнах с Турцией и Польшей. Но вот в 1770 году главнокомандующий русскими войсками Румянцев близ реки Ларги нанес тяжелое поражение войскам крымского хана, вторгшимся в южные русские владения. Вслед за тем, имея всего около 25 тысяч солдат, Румянцев атаковал и разбил на реке Кагул главные турецкие силы, насчитывавшие до 150 тысяч воинов.

Не менее блистательные успехи были достигнуты и на море. Русский флот совершил смелый поход из Балтийского моря к берегам Греции. У Чесменской бухты в июне 1770 года русские корабли атаковали турецкий флот. Русскому флоту был дан приказ: истребить неприятеля или погибнуть. После нескольких часов ожесточенного морского боя турецкий флот, превосходивший русский по числу кораблей в два раза, отступил и укрылся в Чесменской бухте. А на следующий день весь турецкий флот был уничтожен.

Россия вставала издали перед русскими студентами в блеске просвещения и воинской славы.

---

[1] То-есть Грецию; Софокл и Еврипид — великие древнегреческие писатели.

«Свобода, душа всех вещей! Без тебя все мертво!» — писала императрица и называла себя «рыцарем свободы и законности». Ей удивлялись в Европе. На родине ей поднесли титулы «Премудрой», «Великой», «Матери отечества».

Но как примирить все это с другими сторонами русской жизни, которые не могли остаться неизвестными русским студентам, имевшим постоянное общение с далекой родиной, жившим ее жизнью, ее интересами?

Радищев по молодости лет мог не знать тогда, что лицемерная игра Екатерины в «свободу» и «вольность» была рассчитанным обманом и нимало не соответствовала укладу жизни крепостной России. Но перед ним были факты: в первые же дни своего царствования «Мать отечества» закабалила 18 тысяч свободных русских людей, чтобы затем раздарить их своим вельможам; «Наказ» стал запретной книгой, о которой Сенат, с согласия Екатерины, распорядился: «никому из низших служителей и посторонних не только для списывания, ниже для прочтения не давать...»

Новиковский «Трутень» — передовой русский сатирический журнал того времени — рисовал произвол помещиков, раскрывал картины потрясающего крестьянского оскудения, язвительно высмеивал «Недоумов» и «Безрассудов», представителей высшего дворянства, с их глупой спесью, жадностью, бесчестием.

Значит, все это было в России? Значит, за блестящим фасадом в екатерининской России царило то самое пренебрежение правами человека, тот самый произвол, которые больше всего были ненавистны молодому честному сердцу Радищева?

Не так легко было с полной ясностью разобраться во всех этих противоречиях русской жизни. Но Радищев был твердо убежден в одном: если зло есть, с ним надо бороться. И юношески горячее и благородное стремление трудиться на пользу родного народа влекло Радищева домой, в Россию. Там, казалось ему, должны найти применение кипевшие в нем силы.

И в этом стремлении проявились те принципиально новые черты, которые уже тогда отличали Радищева от западноевропейских мыслителей. Эти новые черты заключались в стремлении именно к практической деятельности, в желании не только мыслью и словом, но и практически, делом служить своей стране, своему народу.

Многие из буржуазных исследователей утверждали, что свой демократический радикализм Радищев якобы вывез из-за границы, из Лейпцига. Это утверждение является неверным. В самом деле, под воздействием каких условий мог сложиться именно в Лейпциге демократический радикализм Радищева, развившийся впоследствии в революционную убежденность? В казенной рутине лейпцигского университета? В итоге увлечения книгами французских писателей? Нет. Лейпциг немало дал Радищеву в смысле научной и общекультурной подготовки, книги обогатили его новыми мыслями, но мировоззрение Радищева начало развиваться на родной русской почве, питалось ее соками, и этому развитию не могла помешать даже длительная разлука с родиной. Вся последующая деятельность Радищева является наглядным подтверждением этого.

* * *

Четыре с лишним года прошло с тех пор, как дорожные кареты провезли по улицам Лейпцига русских студентов.

Настало время возвращаться домой.

Радищев, Кутузов и Рубановский выехали из Лейпцига в середине октября 1771 года. В двадцатых числах ноября они уже приехали в Петербург. Как видно, они очень торопились...

«Вспомни нетерпение наше видеть себя паки на месте рождения нашего, — писал Радищев Кутузову, спустя много лет вспоминая о возвращении из Лейпцига на родину, — вспомни о восторге нашем, когда мы узрели межу, Россию от Курляндии отделяющую. Если кто бесстрастный ничего иного в восторге не видит, как неумеренность или иногда дурачество, для того не хочу я марать бумаги, но если кто, понимая, что есть исступление, скажет, что не было в нас такового и что не могли бы мы тогда жертвовать и жизнию для пользы отечества, тот, скажу, не знает сердца человеческого. Признаюсь, и ты, мой любезный друг, в том же признаешься, что последовавшее по возвращении нашем жар сей в нас гораздо умерило...»

IV. ПУТЬ БОРЬБЫ

> «...Должно исполнять звание свое так, как повелевает благоразумие и честность, не заботясь нимало о воздаянии почести, превозношении и славе...»
>
> А. Радищев

Родина встретила молодых сынов своих буднично, неласково. Она раскрылась перед ними совсем не в том блеске, как виделась им издалека...

Продолжалась тяжелая, изнурительная война с Турцией. В 1771 году самоотверженно сражавшаяся русская армия овладела Крымом. В последующие годы русские войска не раз с победой переходили Дунай. Наконец в 1774 году был заключен мир. Россия получила земли между Днепром и Бугом, получила Керчь в Крыму, что давало ей выход в Черное море. Турция открыла для русских судов проход через проливы Дарданеллы и Босфор. Крымское ханство было объявлено независимым от Турции.

Это была большая победа, но победа, достигнутая дорогой ценой. Тяжесть долгой войны лежала на плечах русского народа. Многострадальный крепостной мужик отважно сражался под победоносными знаменами русской армии, и он же своим подневольным трудом обогащал царскую казну, отощавшую за годы войны.

В конце 1770 года в Москве началась чума. Народ, видя полную бесполезность правительственных противочумных мер (они сводились в основном к временному закрытию церквей и отмене церковных обрядов), взбунтовался. Бунтовщиков усмиряли вооруженной силой. Для наведения порядка Екатерина отправила в Москву своего фаворита Григория Орлова.

Круто расправившись с бунтовщиками, он вернулся в Петербург «победителем». В Царском Селе в честь его воздвигли триумфальную арку и выбили золотую медаль. Эта «победа» над беззащитным народом была наглядным свидетельством того, как будет Екатерина и впредь расправляться с народом за малейшее проявление непокорства.

Фонвизин писал в письме к своей сестре о придворных нравах того времени:

«Развращенность здешнюю описывать излишне: ни в каком скаредном приказе нет таких стряпческих интриг, какие у нашего двора всеминутно происходят... Я ничего у бога не прошу, как чтобы вынес меня с честью из этого ада...»

Законодательная комиссия 1767 года, назначенная Екатериной для выработки новых законов, оказалась, как говорил впоследствии Пушкин, «непристойно разыгранной фарсой». «Наказ» Екатерины был надежно похоронен в «присутственных местах», сатирические журналы 1769—1770 годов закрыты.

Все это свидетельствовало о том, что намерения и планы широких преобразований, о которых слышал Радищев в Лейпциге и в осуществлении которых он хотел найти применение своим силам и знаниям, отодвигались в неопределенное будущее.

И вот в этих условиях нужно было начинать

А. Н. Радищев в молодости. Миниатюра неизвестного художника.

«служить». Пора было браться за дело — за такое дело, о котором молодые люди мечтали на чужбине, к которому готовили себя. Но очутившись на родине, они вдруг увидели и поняли, что до них никому нет дела, что они, по существу, никому и не нужны, как никому не нужны их знания, их надежды и мечты.

Радищев с Кутузовым, — они и после возвращения в Петербург продолжали жить вместе, — поступили протоколистами в Сенат[1], под начальство генерал-прокурора князя А. А. Вяземского.

Должность эта отнимала много времени и была незаметной и «недоходной».

Молодые люди взялись за работу в расчете не на доходы, а на то, что она позволит им изучить русское право и даст возможность ознакомиться с судоустройством и судопроизводством.

На службе в Сенате Радищев пробыл, повидимому, до середины 1773 года. Вынужденное общение с чиновничьей средой было для него тягостным.

В «Житии Ушакова» Радищев рассказывает о том, как в свое время друзья Ушакова, узнав, что тот собирается оставить службу и ехать учиться, отговаривали его от этого смелого шага.

«Да останется при своем месте, и да не предпочтет неверную стезю к почестям, ученость, покровительству своего начальника», — говорили Ушакову друзья. «Положим, что ты пребыванием своим в училище приобретешь знания превосходнейшие, что достоин будешь управлять не токмо важным отделением, но достоин будешь венца; неужели думаешь, что тебя Государь поставит на первую по себе ступень? Тщетная мечта юного воображения! По возвращении твоем имя твое будет забыто... Ты поместишься в числе таких людей, кои не токмо не равны будут тебе в познаниях, но и душев-

[1] Сенат — в дореволюционной России высшее государственное учреждение, надзиравшее за работой суда, финансами, администрацией.

ными качествами иногда ниже скотов почесться могут; гнушаться их будешь, но ежедневно с ними общаться должен. Окрест себя узришь нередко согбенные разумы и души, и самую мерзость. Возненавиден будешь ими...»

Горечью и болью звучат эти слова Радищева. Идут они от самого сердца: видно, все это было близко ему, было пережито и выстрадано им самим.

И в то же время служба в Сенате еще больше открыла ему глаза на многое из того, о чем до сих пор он знал только по слухам, по воспоминаниям детства, и что все сильнее и сильнее тревожило и волновало его.

В Сенате он познакомился с «делами» о злоупотреблениях помещиков. Бесстрастным канцелярским языком рассказывали ему казенные бумаги о презрении к правам человека, о постыдных и черных делах власть имущих.

Дворянку Морину за убийство крепостной по суду сослали на год в женский монастырь, где ей, конечно, как богатой и знатной даме, жилось преотлично. Вдову помещика Кашинцева «присудили» к шести неделям покаяния за столь жестокое наказание своей служанки, что та повесилась. Помещице Гордеевой Сенат к церковному покаянию прибавил было заключение на месяц в тюрьму за истязание дворовой, окончившееся смертью последней. Но императрица повелела вернуть убийцу мужу, с тем «чтобы он ее впредь до такой суровости не допускал».

Зато с величайшей строгостью взыскивалось с крепостных рабов, если они, «ярясь в отчаянии своем», поднимали руку на господ.

Большое дело возникло на Олонецких заводах, где крестьян принуждали к сверхурочным работам в самую горячую пору крестьянской страды. Крестьяне взбунтовались. Посланную против них команду они встретили кольями и рогатинами. Полковник князь Урусов вскоре усмирил непокорных «мелким ружьем и пушкой».

Эти страшные «дела» раскрывали Радищеву глаза на жизнь народа в России, обогащали его знакомством с правдой жизни.

Перед ним представала во всем своем неприкрашенном облике крепостная Россия.

Просветительные идеи находили в России благодатную почву в среде передовой дворянской и разночинской интеллигенции, но в массе своей русские вельможные и дворянские «вольтерьянцы» оставались теми же крепостниками-помещиками.

Герцен так характеризовал «вольтерьянство» екатерининского времени: «Идеи философии XVIII века оказали отчасти вредное влияние в Петербурге. Энциклопедисты во Франции, освобождая человека от старых предрассудков, внушали ему более возвышенные нравственные инстинкты, делали его революционером. У нас же, порывая последние узы, удерживающие полудикую природу, вольтерьянская философия ничего не ставила на место старинных верований и традиционных нравственных обязанностей. Она вооружала русского всеми орудиями иронии и диалектики, годными для оправдания в его собственных глазах его рабского состояния по отношению к государю и его господского состояния по отношению к рабу. Неофиты цивилизации с жадностью бросались на чувственные удовольствия. Они очень хорошо поняли призыв к эпикуреизму, но

звук грандиозного набата, призывавшего людей к великому воскрешению, не доходил до их души...»[1]

Книги, которые читал русский дворянин-вольтерьянец, казалось бы, должны были поставить его во вражду с окружающим, в противоречие с самим собой. Так оно и было в отдельных случаях, но в массе русского дворянства екатерининский вольнодумец, по словам Ключевского, «не чувствовал никакого противоречия, любимые его идеи и книжки наполняли его голову, сообщали блеск его уму, даже потрясали его нервы, — никогда русский образованный человек не плакал так охотно от одних хороших слов, но и только. Идеи не переходили в дело, слова не становились фактами. Вольнодумец спокойно читал книгу о правах человека рядом с крепостной девичьей и, оставаясь искренним гуманистом, шел на конюшню расправляться с провинившимся крепостным слугой. Идеи и слова изменяли чувства, не действуя на порядок, смягчали ощущения не улучшая общественных нравов и отношений...»[2]

В нетронутой новыми веяниями глубине России все было так, как и сто лет назад. Там все еще процветали такие «монстры», как, например, та самая тульская помещица, о которой в первой половине XVIII века рассказывал некий майор Данилов. Эта помещица грамоте не училась, но каждый день, разогнув книгу, вслух наизусть читала акафист богородице. Она очень любила щи с бараниной, и пока кушала их, перед ней секли варившую их кухарку

---

[1] А. И. Герцен, О развитии революционных идей в России. Собр. соч., т. VI.

[2] В. О. Ключевский, Курс русской истории, ч. V, стр. 214—215.

не потому, что она дурно варила, а так, для аппетита...

А народ — народ, скованный цепями рабства, гнул спину, работая на своих угнетателей, не видя ничего, кроме беспросветного труда и нищеты. Вспыхивали «мужичьи бунты», подавляемые с неслыханной жестокостью, да в горьких песнях изливал народ тоскливую, а то и гневную жалобу на свою судьбу.

О горе нам, холопам, за господами жить!
И не знаем, как их свирепству служить!..
Пройди всю вселенну — нет такого житья мерзкого...

Так начинался сложенный безвестным крепостным поэтом знаменитый «Плач холопов».

И зачем они только нужны — ненавистные кровопийцы-господа?

Неужели мы не нашли б без господ себе хлеба?!
На что сотворены леса, на что и поле,
Когда отнята и та от нас, бедных, доля?

Грозная ненависть к «лихим татям» — господам — растет в сердцах рабов и пробуждает грозные мысли:

Власть их увеличилась, как в Неве вода;
Куда бы ты ни сунься, везде господа!
Ах! когда б нам, братцы, учинилась воля,
Мы б себе не взяли ни земли, ни поля,
Пошли б, братцы, в солдатскую службу
И сделали б между собою дружбу,
Всякую неправду стали б выводить
И злых господ корень переводить!..[1]

Неудивительно, что, очутившись в гнетущей обстановке крепостнической России, бюрократической чиновничьей службы, крепостного рабства, пылкий

[1] Цитируется по «Истории русской литературы XVIII века» проф. Д. Д. Благого.

и честный юноша Радищев прежде всего начал искать применения для своих чувств и мыслей, которые не только не глохли в нем, но разгорались все сильнее.

Немалым утешением была для него дружба с Алексеем Кутузовым. Вспоминая об этих годах совместной жизни, Кутузов впоследствии писал: «Нравы наши и характеры были довольно сходны, так что, взяв все сие вкупе, составило между нами довольно тесную дружбу...»

Кроме того, Радищев занялся литературной работой.

Уже в то время жило в нем высокое и благородное представление о долге писателя, которое впоследствии определило его жизненный путь.

Многие из советских исследователей утверждают, что «Отрывок путешествия в *** И *** Т***», помещенный в 1772 году в новиковском «Живописце», — первый опыт литературной работы Радищева, увидевший свет. Отрывок посвящен изображению тяжелой, беспросветной жизни крепостных крестьян, и каждое слово в нем проникнуто сочувствием к страданиям рабов из деревни «Разореной».

«Не пропускал я ни одного селения, чтобы не расспрашивать о причинах бедности крестьянской, и, слушая их ответы, к великому огорчению, всегда находил, что помещики их сами были тому виною. О человечество! тебя не знают в сих поселениях. О господство! ты тиранствуешь над подобными себе человеками. О блаженная добродетель и любовь, ты употребляешься во зло: глупые помещики сих бедных рабов изъявляют тебя более к лошадям и собакам, а не к человекам! С великим содро-

ганьем чувствительного сердца начинаю я описывать некоторые села, деревни и помещиков их. Удалитесь от меня ласкательство и пристрастие, низкие свойства подлых душ: истина пером моим руководствует!..»

Если допустить, что молодой Радищев впервые выступил в печати в «Живописце», а потом, — что уже является неоспоримым фактом,—в 1773 году, «иждивением» организованного Новиковым «Общества, старающегося о напечатании книг», был издан радищевский перевод книги Мабли, — это доказывает, что он стал близок с Новиковым, этим замечательным человеком того времени.

Николай Иванович Новиков был всего пятью годами старше Радищева. Уйдя в отставку с военной службы, он, начиная с 1769 года, когда ему было 25 лет, выступил с изданием лучших в то время сатирических журналов и сразу стал известным литератором и издателем.

«Отрывок путешествия в *** » был самым сильным и негодующим изображением крепостного рабства в русской литературе вплоть до выхода в свет в 1790 году книги Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

Н. А. Добролюбов, не зная об авторстве Радищева, писал: «Гораздо далее обличителей того времени ушел г. И. Т., которого «Отрывок из путешествия» напечатан в «Живописце»... В его описаниях слышится уже ясная мысль о том, что вообще крепостное право служит источником зол в народе».

Немалое возмущение вызвал «Отрывок» среди рабовладельцев-крепостников, увидевших в нем смелое нападение на дворянство в целом.

Новиков должен был выступить со специальным разъяснением, что «Отрывок» не ставил своей целью оскорблять «целый дворянский корпус», а критиковал только одного помещика.

Продолжая служить в Сенате, окруженный «согбенными разумами и душами», которые на каждом шагу встречались ему в сенатских канцеляриях, Радищев трудился над переводом книги аббата Мабли «Размышления о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков».

В период заигрывания с французской просветительной философией Екатериной было учреждено «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на российский язык».

Этому «Собранию» Екатерина положила выдавать из своей «шкатулки» ежегодно пять тысяч рублей.

И вот в 1773 году Радищев был привлечен к работе «Собрания»: начал переводить книгу Мабли.

Энгельс так определял значение Мабли: «*Современный социализм,* несмотря на то, что по существу он возник из осознания царивших в наблюдаемом им обществе классовых противоречий между собственниками и неимущими, между рабочими и эксплоататорами, — в своей теоретической форме является прежде всего дальнейшим и более последовательным продолжением основных принципов, выдвинутых великими французскими просветителями XVIII века, и его первые представители, Морелли и Мабли, недаром принадлежали к их числу» [1].

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XIV, стр. 357.

Мабли признавал коммунизм идеальным общественным строем. Коммунистическое общество представлялось ему в виде небольших общин земледельцев-воинов, суровых, добродетельных, мужественных, презирающих роскошь и излишества. Равенство граждан достигалось, по учению Мабли, ограничением потребностей, доведением их до одинакового минимума.

Мабли ненавидел деспотизм, осуждал собственность и верил, что коммунизм является не только идеалом, к которому должно стремиться человечество, но и естественным образом жизни людей.

В книге, которую переводил Радищев, Мабли, рассказывая героическую историю греческого народа, с особенным вниманием останавливался на стремлении греков к свободе и независимости, отмечая их «ревность ко своей вольности».

«Читая их (греков) историю, мы воспламеняемся; если в сердце своем имеем хотя малое зерно добродетели, то дух наш воздымается и хочет, кажется, исступить из тесных пределов, в коих нас удерживает повреждение нашего века...»

Работая над переводом Мабли, Радищев не только выполнял обязанности переводчика. Он открыто высказывал свои идеи, свои мысли, и уже в переводе Мабли сказались черты будущего Радищева-писателя — страстного, непримиримого врага самодержавия и крепостного рабства. Он снабдил перевод своими примечаниями, в которых ярко и убедительно проявилась сила и зрелость его убеждений.

Так, слово «despotisme» Радищев перевел словом «самодержавство» и дал такое истолкование переводу:

РАЗМЫШЛЕНІЯ
О ГРЕЧЕСКОЙ ИСТОРІИ
ИЛИ
О ПРИЧИНАХЪ БЛАГОДЕНСТВІЯ И НЕСЧАСТІЯ
ГРЕКОВЪ;

СОЧИНЕНІЕ Г. АББАТА ДЕ МАБЛИ.

Переведено съ Французскаго.

Иждивеніемъ Общества старающагося о напечатаніи книгъ. Продается въ луговой Миліонной улицѣ, у книгопродавца К. В. Миллера.

Цѣна 60 коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
при Императорской Академіи наукъ.
1773 года.

Титул к книге Мабли

«Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние...» И далее кратко и четко сформулировал право человека на возмущение против государя, нарушившего закон.

«Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества...»

Как видно, в этом молодом сенатском чиновнике накапливались могучие силы гнева и протеста, и его мировоззрение приобретало все более определенный, все более радикальный характер.

Таковы были его начальные шаги[1] на том нелегком пути, который много лет спустя приведет его к величайшим испытаниям и к вечной славе борца за счастье своего народа.

И с этих начальных своих шагов он сразу включился в то молодое и сильное движение русской передовой демократической мысли, которое уже явственно проявляло себя в 60 — 70-е годы XVIII столетия и которое с тех пор никогда не затухало, а росло и крепло, несмотря на гнет крепостнического государства.

В дальнейшем, как мы увидим, он продолжит, а потом и возглавит движение свободной русской мысли, постоянно черпая силы для движения вперед в потоке живой, созидательной жизни русского народа.

---

[1] В Лейпциге Радищев начал, но не завершил перевод брошюры Антона Гика, греко-албанского политического деятеля, ратовавшего за оказание поддержки Греции в борьбе за ее независимость. Кроме того, Радищевым была написана работа по истории Сената, впоследствии уничтоженная им самим.

Нет, не одни «согбенные разумы и души» увидел Радищев, вернувшись в Россию. Он нашел в ней немало людей, светлых умом, прямых и смелых душой, — людей, с которыми ему было по пути, у которых было чему учиться, чтобы потом и их повести за собой!..

Ранее было сказано о «брожении умов» в 50—60-е годы — в годы отрочества Радищева. В среде русского дворянства все отчетливее проявлялись настроения. оппозиционные деспотическому правлению Екатерины II. Эти настроения возникли и развивались среди наиболее передовой и культурной части дворян — среди дворянской интеллигенции, ненавидевшей варварский деспотизм «самодержавства» и понимавшей, что этот деспотизм в тупой и грубой косности своей препятствует движению России вперед.

В дворянской оппозиции отчетливо намечались два течения: аристократическое, осуждавшее практику правительства Екатерины, но отстаивавшее сохранение крепостного права, как незыблемой основы не только своего благосостояния, но и своего существования, и другое течение, ставящее своей целью ограничение деспотического самодержавия дворянской конституцией, смягчение крепостного права и приобщение России к буржуазному прогрессу.

Казалось бы. что по своей классовой принадлежности Радищев должен был примкнуть к одному из этих течений дворянской оппозиции. Но нет, он стал выразителем чаяний и надежд другого, антагонистического дворянству класса — порабощенного класса крестьян.

В те годы, когда молодой Радищев, вернувшись

из-за границы на родину, искал приложения своих сил, передовое движение русской общественной мысли не исчерпывалось, разумеется, одной только дворянской оппозицией правительству Екатерины.

Уже в 60-е и 70-е годы в крепостнической России было много образованных и демократически мыслящих людей, вышедших не только из передовой дворянской среды, но и из среды «третьего сословия» — среды русских разночинцев.

Все эти небогатые, нечиновные, иногда и «низкие» по своему происхождению труженики вели огромную созидательную работу, направленную к освобождению общественной мысли от оков феодального мировоззрения, к демократизации ее.

Именно эта среда с заложенными в ней могучими силами борьбы и созидания приняла молодого Радищева как своего, духовно обогатила его, направила и определила в дальнейшем формирование его революционного мировоззрения.

Именно в этой среде жили и получили дальнейшее развитие материалистические и демократические традиции Ломоносова — великого русского ученого, вышедшего из недр народа.

Ломоносов, как и Радищев, горячо верил в талантливость русского народа. Он был убежден в том, что плодоносные недра «российской земли» способны «рождать» своих собственных великих деятелей на почве самобытной культуры, «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов», собственных «российских Колумбов»...

И они уже народились, они уже были — российские Платоны и Невтоны. В одном потоке с передовыми, демократически мыслящими русскими

писателями и учеными двигался в борьбе за самоутверждение могучий, талантливый, благородный народ, рвавшийся из цепей рабства и неволи, сильный духом, создававший великие культурные ценности, которые навсегда вошли в сокровищницу человечества. Несмотря на гнет и мрак самодержавия и крепостного права, русский народ жил, трудился, боролся, созидал. И по своему свободолюбивому духу, по своему незатухающему творческому огню, по смелости полета своей мысли Радищев — плоть от плоти этой, извечно живой жизни народа.

Какие могучие силы, какие блистательные таланты породил русский народ!

В области театрального искусства блистал сын ярославского купца Федор Волков, создатель национального русского театра.

Дворовый человек князя Потемкина Хандошкин, композитор и музыкант, поражал знатоков изумительным мастерством виртуозной игры на скрипке, нисколько не уступая лучшим западным скрипачам своего времени. Выдающимися композиторами были сын солдата Евстигней Фомин и крепостной графа Ягужинского Михаил Матинский. Бортнянский положил начало развитию русской инструментальной музыки.

В числе замечательных созидателей русской народной культуры был и крепостной человек графа Шереметьева, Иван Аргунов, художник редкого, самобытного таланта, начавший свои занятия живописью с раскраски стен и потолков дворца своего господина. А Левицкий, Боровиковский, Рокотов? А художник Иван Ерменев, участник взятия Бастилии, создавший образы крестьян, нищих, слепцов с

такой беспощадной правдивостью, которая до некоторой степени напоминает перо Радищева?..

Сын бедного дьячка Василий Баженов, занимавшийся в Академии художеств в Петербурге и закончивший свое художественное образование во Франции и Италии, получил выгодные и лестные предложения от французского короля остаться за границей. Но он без колебаний возвратился в Россию и отдал все силы и огромный художественный талант своей родине.

Матвей Казаков, родившийся в семье бедного московского подьячего, прославил свою родину множеством монументальных построек, отличающихся поразительным совершенством, простотой и мягкостью архитектурных форм.

Сын гарнизонного солдата Иван Ползунов первый в мире изобрел паровую, «огневую», машину. Рядом с Ползуновым стоит другой замечательный русский изобретатель — сын нижегородского торговца Иван Кулибин, создатель гениальной конструкции одноарочного деревянного моста и ряда других изобретений.

Все эти и еще многие и многие другие талантливые, сильные духом русские люди жили, трудились, творили в одно время с Радищевым. Как и он, они думали не о мелкой личной корысти, но о высоком служении родине.

Еще в те годы, когда Радищев был студентом, в России развертывается деятельность таких представителей русской демократической мысли, как ученый, юрист А. Я. Поленов, как другой замечательный юрист, первый русский преподаватель права С. Е. Десницкий, как публицист и ученый Я. П. Козельский, как книгоиздатель и обществен-

ный деятель Н. И. Новиков, как великий русский драматург Денис Фонвизин.

В 1765 году в Петербурге было основано Вольно-экономическое общество, ставящее своей целью развитие и улучшение сельского хозяйства в России. Обществом был объявлен конкурс на лучшее сочинение на тему «Что полезнее для общества, — чтоб крестьянин имел в собственность землю или токмо движимое имение и сколь далеко его права на то или иное имение простираться должны?» Из числа семи русских сочинений, поступивших на конкурс, одно было отмечено конкурсной комиссией, но... напечатать его не разрешили как содержащее «над меру сильные выражения». Принадлежало это сочинение перу А. Я. Поленова, и называлось оно «О крепостном состоянии крестьян в России». Поленов довольно смело писал о тяжелом положении крестьян, доказывал, что крепостное рабство незаконно. «Ничто человека в большее уныние привести не может, как лишение соединенных с человечеством прав», — писал он. Указывая в своем труде, что государство всем своим благосостоянием обязано крепостному крестьянству, он говорил:

«Сколь много должны мы быть обязаны таким людям, которые, будучи всегда готовы на защищение отечества, проливают за него свою кровь, которые, избавляя протчих от тяжких трудов и беспокойствий, питают их изобильно, которые, не имея сами почти ничего, снабдевают других так щедро, которые во все время своей жизни, не видя сами себе никакой отрады, единственно упражняются в приумножении посторонней пользы: одним словом, наша жизнь, наша безопасность, все наши выгоды

состоят в их власти и неразрушимым союзом совокуплены с их состоянием. Но мы, ежели искренне признаться, позабыв все сии великие благодеяния, вместо почтения платим презрением, вместо благодарения воздаем обиды, вместо попечения ничего кроме разорения не видно...»[1]

С. Е. Десницкий в 1768 году опубликовал «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», в котором доказывал, что государственная власть сложилась исторически, а не была ниспослана богом. В своих последующих работах Десницкий пытается мыслить историко-социологически. Свое передовое мировоззрение он распространял среди русской учащейся молодежи, не одно поколение которой в той или иной степени восприняло прогрессивные идеи любимого молодежью профессора-разночинца. В екатерининскую комиссию по составлению «Нового уложения» Десницкий представил проект либерально-демократической конституции с парламентом из представителей разных сословий. Проект этот, как и все, что связано с работой комиссии, был предан забвению Екатериной.

Важнейшее из произведений Я. П. Козельского—«Философические предложения» — увидело свет в 1768 году. Но еще до этого им были опубликованы переводы книг «История Датская» Гольберга и «Государь и министр» Мозера.

Публицист и ученый, — в прошлом военный «артиллерии капитан» и депутат в комиссии по составлению нового уложения, — Козельский был одним из образованнейших людей своего времени. Он

---

[1] «Русский архив». М., 1866 г.

писал книги по математике, механике, анатомии, ботанике, философии, переводил исторические сочинения и другие книги. Он неутомимо боролся со схоластикой в науке и стремился к тому, чтобы наука служила жизни.

В предисловии и примечаниях к своему переводу книги Гольберга Козельский с большой силой и страстностью обрушивался на тиранство угнетателей народов — царей, презирающих интересы народа и стремящихся к славе ценой гибели и разорения множества людей. В предисловии к своему переводу книги Мозера Козельский нападает на придворных и вельмож за их роскошь, на лицемерие и ханжество церкви и решительно восстает против существующего положения, когда «одна часть народа едят, пьют, веселятся, а о труде не только не забогятся, но еще его и презирают; а другая часть народа работают, и работают без отдыху...»

«Ежели б за такую праздность,—пишет он дальше,—неумеренную роскошь и другие излишества и пороки наказываны были виноватые денежным штрафом, то бы через то доходы в областях могли довольно увеличиться праведным и законным образом; но жаль, что противное тому делается на свете и во многих областях собирают подать с людей за земледелие, художества и другие полезные дела...»

Книга Козельского «Философические предложения» — одно из самых замечательных явлений в русской публицистической литературе того времени по силе свободной критической мысли и по явно выраженному сочувствию демократии.

Козельский выступает в этой книге против самовластия, против социального неравенства и угне-

тения человека человеком. Он рисует утопическое общество, в котором все работают, причем он считает, что нормой труда для человека является восьмичасовой рабочий день.

«Надлежит знать, — пишет он, — что хотя я и советую иметь трудолюбие, но не чрезвычайное, которое может укоротить жизнь человека. Мне думается, что для труда человеку довольно восьми часов в сутки...»

Далее Козельский защищает в своей книге право угнетенных на восстание.

В Комиссии по составлению нового уложения он поддерживал предложение депутата козловского дворянства Григория Коробьина, предлагавшего ограничить крепостное право.

В 1768 году молодой Фонвизин читал в Петергофе, в присутствии Екатерины, своего «Бригадира».

В 1772 году Новиков возобновил журналистскую деятельность, начав выпускать журнал «Живописец».

Все это — явления одного порядка, свидетельства нарастающей силы русской демократической мысли, выдвинувшей Радищева в число своих передовых борцов.

* * *

В мае 1773 года Радищев получил 60 рублей в счет гонорара за свой перевод Мабли, изданный организованным Новиковым «Обществом, старающимся о напечатании книг».

В декабре того же года — остальные 45 рублей.

На расписке в получении этих денег он расписался уже как «обер-аудитор штаба его сиятельства графа Я. А. Брюса».

К этому времени он и Кутузов ушли из Сената, не выдержав, очевидно, близкого общения с «согбенными душами».

Радищев поступил на военно-судебную должность обер-аудитора (прокурора) в штаб генерал-аншефа (главнокомандующего) графа Я. А. Брюса.

Кутузов был зачислен капитаном в армию и уехал за Дунай, где отличился в корпусе князя Долгорукова в сражении при Карасу, окончившемся победой над турками.

С этого времени дороги друзей расходятся. Но на всю жизнь сохранят они память о своей юношеской дружбе. Кутузову посвятит Радищев свою «крамольную» книгу «Путешествие из Петербурга в Москву». Из ссылки, из сибирской глуши, Радищев воззовет в тоске одиночества к Кутузову: «Где ты, возлюбленный мой друг? Если верил когда, что я тебя люблю и любил, то подай мне о себе известие и верь, что письмо твое будет мне утешение...» И Кутузов откликнется на этот дружеский призыв: «Мужайся, сердечный мой друг... будь тем, чем быть нам всем долженствовало, — человеком...» Но тут же, говоря, что все на земле «мечта и сон», он призовет Радищева углубиться в себя — «истинное счастье находится внутри нас и зависит от нас самих...» Дороги их не сойдутся уже никогда...

В письме к своим друзьям, датированном ноябрем 1790 года[1] (в это время осужденный Радищев

---

[1] Письмо адресовано Е. И. Голенищевой-Кутузовой и известному масону И. В. Лопухину. Цитируется по журналу «Русская старина», IX. 1896 г.

ехал в Сибирь, к месту своей ссылки), Алексей Кутузов писал, что причиной его расхождения с другом, с которым он четырнадцать лет прожил в одной комнате, явилась женитьба последнего. «Жена его смотрела на меня другими глазами, дружба моя к ее мужу казалась ей неприятною, — а и того менее мое присутствие приносило ей удовольствие. Немудрено было мне приметить сие, равно как и неприятное положение моего друга; и для того, для сохранения их домашнего спокойствия и согласия, решился я расстаться с ним. Отъезд мой в армию подал мне пристойный к тому случай...»

Радищев женился в 1775 году. Уход его и Кутузова из Сената обычно датируется 1773 годом. Очевидно, Кутузов, пробыв года два в армии, вернулся в Петербург, нашел своего друга женатым и снова уехал в армию.

Женитьба Радищева была, конечно, внешним поводом расхождения друзей. В основе лежат более глубокие причины и прежде всего полное расхождение во взглядах.

До отъезда в армию Кутузов, так же как и Радищев, сблизился с Новиковым и его друзьями. Он становится масоном.

Недолгое время молодой Радищев также был масоном. Но в отличие от своего друга Кутузова он искал в масонстве не спасения от жизненных невзгод и тягот, а возможности активной общественной деятельности.

Следует отметить, что русское масонство не было однородным по своему составу, — в нем наблюдались различные течения, и в числе русских масонов были вольнодумцы, чуждые крайностей мисти-

цизма. К числу этих вольнодумцев примкнул и Радищев.

Но очень скоро Радищев убедился в том, что с масонами ему не по пути. Он понял, что их убогая евангельская проповедь любви к ближнему, нравственного самоусовершенствования страшно далека от жизни, от нужд и стремлений народа, глубоко реакционна в своей основе, — и он стал убежденным и последовательным противником масонов, повел упорную борьбу с их «бредоумствованием».

Впоследствии в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев вложит в уста семинариста-разночинца, врага схоластики, насмешливое и гневное осуждение масонства:

«Не дошли еще до последнего края беспрепятственного вольномыслия, но многие уже начинают обращаться к суеверию, — говорит семинарист о масонах. — Разверни новейшие таинственные творения, возомнишь быти во времена схоластики и словопрений, когда о речениях заботился разум человеческий, не мысля о том, был ли в речении смысл, когда задачею любомудрия почиталося и на решение исследователей истины отдавали вопрос, сколько на игольном острии может уместиться душ...»

Совсем иначе обстояло дело с Кутузовым.

С 1780 года Кутузов находится в Луганском полку под командованием будущего героя Отечественной войны 1812 года Михаила Илларионовича Кутузова и принимает участие в подавлении восстания крымских татар. Военная кочевая жизнь тяготит его. В письмах он жалуется, что ему наскучило «таскаться» по пустынным голым степям Екатеринославской и Таврической губерний. Он срав-

нивает себя с кораблем без кормила, который носится по морю «по изволению ветров».

«Я вижу различие, — пишет Кутузов в одном из своих писем, — между жизнью, истине и наукам посвященной, и между тою, которую проводят, скитаясь по степям, претерпевая жары, холода, голод, жажду и всякие беспокойства, — для чего? чтобы лишить жизни нескольких людей, никогда и никакого зла мне не сделавших, или самому от них быть убиту...»

Человек с мягкой, отзывчивой душой, он беззаветно любил друзей, огорчался их невнимательностью. Стремясь к самопознанию, он находил в себе «такие гнусности, о коих прежде и на ум не приходило», и мечтал «укротить страсти, уничтожить пороки» в себе самом. В письмах к друзьям он просит найти ему в Москве «келью», приготовить чернильницу с прибором: «видно, что пришло мне менять на их шпагу мою и лошадь».

В январе 1783 года Кутузов выходит в отставку и поселяется в Москве. Он делается членом новиковского «Дружеского ученого общества».

В московский период своей жизни он усиленно занимается переводами, и в этой работе полностью находят свое отражение его интересы и духовные запросы. Их окутывает мистический туман масонства, они далеки от жизни, от борьбы. Радищев переводил Мабли, Кутузов переводит «Химическую псалтирь» алхимика Парацельса, «Страшный суд и торжество веры» Э. Юнга. «Мессиаду» — мистическую поэму Клопштока[1], посвятив ее пере-

---

[1] Парацельс (1493—1541) — ученый, врач, занимавшийся алхимией; Э. Юнг (1683—1765) — английский поэт; Ф. Клопшток (1724—1803) — немецкий поэт.

вод Екатерине II с надписью: «всеподданнейший раб А. Кутузов».

В 1787 году Кутузов, по делам «розенкрейцеров»[1], был послан в Берлин, где и остался до конца своей жизни, всеми покинутый и забытый. Вернуться в Россию ему мешала боязнь: крамольное «Путешествие из Петербурга в Москву», как и «Житие Ушакова» были посвящены автором ему, Кутузову.

Жизнь сломила Кутузова, утушила в нем «юношеский заквас».

«Я ненавижу возмутительных граждан, — писал он в письме к масону Лопухину, — они суть враги отечества, следовательно и мои...»

Радищев не склонился под гнетом и несправедливостью окружавшей его жизни, — он избрал себе другую дорогу: для него братство, равенство и свобода людей, о которых говорили и масоны, были не отвлеченными категориями, уводившими от жизни и борьбы, а тем реальным благом жизни, за которое он боролся.

* * *

Сын Радищева — Николай — так рассказывает о годах службы своего отца в штабе графа Брюса:

«Служба сия была самая приятная эпоха в жизни Александра Николаевича. Быв любим своим начальником, он, посредством его, сделался вхож в лучшие петербургские общества; вкус его образовался, и он получил ловкость и приятность в обхож-

---

[1] «Розенкрейцеры» — члены тайного мистико-философского общества, имевшего эмблемой розу и крест.

дении. Хотя в то время молодые светские люди мало занимались русским языком, но Александр Николаевич не придерживался вредного сего отвращения; он с самой молодости любил свое отечество, а любя его, можно ли было пренебрегать языком своей родины? Первый наставник его в русском языке был Александр Васильевич Храповицкий, тогда еще гвардии офицер...» [1]

В семье начальника Радищев вскоре стал, что называется, «своим человеком». Он пользовался немалым успехом в «свете», вступил в члены аристократического Английского клуба, бывал в литературных кругах.

Да и что удивительного в том, что этот молодой человек пользовался успехом? Он был умен, образован, начитан, писал «нежные» стихи, играл на скрипке, был ловким танцором и искусным фехтовальщиком. По свидетельству своего старшего сына, Радищев в молодости был хорош собой.

На портрете работы неизвестного художника XVIII века (есть предположение, что его писал один из дворовых в бытность Радищева в крепости; с этого портрета гравировал Вендрамини и писал копию художник К. Гун) запечатлен исполненный жизни образ Радищева. Большие карие глаза, высокий чистый лоб, «соболиные» брови вразлет, гладкий пудреный парик, изящное жабо. Доброе, открытое лицо, полное благородства и глубокой мысли. Он словно прислушивается к чему-то, вот-вот сейчас заговорит, — и мы услышим простые и сильные слова правды и добра...

---

[1] Н. Радищев, А. Н. Радищев. В книге: «Русская поэзия». Под ред. С. А. Венгерова, т. I, Спб., 1897 г.

В эти годы Радищев стоял у начала того пути, следуя которым он действительно мог бы, по словам Пушкина, «достигнуть одной из первых ступеней государственных». Но снова «судьба готовила ему иное»...

* * *

Жизнь, которую в эти годы вел Радищев, не могла удовлетворить его. Для него, человека большого и отзывчивого сердца, жизнь означала прежде всего борьбу за свободу и счастье людей. Общее народное благо, благо родины он ставил выше личного благополучия и счастья. Деятельность, направленную к общей пользе, он считал обязательной для каждого честного гражданина. Он был убежден, что человек не может быть счастлив, как бы легко ему ни жилось, если его со всех сторон окружают несчастные.

Много лет спустя, в письме к начальнику Тайной канцелярии Шешковскому, Радищев писал, вспоминая об этом периоде своей жизни:

«До женитьбы моей я более упражнялся в чтении книг, до словесных наук касающихся; много также читал и книг церковных, следуя совету Ломоносова, ибо, имея малое знание в российском письме, я старался приобрести достаточные в оном сведения, дабы в состоянии быть управлять пером...»

В этих словах — прямое свидетельство того, что в годы «светских» успехов, когда молодой Радищев пользовался, казалось, всеми благами жизни, в нем происходила сложная внутренняя работа, сознательно направленная к тому, чтобы, научившись «управлять пером», служить родине.

То, что он видел кругом себя, могло только обострить и усилить его стремление служить родному народу.

...Еще не кончились торжества по случаю свадьбы цесаревича Павла, как в столице пронесся тревожный слух о появлении на далеком Яике Пугачева.

Вначале на пугачевское восстание смотрели, как на очередной бунт мужиков, с которым без труда расправятся местные воинские команды. Но вот восстание охватило площадь, на которой находилось до 20 процентов населения всей империи, да и силы мятежников были таковы, что дворянство растерялось. Особенную же тревогу вызывала мысль о том, что на сторону Пугачева может перейти «домашний враг», то-есть все крепостное крестьянство. Недаром помещик-крепостник А. Болотов писал в своих известных записках, что «вся чернь, а особливо все холопство и наши слуги, когда не въявь, так втайне, сердцами своими были злодею сему преданы, и в сердцах своих вообще все бунтовали...» Организовав отряд для борьбы с Пугачевым, Болотов слышал, как один из крестьян, участников этого отряда, говорил: «Стал бы я бить свою братию?.. а разве вас, бояр, так готов буду десятерых посадить на копье сие!»[1] В новом свете вспоминались теперь и восстания крестьян до Пугачева, и казацкое движение, и «чумной» бунт в Москве.

В начале октября 1773 года Пугачев появился

[1] «Жизнь и приключения Андрея Болотова», т. 3, «Academia»; 1931 г.

Емельян Пугачев. Портрет маслом, написанный на портрете Екатерины II.

под Оренбургом и начал осаду города, длившуюся около шести месяцев.

Все население поволжских степей пришло в движение. Казахи, калмыки, отряды башкир, татар и черемисов стали вливаться в армию Пугачева. Восстание быстро распространялось среди горнозаводских рабочих и крепостных крестьян. Каждый день к Пугачеву приходили толпы крестьян из ближайших помещичьих имений и рабочие горных заводов.

От имени императора Петра III Пугачев выпускал «манифесты», в которых обещал отдать народу пахотные земли, леса, покосы, воды, рыбные ловли, соляные источники и другие угодья. Крестьян он обещал освободить от рабства и возвратить им вольность. Дворян называл злодеями и приказывал их убивать.

В манифесте Пугачева от 31 июля 1774 года говорилось:

«Жалуем сим имянным указом... всех, находившихся прежде в крестьянстве и в подданстве помещиков... вольностью и свободою... не требуя рекрутских наборов, подушных и протчих денежных податей, владением землями, лесными, сенокосными угодьями, и рыбными ловлями, и соляными озерами без покупки и без аброку и свобождаем всех прежде чинимых от злодеев дворян и градцких мздоимцев-судей крестьяном и всему народу налагаемых податей и отягщениев. И желаем вам спасения душ и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев-дворян странствие и немалые бедствии... Кои прежде были дворяне в своих поместьях и водчинах, оных противников нашей власти... и раззорителей крестьян ло-

вить, казнить и вешать и поступать равным образом так, как они, не имея в себе христианства, чинили с вами, крестьянами...»[1]

Когда в конце 1773 года Пугачев разгромил правительственный отряд под командой генерала Кара, дворянство охватила паника. Даже в местах, удаленных на сотни верст от Поволжья, помещики в страхе ожидали появления «Пугача».

В июле 1774 года Пугачев появился под Казанью. На помощь Казани был направлен отряд царских войск под командованием полковника Михельсона. В окрестностях Казани Пугачев был разбит и с небольшим отрядом ушел на правый берег Волги откуда он направился в южные степи. Появление Пугачева в густо населенных районах с большим числом помещичьих хозяйств вызвало новый приток к нему крепостных крестьян. Все Поволжье на юг от Нижнего Новгорода в короткое время было охвачено восстанием. Города сдавались без сопротивления, крестьяне приводили к Пугачеву связанных помещиков. Но царские отряды шли за Пугачевым по пятам, и, когда он, пройдя через Пензу, Саратов и Камышин, подошел к Царицыну, здесь нагнал его Михельсон и нанес окончательное поражение. Пугачев с несколькими десятками казаков переправился через Волгу и ушел в степь.

Вскоре казачьи старшины изменили своему атаману: выдали его царским властям. Пугачева, закованного в ручные и ножные кандалы, привезли в Москву в деревянной клетке.

---

[1] «Восстание Емельяна Пугачева». Сб. документов. Соцэкгиз, 1935 г.

Так закончилась грозная «крестьянская война», в течение двух лет потрясавшая помещичье-дворянскую империю Екатерины.

Они, эти грозные и величественные события, происходили в то время, когда Радищев уже задумал написать свое «Путешествие из Петербурга в Москву». М. И. Калинин в статье «О моральном облике нашего народа» говорит о прямом воздействии пугачевского восстания на формирование революционного мировоззрения Радищева:

«Восстания Степана Разина, Емельяна Пугачёва заставляли задумываться наиболее просвещённые умы дворянского класса, побуждали их к критической оценке положения крестьянства и произвола помещиков... Наиболее яркий представитель этой литературы — Радищев — в своей книге «Путешествие из Петербурга в Москву» подверг уничтожающей критике крепостное право... Радищев негодующе клеймил крепостничество, как жестокость, оправдывал законность любых действий крестьян, отстаивавших своё право на звание человека...»[1]

Там, в поволжских степях, народ, разбив оковы свои, обрушил гнев и мщение на головы ненавистных поработителей. В том, что крепостные рабы, «прельщенные грубым самозванцем, текут ему вслед и ничего толико не желают, как освободиться от своих властителей», как писал впоследствии Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву», он видел проявление исторической необходимости, видел естественный итог угнетения народа.

С поразительной силой, с неотразимой революционной страстностью восславит он в своей бес-

---

[1] М. И. Калинин, О моральном облике нашего народа, стр. 6. Госполитиздат. 1947 г.

смертной книге народное восстание. И недаром Екатерина II, прочитав его книгу и увидев в ней открытое выражение идей крестьянского восстания, скажет, что он «хуже Пугачева».

«Крестьянская война» захватила и его родные места. Как укладывал он в своем сознании столь противоречивые чувства: сочувствие к восставшим крестьянам и естественную боязнь за жизнь своей семьи? Мучительное противоречие: по своему положению он был в лагере врагов Пугачева, по своим идейным стремлениям он был на стороне восставших.

С нетерпением ожидал Радищев вестей из Верхнего Аблязова, и велика была его радость, когда он узнал, что все его родные живы. И не только живы! Крестьяне не выдали пугачевцам его отца, скрывавшегося в лесу. А деревенские бабы прятали его маленьких братьев и сестер по избам и, чтобы придать барчукам вид крестьянских ребятишек, марали их лица сажей...

В потоках народной крови потопила Екатерина «крестьянскую войну».

10 января 1775 года в Москве, на Болотной площади, был казнен Емельян Иванович Пугачев.

И с этого года игра Екатерины в свободу, дружба ее с «просветителями», приукрашивание возвышенными идеями порядка, основанного на крепостном праве, были решительно отброшены ею. Из-за улыбающейся маски «философа на троне» показалось ее настоящее лицо. Воцарился откровенный, грубый деспотизм.

Первое после императрицы место в государстве занял ее фаворит, «светлейший» князь Григорий

Потемкин, считавший крепостное право непоколебимым устоем монаршей власти.

Пугачевское восстание понудило многих дворян-оппозиционеров изменить свое отношение к «самовластию». Напуганные «крестьянской войной», они увидели в самодержавии незыблемый оплот крепостничества.

Казнь Пугачева была своеобразным праздником для дворян, съехавшихся в Москву из губерний, еще недавно охваченных восстанием. А немного позже, через две недели, они имели возможность любоваться торжественным выездом императрицы, прибывшей в Москву со своим двором, чтобы отпраздновать годовщину Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией.

Екатерина пробыла в Москве до 20 декабря, посещая соседние монастыри, города и богатые усадьбы. Так дворянство справляло кровавую тризну на трупах казненных и замученных крестьян.

В это время Радищев тоже был в Москве.

В 1775 году он вышел в отставку с чином секунд-майора и женился на молоденькой племяннице Александра Рубановского, своего товарища по лейпцигскому университету, Анне Васильевне Рубановской.

С семьей своего брата, «дворцовой канцелярии бригадира» Василия Кирилловича Рубановского, Александр Рубановский познакомил Радищева вскоре после возвращения из Лейпцига. Радищев полюбил старшую дочь бригадира Анну, миловидную девушку с тонким худощавым лицом и веселым взглядом больших прекрасных глаз.

Не ей ли посвящена «Песня», написанная

А. В. Радищева, жена А. Н. Радищева.

Радищевым в традиционном плане жеманной любовной лирики XVIII века?

Ужасный в сердце ад,
Любовь меня терзает;
Твой взгляд
Для сердца лютый яд,
Веселье исчезает,
Надежда погасает...
Твой взгляд,
Ах, лютый яд...

Он стал частым гостем в доме Рубановских. Анна Васильевна вскоре ответила взаимностью на его чувство, но ее родители, желавшие повыгоднее устроить судьбу дочери, не сразу согласились выдать ее за Радищева.

Получив, наконец, их согласие, Радищев съездил в Аблязово испросить благословения своих родителей.

Путь его лежал по тем местам, по которым только что пронеслась буря «крестьянской войны», где были свежи воспоминания о Пугачеве, пугачевцах и о свирепой расправе с крестьянами.

Свадьбу отпраздновали в Москве.

После смерти своего тестя, Василия Кирилловича Рубановского, Радищев с молодой женой и тещей поселился в Петербурге, в доме Рубановских на Грязной улице[1]. Сестры Анны Васильевны, Елизавета и Дарья, обучались тогда в институте для благородных девиц — в Смольном — и дома не жили. Но вскоре, когда они окончили институт и вернулись домой, когда у Радищева появились дети, всем вместе жить стало тесно.

Рубановские имели еще один каменный двух-

---

[1] Теперь улица Марата.

этажный дом на Миллионной улице, — можно было бы переехать в него. Но большая и дружная семья, повидимому, не хотела разлучаться. К тому же Грязная улица, не оправдывая свое название, была хорошим уголком. На ней было много садов, огородов, а двор Рубановских был одним из самых обширных и богатых зеленью.

Во дворе был большой запущенный сад с прудом. В саду множество старых фруктовых деревьев, кустов роз, много клубники.

Впоследствии, в 80-е годы, Радищев построил на этом дворе каменный дом для своей семьи.

В этом доме Радищев написал оду «Вольность», написал и отпечатал в домашней типографии знаменитую книгу «Путешествие из Петербурга в Москву».

Радищев много читал, занимался науками: правом, медициной, увлекался химией. По словам его сына, «химия была одно время его любимым упражнением, в доме его химическая печь была всегда в деле. У него гнали водку, спирт, купоросное масло, гофманские капли, всякого рода духи, воду земляничную и черемушную...» [1]

Но значит ли все это, что Радищев замкнулся в узком мирке семейных радостей и только им ограничивал круг своих интересов?

Он был молод, полон сил и лучших стремлений. Он вышел в отставку, понимая, что ни гражданская, ни военная служба не дадут ему возможности в полную меру сил работать на благо народа.

«О вы, управляющие умами и волею наро-

---

[1] Н. А. Радищев, А. Н. Радищев. «Русский вестник», XII, кн. 1-я, 1858 г.

дов властители! — писал Радищев в «Житии Ушакова». — Как часто вы бываете близоруки, утушая заквас, воздымающий сердце юности».

Этот «заквас» не был утушен в нем сгущавшимся мраком деспотизма, свирепого крепостничества. Радищев хотел бороться с этим мраком. У него было единственное оружие, с помощью которого он мог отстаивать свои мысли, свои идеи: перо писателя. И эти тихие годы жизни в стороне от «света» были для него годами созревания. Но должны будут пройти еще годы и годы, прежде чем его голос будет услышан...

* * *

В 1777 году Радищев снова поступил на службу, в так называемую «коммерц-коллегию» — правительственное учреждение, основанное Петром I «для покровительства торговле».

Повидимому, он остановил свой выбор на коммерц-коллегии потому, что работа в ней отвечала его постоянному интересу к вопросам экономики.

Президент коммерц-коллегии граф Александр Романович Воронцов, человек деловой, властный, с «кремнёвым» характером, не слишком охотно принял Радищева на службу, ошибочно предполагая, что имеет дело с легкомысленным и пустым «петиметром»[1], ищущим местечко поприбыльнее и потеплее.

В коммерц-коллегии Радищеву в скором времени довелось подвергнуть нелегкому испытанию свои нравственные качества — честность и стойкость убеждений.

---

[1] Петиметр — щеголь, франт.

А. Р. Воронцов

Несколько браковщиков пеньки обвинялись в упущении по должности. Все члены коллегии и сам президент считали их виновными.

Радищев, младший член коллегии, внимательно разобрал их дело и нашел, что браковщиков осудили несправедливо. Он отказался присоединиться к общему приговору. Напрасно его убеждали не перечить президенту. Радищев отвечал, что скорее откажется от службы, чем от своего справедливого мнения.

Воронцов, узнав об этом, разгневался. Он думал, что Радищев получил взятку от браковщиков. Он вызвал Радищева, долго беседовал с ним и был поражен его нравственной стойкостью.

Браковщиков оправдали. Радищев с тех пор нашел в Воронцове друга и покровителя.

Воронцов занимает немаловажное место в жизни Радищева.

Граф Александр Романович при всей твердости своего характера отличался осторожностью в поступках и выражениях — качеством, приобретенным в результате долгой жизни в тогдашнем Петербурге, при дворе. Настроен он был весьма оппозиционно.

Воронцов был также одним из образованнейших людей своего времени. Он живо интересовался наукой и литературой. Вероятно, именно это, а также его отрицательное отношение к потемкинской диктатуре сближало его с Радищевым.

В 1780 году Воронцов писал в письме своему отцу, который должен был во время поездки в имение увидеться с отцом Радищева:

«Я очень люблю сына его, который при мне два года был в Коммерц-коллегии, а теперь помещен

в таможню к коллежскому советнику Далю. Я его государыне рекомендовал так, как наиприлежнейшего человека и который со временем может полезным быть в службе; сверх того, скромностью и честностью поведения Николай Афанасьевич может радоваться сему сыну...»

Этот видный екатерининский вельможа, сделавший впоследствии все, что было в его силах, чтобы облегчить участь осужденного Радищева, зная, что его обвинят в сообщничестве «бунтовщику», и предпочитающий выйти в отставку, но не ослабить помощь изгнаннику, представляет собой исключительное явление на фоне морального разложения и беспринципности придворной знати. Недаром Радищев называл Воронцова «душесильным».

В коммерц-коллегии Радищев работал с полным сознанием своего долга перед родиной: этого требовало его представление о патриотизме.

Позднее он писал Шешковскому:

«Когда я определен был в Коммерц-коллегию, то за долг мой почел приобресть знания, до торговой части вообще касающиеся, и для того, сверх обыкновенного упражнения в делах, я читал книги, до коммерции касающиеся, возобновил паки чтения по всей истории и старался приобрести сведения в Российском законоположении, до торгу вообще относящиеся...»

По словам своего сына, Радищев, «приняв должность, принял и твердое намерение отправлять ее сколько можно лучше».

В течение года он изучал журналы и определения коммерц-коллегии, «чтобы вникнуть в существо и образ течения дел ея».

Хорошо познакомившись с делами коммерц-кол-

легии, он «начал показывать непреклонную твердость характера в защите правых дел».

С образованием Санкт-Петербургской губернии таможни были отданы в ведение советника таможенных дел.

На эту должность был назначен действительный статский советник Даль, — по словам сына Радищева, «человек умный, ученый, сведущий в порученной ему должности, но старый и совершенно не знавший русского языка».

В помощники ему был определен Радищев в звании советника казенной палаты.

«Господин Даль, — рассказывает сын Радищева, Николай, — узнав его, полюбил, как сына. Они вместе устроили С.-Петербургскую таможню, и, наконец, когда здоровье Даля стало ослабевать, он совершенно предоставил всю власть свою Александру Николаевичу, а сам по одному разу в месяц по делам таможенным докладывал императрице... Александр Николаевич, вступая в управление С.-Петербургской таможни и всех таможен сей губернии, исключая ученого латинского языка, знал совершенно немецкий и французский, на коих как в разговорах, так и в письме объяснялся правильно, с легкостью и приятностью. Но в новом звании своем увидел, что как главная торговля России производится с Англией, то незнание английского языка может подвергнуть его неприятности быть некоторым образом в зависимости от своего переводчика, и потому, несмотря на многотрудные свои по должности занятия, а особливо в летнее время, когда приходят иностранные купеческие корабли, начал учиться по-английски, имея уже более тридцати лет отроду. Через год переводчик был ему не нужен...

Употребление английского языка по делам внушило Александру Николаевичу любопытство узнать английскую словесность, и он в свободные часы занимался ею, наконец, сей язык сделался ему так же знаком, как немецкий и французский...»

В это время Екатерина учредила комиссию для составления нового тарифа «как для привозных, так и для отпускных товаров». Председателем комиссии назначен был граф Воронцов, а в числе ее членов состоял Даль. Радищев работал в комиссии вместе с Далем и по окончании работы получил в награду бриллиантовый перстень.

Когда старик Даль, «удрученный летами и болезнями», вышел в отставку, Радищев был определен на его место.

В сатирическом журнале «Трутень» (1772) Н. И. Новиков, высмеивая низкопоклонство русского дворянства перед заграницей, так охарактеризовал состояние внешней торговли своего времени:

«В Кронштадт прибыли французские корабли. На них следующие нужные нам привезены товары: шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, бумажные, сургучные; кружевы, блонды, бахромки, манжеты, ленты, чулки, пряшки, шляпы, запанки, и всякие так называемые галантерейные вещи; перья голландские в пучках, чиненые и нечиненые; булавки разных сортов и прочие медные мелочные товары; а из Петербургского порта на те корабли грузить будут разные домашние наши безделицы, как то: пеньку, железо, юфть[1], сало, свечи,

---

[1] **Юфть** — выделанная бычья кожа.

полотны и проч. Многие наши молодые дворяне смеются глупости господ французов, что они ездят так далеко и меняют модные свои товары на наши безделицы...»

Такие люди, как Радищев, — люди просвещенные, бескорыстные, истинные патриоты своей родины, — могли сделать очень многое в деле развития русской внешней торговли, в правильной организации русского экспорта и импорта.

Письма Радищева к графу Воронцову за время службы в таможне — поучительный пример строгой и неусыпной хозяйственной заботливости к выполняемой работе. Этот «светский», образованный человек, поэт и мыслитель весьма обстоятельно сообщает о ценах на пеньку и сало, о прибытии иностранных судов, о пожаре в казенных магазинах, о жульнических проделках английских купцов, направленных к тому, чтобы обмануть бдительность таможенных служащих и контрабандой провезти товары.

Он сам разоблачил хитрость какого-то аптекаря, который под видом «смертоносных зелий» попытался провезти ящик с шелковыми кружевами-«блондами». Также были им пойманы с поличным английские купцы, пытавшиеся мошеннически обмануть таможенных, объявив низкую цену на «ценовные» товары.

«Американских кораблей нынешний год очень мало, — пишет Радищев в письме от 1 июля 1785 года. — Доселе здесь только один, приехавший из Лондона. Желательно, чтобы они ездить к нам не наскучили. Но корреспондент их здесь человек не весьма надежный. Г. Грамп много думает о теат-

ральных девках и, играя в карты, считает тысячами...»

Работа Радищева по укреплению контроля над внешней торговлей и тем самым по соблюдению интересов России получила свое отражение в одном из его рапортов на имя Воронцова (3 августа 1786 г.) о выполнении ответственного поручения.

Незадолго перед тем в Кронштадтский порт прибыла эскадра французского королевского флота в составе шести кораблей для закупки провианта. Командиры кораблей, очевидно не без оснований, старались всячески уклониться от выполнения таможенных правил и прежде всего от осмотра привезенных ими грузов. Должно быть, в трюмах военных кораблей было немало блонд, табакерок, шляп, чулок и прочего контрабандного добра. Тогда французам не разрешили грузить на корабли русские товары. Они подали жалобу французскому послу, тот пожаловался Екатерине II. Вот тогда-то для расследования всего этого дела на месте и был послан в Кронштадт Радищев. В своем рапорте он подробно изложил обстоятельства дела и свое мнение по нему. Жалобу французов он расценил как домогательство под прикрытием королевского флага «изъять себя из постановленных для всех приходящих и отходящих российских и иностранных судов общих правил». Он считал, что эти военные корабли, прибывшие в порт с коммерческой целью, должны быть приравнены в правах к купеческим кораблям. Он пригрозил командиру эскадры, маркизу де ла Галисониеру, произвести «чрезвычайный досмотр» судов, после чего тот сразу согласился выполнить все требуемые формальности.

Направляя рапорт Радищева графу Безбородко,

Воронцов написал: «Вы, я надеюсь, найдете, что г. Радищев с расторопностью исполнил ему препорученное...»[1]

Поистине редкостную фигуру представлял собою этот скромный и деловитый чиновник, с негодованием и презрением отвергавший все возможности легкого обогащения за счет государственной казны.

По свидетельству сына Радищева, «все современники отдали Александру Николаевичу справедливость в том, что он совершенно был чужд корыстолюбия. Начальствуя таможнями С.-Петербургской губернии, он мог нажить миллионы, но он не нажил ничего и оставил детям своим небольшое родительское наследство и честное имя...»

Это было столь удивительно, что в честность и бескорыстие Радищева даже плохо верили. Рассказывают, что когда отец прислал ему в подарок четверку прекрасных лошадей собственного конского завода, некая «знатная дама», увидев его выезд, тотчас сделала заключение: «Вот, Радищев не успел попасть в директоры таможни, как сейчас же явилась и новая четверка лошадей!»

Был и такой случай. Один из купцов попался на том, что хотел контрабандой провезти парчу и другие драгоценные материи. Он попытался подкупить Радищева — дать ему пакет с ассигнациями. Купца вытолкали из кабинета Радищева. Тогда жена незадачливого купца приехала к Анне Васильевне — положить по обычаю под подушку золотую монету «на зубок» новорожденному младенцу. После ее ухода в комнате обнаружили кулек с парчой

---

[1] Цитируется по книге Е. Приказчиковой «Экономические взгляды А. Н. Радищева». Изд. Академии наук, 1947 г.

и дорогими материями. Радищев тотчас приказал слуге сесть верхом на коня, догнать купчиху и вернуть ей кулек, что и было исполнено.

Впрочем, купец добился протекции через всесильного Потемкина, и дело его было каким-то образом улажено.

Так вел себя Радищев в те времена, когда открытый и бесстыдный грабеж государственной казны был распространенным явлением.

«Екатерина знала плутни и грабежи своих любовников, но молчала, — говорит Пушкин в своих «Заметках по русской истории XVIII в.».—Ободренные таковою слабостию, они не знали меры своему корыстолюбию, и самые отдаленные родственники временщика с жадностию пользовались кратким его царствованием. Отселе произошли сии огромные имения вовсе неизвестных фамилий и совершенное отсутствие чести и честности в высшем классе народа. От канцлера до последнего протоколиста все крало и все было продажно. Таким образом, развратная государыня развратила и свое государство...»

Одни фавориты Екатерины стоили стране более полумиллиарда рублей.

Фаворит Екатерины П. В. Завадовский, пробывший всего два года в «чертогах, где толико был счастлив», получил 6 тысяч душ на Украине, 2 тысячи в Польше, 1 800 — в русских губерниях, 80 тысяч рублей драгоценностями, 150 тысяч деньгами, 30 тысяч рублей посудой и пенсию в 10 тысяч.

Фавориты, сменившиеся после Завадовского, получили в общей сложности до 15 миллионов рублей, не считая «тайных» даров и участия под чу-

жим именем в выгодных предприятиях: в откупах, поставках, подрядах.

Втрое, больше чем все они (до 50 миллионов рублей), получил один Потемкин.

О поразительном случае грабежа рассказывает Болотов:

«Всем известно, что во время обладавшего всем князя Потемкина за несколько лет назад был у нас один рекрутский набор с женами рекрутскими и что весь он был как им, так креатурами и любимцами его разворован; и женатые сии рекруты, вместо поселения в Крыму, поселены в деревнях княжеских и других господ, тогда великую власть имевших...» [1]

Со временем Радищев получил чин коллежского советника и вскоре затем недавно учрежденный орден Владимира 4-й степени.

Екатерина сама раздавала ордена. Новопожалованные кавалеры при получении ордена опускались перед ней на колени. Ритуал церемонии не требовал этого, — таков был установившийся обычай, обусловленный навыками придворного низкопоклонства.

Радищев осмелился нарушить этот обычай: он не преклонил колена перед императрицей, получая от нее крест. Этот поступок не мог остаться незамеченным...

* * *

Несмотря на свою занятость служебными делами в таможне, Радищев в эти годы сделал еще один шаг по избранному им пути: занялся активной

---

[1] А. Болотов, Памятник протекших времян. М., 1875 г.

общественной деятельностью. Он стал членом «Общества друзей словесных наук», образовавшегося в Петербурге в середине 80-х годов, и принял участие в журнале общества «Беседующий гражданин».

Во главе «Общества друзей словесных наук» стояла молодежь, в недавнем прошлом студенты Московского университета, служившие после его окончания в Петербурге. В числе этой молодежи были небогатые дворяне и та категория людей, которые уже в те времена назывались «разночинцами». Кроме того, в «Обществе» было немало молодых флотских офицеров и офицеров гвардейских полков.

«Общество друзей словесных наук» было организовано молодыми последователями масонов, но цели его были не масонские, а скорее общелитературные, философские и моральные [1].

Название журнала «Общества» — «Беседующий гражданин» — указывает также и на широкие общественные интересы этой молодежи. Слово «гражданин» по тем временам звучало не совсем благонадежно в политическом смысле. Недаром позднее Павлом I это слово вместе с другими «крамольными» словами было запрещено.

Направление журнала «Беседующий гражданин» так определялось в «предуведомлении к читателям»: «разливать чувствования любви к гражданским добродетелям».

---

[1] См. об этом статью В. П. Семенникова «Литературно-общественный круг Радищева». В сборнике: «Радищев. Материалы и исследования». М.—Л., изд. Академии наук, 1936 г.

Это была благодатная среда для пропаганды вольнолюбивых идей, и деятельность Радищева в «Обществе друзей словесных наук» была в основном направлена к борьбе с мистическими настроениями учеников московских масонов.

Он пользовался в «Обществе» особым авторитетом как в силу своей разносторонней образованности и положения в «свете», так и по своему возрасту: он был старше большинства членов «Общества».

Несомненно, Радищев вступил в «Общество», стремясь к созданию группы единомышленников из числа передовой молодежи. Он хотел вывести ее из тумана масонства, указать ей правильный путь.

Это было его первой попыткой выступить в роли агитатора и пропагандиста в среде молодежи, жадно тянущейся к правде и справедливости, но еще не нашедшей к ним правильных и открытых путей. Следующим его шагом в этом направлении будет его бессмертная книга.

Один из биографов Радищева, Гельбиг, пишет о нем:

«Он говорил очень мало и редко прежде, чем его спросят. Но когда имел повод, он говорил хорошо и всегда поучительно. Впрочем, он всегда сосредоточен и имел вид человека, не обращающего внимания на то, что происходит вокруг него, и занятого предметом, который он обдумывает...» [1]

В нем рос, формировался в те годы не только писатель и мыслитель, но и революционер. Он сознательно стремился к практической общественной

---

[1] Г. Гельбиг, Русские избранники. Спб., 1900 г.

Д. И. Фонвизин.

деятельности, отчетливо сознавая, что без практической работы, без создания круга единомышленников и последователей его деятельность будет обречена на неудачу.

Немалое влияние оказывал Радищев и на кружок известного пропагандиста и переводчика Вольтера, издателя сатирических журналов вольнодумца И. Г. Рахманинова, с которым был близко связан молодой И. А. Крылов.

* * *

В 1783 году Радищева постигло большое горе: умерла Анна Васильевна. Он очень любил жену, родившую ему четырех детей, и тяжело переживал потерю.

Свои чувства он выразил в «Эпитафии» на смерть жены, в которой говорил, что если человеческим душам действительно предстоит встретиться за гробом, то он ждет смерти, «как брачна дня». Если же это не так, то он умоляет покойницу явиться ему «хотя в мечте».

Эпитафию не разрешили поместить на надгробном памятнике, так как в ней Радищев выражал сомнение в учении церкви о бессмертии души. Радищев приказал выбить эпитафию на камне, установленном в глухом зеленом уголке своего сада.

«Смерть жены моей погрузила меня в печаль и уныние и на время отвлекла разум мой от всякого упражнения», — писал впоследствии Радищев.

В кругу своей осиротевшей семьи и посещавших его друзей искал он утешения.

В доме у него бывал Фонвизин, с которым он был связан отдаленным родством (сестра Фонви-

зина была замужем за родственником Радищева В. А. Аргамаковым), бывали Новиков, Кутузов, ставший к этому времени одним из видных деятелей масонства, Челищев, один из товарищей Радищева по Лейпцигу, скромный, незаметный человек, рано ушедший в отставку, по духу во многом близкий Радищеву.

Но не таков был Радищев, чтобы надолго замкнуться в своем горе. Его деятельная, энергическая натура не терпела никакого застоя.

Чем шире становился кругозор Радищева, чем пристальнее вглядывался он в окружающую его жизнь, тем тверже, определеннее становились его убеждения: для того чтобы освободить страждущих людей от бедствий и страданий, чтобы они могли жить «разумно» и «сообразно своей природе», надо было изменить существующий общественный порядок, — надо было прежде всего уничтожить крепостничество.

Ни служба, ни семейное счастье или горе не могли настолько заполнить жизнь Радищева, чтобы он отказался от своего намерения бороться за благо родины, за свободу народа пером писателя.

Начиная с 1780 года, он не выпускает это свое оружие из рук до самой смерти. С какой-то особой рыцарской совестливостью и благородством смотрел он на свой писательский долг. Последовательно и упорно проводил он свободолюбивые идеи в каждом из своих произведений, что свидетельствовало прежде всего о силе и ясности его убеждений.

Стоит только проследить шаг за шагом весь его литературный путь до написания знаменитого

«Путешествия», чтобы увидеть, как растет и крепнет его революционное самосознание, расширяется круг его революционных идей, с какой удивительной последовательностью и целеустремленностью идет он по трудному и опасному пути революционера-пропагандиста. Долгое время он держит написанное под спудом, с тем чтобы впоследствии сразу, в течение двух лет, выступить ярко и смело, произведя великое смятение и даже страх в помещичье-дворянском обществе.

Примерно в 1781 году Радищев начинает писать оду «Вольность».

В этой оде его революционные идеи получают сильное и яркое звучание. Пожалуй, во всей русской литературе не много есть других поэтических произведений, в которых с такой силой и смелостью прославлялась бы свобода — «Вольность, дар бесценный».

Исполненная яростной ненавистью к угнетению, открыто призывая к восстанию и борьбе, ода «Вольность» является самым ранним произведением революционной поэзии в России.

Изображая гнет царской власти, Радищев прославляет в оде Кромвеля — одного из крупнейших вождей английской революции XVII столетия, казнившего английского короля Карла I и научившего тем самым «народы мстить за себя».

Неудивительно, что Екатерина называла эти строки оды, включенные Радищевым в «Путешествие из Петербурга в Москву», «криминального намерения, совершенно бунтовскими...»

В оде «Вольность» есть поистине замечательное пророчество о грядущей русской революции, в при-

ход которой Радищев свято верил и которую он подготавливал всей своей жизнью и деятельностью.

...Возникнет рать повсюду бранна,
Надежда всех вооружит;
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд уж всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает;
В различных видах смерть летает,
Над гордою главой паря.
Ликуйте, склепанны народы:
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя...

Не менее замечательно в оде предвидение разрушения монархической России и возникновения новой России, как содружества и братства населяющих ее народов — «малых светил».

Из недр развалины огромной,
Среди огней, кровавых рек,
Средь глада, зверства, язвы темной,
Что лютый дух властей возжег, —
Возникнут малые светила;
Незыблемы свои кормила
Украсят дружества венцом...

Так под пером Радищева классическая ода становится произведением «совершенно бунтовским» — настоящей революционной прокламацией, бичующей царское самодержавие, призывающей народ к вооруженному восстанию.

Ода «Вольность» не была напечатана полностью при жизни Радищева. Отрывки из нее он включил в главу «Тверь» своего «Путешествия из Петербурга в Москву».

Только в 1906 году, после буржуазно-демокра-

тической революции 1905 года, ода увидела свет, да и то не без некоторых искажений. Но ее читали в рукописных списках, они передавались из рук в руки, как революционная прокламация.

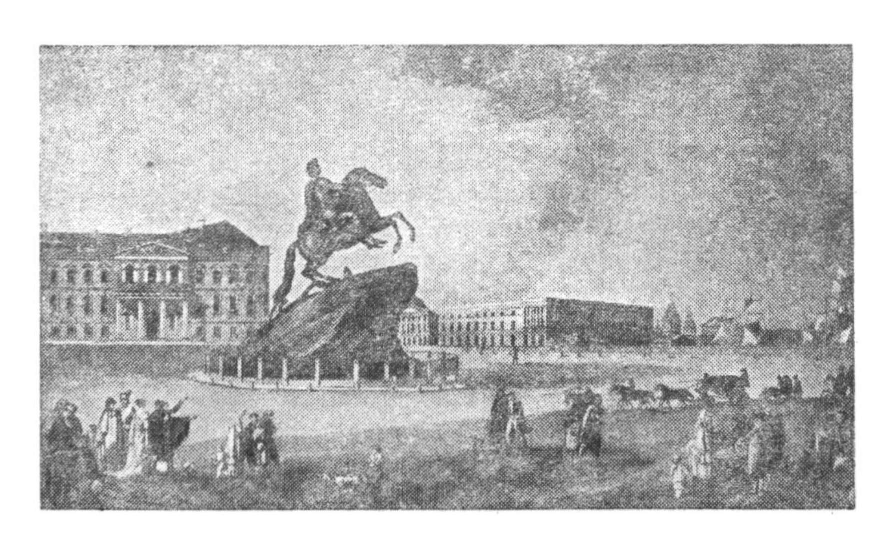
На открытие в августе 1782 года памятника Петру I Радищев откликнулся «Письмом к другу, жительствующему в Тобольске».

В этой маленькой книжке, вышедшей в свет в 1789 году и отпечатанной им в собственной типографии, тоже ясно слышен голос писателя-борца с самодержавием. Признавая за Петром право называться великим за то, что он «дал первый стремление столь обширной громаде», то-есть России, Радищев замечает, что Петр мог быть еще более славен, «возносся отечество свое, утверждая вольность...» «Но, — пишет Радищев, — нет и до окончания мира примера, может быть, не будет, чтоб царь уступил добровольно что-либо из своей власти».

Только в наши дни раскрыт адресат радищевского «Письма», до сего времени остававшийся неизвестным. Это один из друзей Радищева по лейпцигскому университету, Сергей Янов.

После возвращения из Лейпцига Янов в течение десяти лет был на дипломатической службе и в 1782 году неожиданно был отправлен в Тобольское наместничество директором экономии в Казенную палату. Как раз в этом году Радищевым и написано «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске». Раскрытие адресата письма имеет несомненный интерес в том смысле, что доказывает близость Янова к Радищеву и к идеям последнего.

Екатерина, прочитав после «Путешествия из Петербурга в Москву» и «Письмо», заметила, что, как

Петербург XVIII века. Памятник Петру I.

видно из «Письма», мысль Радищева давно «готовилась ко взятому пути...»

1789—1790 годы — годы наивысшей писательской активности Радищева.

В 1789 году выходит в свет, без указания автора, как, впрочем, и все остальное, опубликованное Радищевым, автобиографическая повесть «Житие Федора Васильевича Ушакова», с приложением политических и философских «размышлений» героя повести.

«Житие», как уже говорилось выше, рассказывает о жизни русских студентов в Лейпциге и в частности о борьбе Радищева и его товарищей с гофмейстером Бокумом, — борьбе, которую Радищев отождествлял с борьбой с тиранством.

Побеждает не грубая сила, не тиранство, — побеждает молодежь, освободившись от повседнев-

ного надзора ненавистного гофмейстера. В центре этой борьбы стоит пылкий и смелый юноша Федор Ушаков—прекрасный образ молодого правдолюбца.

В литературе о Радищеве высказывались предположения, что, вспоминая о борьбе с Бокумом, Радищев как бы хочет подбодрить себя на новую борьбу, более опасную и тяжелую, связанную с выходом в свет «Путешествия из Петербурга в Москву», которое к этому времени было почти закончено. Готовясь к решительному и смелому шагу в своей жизни — к изданию «Путешествия», Радищев, конечно, не случайно вспоминал в «Житии» об Ушакове, о вожде своей юности, «учителе в твердости», «подавшем некогда пример мужества».

В «Житии» мы находим и ряд политических идей, получивших свое развитие и завершение в «Путешествии». Именно в «Житии» впервые прозвучала революционная мысль Радищева о том, что в самом притеснении — залог освобождения, что тяжесть гнета должна породить восстание угнетенных.

Многие читатели «Жития» поняли «крамольный» дух книги. Княгиня Дашкова, прочитав «Житие», сказала своему брату, А. Р. Воронцову, что в книге Радищева «встречаются выражения и мысли, опасные по тому времени...»

Друг Радищева, Алексей Кутузов, впоследствии так откликнулся в одном из писем на выход «Жития»: по его словам, Радищев «по несчастью был человек необыкновенных свойств — не мог писать, не поместив множество политических и сему подобных примечаний, которые, известно вам, не многим нравятся. Он изъяснялся живо и свободно, со смелостью... Книга наделала много шуму. Начали кри-

чать: «Какая дерзость, позволительно ли говорить так!» и проч. и проч...» [1]

В декабрьском номере журнала «Беседующий гражданин» за тот же 1789 год Радищев, опять-таки без подписи, напечатал статью под названием «Беседа о том, что есть сын Отечества».

Это был горячий, страстный протест против зла и произвола, лжи и стяжательства, которые он видел вокруг себя, утверждение яркого и сильного патриотизма.

Чтобы иметь право называться «сыном Отечества», человек, по словам Радищева, «должен почитать свою совесть, возлюбить ближних; ибо единою любовью приобретается любовь; должно исполнять звание свое так, как повелевает благоразумие и честность, не заботясь нимало о воздаянии почести, превозношении и славе, которая есть сопутница, или паче тень, всегда следующая за Добродетелью, освещенная невечерним солнцем Правды...»

Подлинный «сын Отечества» должен, «ежели уверен в том, что смерть его принесет крепость и славу Отечеству, то не страшиться пожертвовать жизнью».

Не «согбенные разумы и души», не алчные фавориты и придворные, но «человек, человек потребен для ношения имени сына Отечества, — писал Радищев. — Истинный человек и сын Отечества есть одно и то же».

С ненавистью и подлинно революционной страстностью говорит Радищев о «притеснителях, злодеях человечества», делающих человека «ниже скота», и с огромным сочувствием о закрепощенных

---

[1] Письмо к Е. И. Голенищевой-Кутузовой от 6 декабря 1790 года. «Русская старина», XI, 1896 г.

крестьянах, «кои уподоблены лошади, осужденной на всю жизнь возить телегу...»

В этой небольшой статье Радищева впервые в нашей литературе прозвучал голос патриота-революционера.

В то же время Радищев не прекращает работы над своей заветной книгой «Путешествие из Петербурга в Москву» — подвигом всей своей жизни.

Еще в 1780 году, когда он начал служить в Петербургской таможне, Радищев приступил к писанию «Слова о Ломоносове», включенного впоследствии в «Путешествие».

Начиная с 1781 года, он работал над одой «Вольность», которая также была затем включена им в отрывках в «Путешествие». Работу над одой он закончил в 1783 году.

В 1785 году он написал главу из «Путешествия» под названием «Медное», а в последующие три года он работал над другими главами «Путешествия», которое закончил в конце 1788 года.

Без малого десять лет работал Радищев над «Путешествием», собирая, вкладывая в этот свой труд самые заветные мечты и думы, отдавая ему весь пламень своего благородного сердца.

Нужна была огромная сила воли и непреклонная убежденность в своем долге перед родиной, чтобы выполнить этот сокровенный до поры, до времени труд в условиях окружавшей Радищева жизни.

Российская действительность все глубже раскрывалась перед ним в уродливом обличии наглого и торжествующего «самодержавства», и он не мог принять ее, эту действительность, не мог не бороться с ней.

Стоит привести всего лишь один факт тогдашней жизни, чтобы понять невозможность примирения Радищева с тем, что он видел вокруг себя.

В 1787 году, то-есть за год до того, как Радищев закончил работу над «Путешествием», императрица Екатерина, по предложению Потемкина, совершила путешествие в Крым через присоединенные земли степной Украины, получившей название Новороссии.

В этом путешествии с каким-то обнаженным цинизмом нашла свое яркое выражение постыдная сущность крепостнической России: безумный разврат и мотовство верхушки дворянства и полное пренебрежение к народным нуждам.

Трудно определить хотя бы приблизительно сумму ассигнований на одну только подготовку этого путешествия. Специальные ассигнования Сената достигли 4 миллионов рублей. К ним надо еще прибавить стоимость 76 тысяч лошадей, оторванных на продолжительное время от полевых работ для перевозки громадной свиты, а также расходы по починке дорог, по заготовке продуктов, постройке зданий для ночлега и отдыха на всем пути — от Петербурга до Крыма.

В Киеве поспешно строилась богато оборудованная флотилия и, «дабы не сделать остановки в плавании» по Днепру, была взорвана скала. Повсюду воздвигались триумфальные ворота, арки, галлереи, строились дворцы, закладывались общественные здания и соборы. Потемкин сооружал на берегах Днепра свои пресловутые декоративные деревни.

По распоряжению генерал-губернаторов и наместников крестьяне деревень и обыватели городов

производили побелку домов, устилали улицы сосновыми ветками и травой. Они должны были ожидать карету императрицы «в лучшей одежде, а особенно девки — в уборах на головах и с цветами в руках, чтобы отнюдь никого в разодранной одежде не было, а паче пьяных и калек...» Дома украшались зеленью и цветами, а «в окнах на улице должны быть вывешены какие у кого найдутся портища — суконные, стамедные, ковры и полотна...»

Сопровождавший Екатерину принц де Линь щедро разбрасывал золотые монеты толпе, окружавшей карету императрицы. И это происходило в то время, когда народ голодал, когда крестьяне в челобитной Екатерине писали, что «за взыскание недоимок продают у них последних коров и лошадей, что пропитание многие имеют с нуждой, хлеб едим пополам с колосом и толченою соломой, а многие едят куколь, пихтовую кору и протчие былие...»

Граф Сегюр пишет в своих воспоминаниях:

«26 апреля императрица пустилась в путь по Днепру на галере [1], в сопровождении великолепнейшей флотилии, состоящей из 80 судов и 3 тысяч человек матросов и солдат. На каждой из галер была своя музыка, каждый из нас имел свою комнату и нарядный, роскошный кабинет с покойными диванами и письменным столом красного дерева. Множество лодок и шлюпок носилось впереди и вокруг эскадры, которая, казалось, создана была волшебством... Города, деревни, усадьбы, а иногда и простые хижины так были изукрашены цветами, расписаны декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор и они представля-

[1] Галера — гребное судно.

лись какими-то дивными городами, волшебно созданными зàмками, великолепными садами...»

Толпы народа, одетого в праздничные платья, песенники в шлюпках и по берегам реки, пушечная пальба, фейерверки, искусственно созданные деревни, рынки, переполненные товарами, дома, украшенные цветами и гирляндами, большие стада, сгоняемые во время проезда императрицы,—все это должно было свидетельствовать о богатстве страны, о довольстве ее жителей.

Нетрудно себе представить, с каким справедливым гневом и негодованием слушал Радищев рассказы о путешествии Екатерины, а может быть, и читал о нем в льстивой сусальной книжонке «Путешествие ее императорского величества в полуденный край России».

Интересное и поучительное совпадение во времени двух путешествий! Одно из них, действительно совершенное, — низкая ложь, обман, лицемерие; другое — плод творческой мысли и опыт совестливого сердца, — беспощадная правда жизни...

Таковы примерно итоги литературной деятельности Радищева за десятилетие, начиная с 1780 и кончая 1790 годом.

Этой своей деятельностью Радищев не только продолжал и углублял радикально-демократическую направленность мысли передовых русских людей 60—70-х годов, но и придавал ей новые качества. То, что десять, двадцать лет тому назад имело характер «теоретического бунта» — в произведениях Десницкого и Козельского, приобретало теперь, в деятельности Радищева, характер революционной пропаганды, революционной борьбы.

Мировоззрение Радищева в эти годы сложилось

окончательно: это было боевое, действенное мировоззрение революционера, мировоззрение, идейной основой которого были материалистические положения и которое нашло свое выражение в бессмертной книге «Путешествие из Петербурга в Москву».

И в эти годы он был не одинок, но теперь уже он занимал ведущее место среди передовых людей России по глубине и последовательности своего революционного мировоззрения, по силе и яркости своего таланта.

Кого же следует вспомнить из числа передовых русских людей 80—90-х годов XVIII столетия, каких смелых «правдолюбцев»?

Еще в 1775 году, вскоре после подавления Пугачевского восстания, некий Николай Колычев подал Екатерине записку об учреждении «некоторого порядка» в России. Екатерина, ознакомившись с запиской, приказала «персонально испытать» «поведение и свойства сего человека».

После этого «испытания» Колычев вынужден был просить о пострижении его в монахи!.. Екатерина разрешила ему это с тем, чтобы за ним следили и не позволили ему иметь чернила и перо и чтобы он «жил навсегда безвыходно в том монастыре...»

В 80-е годы поборником свободы выступил и поручик Федор Кречетов, посаженный в крепость в 1793 году.

В 1785 году он организовал общество с широкими просветительными задачами, то-есть занялся практической пропагандистской деятельностью. Общество просуществовало несколько лет.

Кречетов был обвинен в тяжких преступлениях.

Н. И. Новиков

Доносчик писал о нем, что он, «негодуя на необузданность власти, возвращает права народу». О Екатерине Кречетов говорил, что она, «впавшая в роскошь и распутную жизнь, недостойна престола». Он задавался целью избавить народ «от ига царского, в котором поныне по слепоте своей страдают...»

Во время следствия по делу Кречетова выяснилось, что он хотел открыть школу для мужчин и женщин, с тем чтобы лучших учащихся посылать в губернии «и таким путем устроить в России вольность...»

Кречетов предрекал восстание народа в России, которое может «разрушить все власти в мгновение ока...»

Близким знакомцем Радищева в годы работы над «Путешествием» был Денис Иванович Фонвизин. Разбитый параличом, находящийся под пристальным и строгим надзором, он все еще блистал живым и острым умом, разил беспощадной иронией.

Как и Радищев, он придавал высокое значение долгу писателя, называл писателя «стражем общего блага». В одном из писем Стародума он утверждал, что писатели «имеют долг возвысить громкий глас свой против злоупотреблений и предрассудков, вредящих отечеству, так что человек с дарованием может в своей комнате, с пером в руках, быть полезным советодателем государю, а иногда и спасителем сограждан своих и отечества». И эти взгляды представлялись Екатерине опасными, «крамольными».

Грозные тучи собирались над головой еще одного замечательного современника Радищева.

В апреле 1792 года Екатерина подписала указ

об аресте Николая Ивановича Новикова. Новиков без суда был приговорен к пятнадцати годам заключения в крепости. Имущество его было взято в казну. Екатерина приказала «предать огню все без изъятия» книги, изданные Новиковым, которые, по отзыву архиепископа Платона, обследовавшего по приказу Екатерины издательскую деятельность Новикова, были «самые зловредные, развращающие добрые нравы и ухитряющие подкапывать твердыни святой веры...»

Так была задавлена жизнь еще одного человека, вскрывавшего перед читателем общественные язвы русской жизни, высмеивавшего увлечение всем иностранным, разоблачавшего недостатки управления и особенно правдиво и остро показывавшего положение замученного нуждой и произволом крепостного крестьянина.

«Новиков, — писал Ключевский, — по-своему понимал задачи печатного станка и повел свое дело так, что в его лице русский издатель и книгопродавец стал общественною, народно-просветительною силой, и постигшая Новикова катастрофа произвела на русское образованное общество такое потрясающее впечатление, какого, кажется, не производило падение ни одной из многочисленных «случайных» звезд, появлявшихся на русском великосветском небосклоне...» [1]

Около 1789 года Яков Княжнин написал свою последнюю трагедию — «Вадим Новгородский». Темой трагедии было убийство варяжским князем Рюриком Вадима Храброго, недовольного правлением чужеземного князя.

---

[1] В. О. Ключевский, Воспоминание о Н. И. Новикове и его времени.

Княжнин был всего лишь одним из выразителей дворянской оппозиции, и тем не менее вложенная им в уста одного из героев характеристика самодержавия звучит почти с радищевской силой:

Какой герой в венце с пути не совратился?
Величья своего отравой упоен —
Кто не был из царей в порфире развращен?
Самодержавие повсюду бед содетель,
Вредит и самую чистейшу добродетель
И, невозбранные пути открыв страстям,
Дает свободу быть тиранами царям...

Трагедия Княжнина «Вадим Новгородский» вызвала у Екатерины страшную ярость. Но Княжнин умер, и гнев царицы обрушился на его трагедию. Сенат постановил трагедию Княжнина, «яко наполненную дерзкими и злорредными против законной самодержавной власти выражениями, а потому в обществе Российской империи нетерпимую, сжечь в здешнем столичном городе публично...»

Весьма примечательно, что вскоре прошел слух, будто Княжнина перед его смертью допрашивал Шешковский, после чего Княжнин «впал в жестокую болезнь и скончался...»

У Пушкина есть запись, в которой прямо говорится, что «Княжнин умер под розгами»...

Мы привыкли представлять себе Ивана Андреевича Крылова прежде всего как создателя драгоценных басен, исполненных народной мудрости и неумирающей жизни. Но современники Радищева, да и сам Радищев знали Крылова и как писателя других жанров.

С наибольшей силой молодой Крылов проявил себя в журналистике. В 1789 году он издавал сатирический журнал «Почта духов», в 1792 году—«Зри-

тель». Он был еще очень молод — и очень смело и резко критиковал в своих журналах основы и всю систему помещичье-дворянского государства.

Когда началось следствие по книге Радищева, было обращено внимание и на Крылова. Высказывалось предположение, не была ли напечатана книга Радищева в типографии Крылова. По выходе «Путешествия» невыясненные обстоятельства заставили Крылова закрыть типографию и прекратить издание журнала. Крылов и впоследствии не объяснил причин этого.

«Тут много было причин... — говорил он. — Полиция и еще одно обстоятельство... Кто не был молод и на веку своем не делал проказ!..»

Близок был к Радищеву его товарищ по лейпцигскому университету, Петр Иванович Челищев. Он отказался от карьеры и рано вышел в отставку с военной службы. В 1791 году он совершил большое путешествие по северу России: посетил Соловецкий монастырь, Архангельск, Холмогоры, Петрозаводск, Вологду, и оставил подробное описание своего путешествия.

Эта работа Челищева проникнута глубоким патриотизмом. Он стремился доказать, «что русский язык, как верное выражение ума и души народа, обладает всеми условиями для того, чтобы служить достаточным орудием для просветительных целей».

Челищев, по его собственному выражению, «бесился и рвался», слушая клевету, возводимую на русский язык, а следовательно, и на русский народ. С негодованием пишет Челищев и о тяжелом положении крепостного крестьянства, скованного «узами рабства».

Много, много было в России уже и в то время смелых честных людей, «правдолюбцев», борцов за справедливость и свободу!

И все же это еще не создавало условий, необходимых для практического осуществления идей и стремлений Радищева. Он и сам понимал это.

Находясь в ссылке, он писал в своем философском трактате «О человеке»:

«Малейшая искра, падшая на горячее вещество, произведет пожар, сила электрическая, протекая везде непрерывно и мгновенно, где найдет только вожатого. Таково же есть свойство разума человеческого. Едва один возмог, осмелился, дерзнул изъятися из толпы, как вся окрестность согревается его огнем и, яко железные пылинки, летят прилепиться к железному магниту, но нужны обстоятельства, нужно их поборствие; а без того Иоганн Гус издыхает во пламени, Галилей влечется в темницу, друг ваш в Илимск заточается...»

Обстоятельств и их «поборствия» не было. Не созрели еще общественные силы, которые впоследствии свергли существовавший строй.

* * *

Теперь проследим ход событий, имевших такое большое значение во всей последующей жизни Радищева.

Как уже говорилось выше, Радищев закончил писать «Путешествие» в конце 1788 года. Нужно было подумать о напечатании книги.

Разрешение к печати за подписью председателя Управы благочиния, петербургского обер-полицмейстера Рылеева, было получено 22 июля 1789 года.

Сам Радищев так рассказывал об этом:

«Когда моя книга была уже готова, то я послал ее для цензуры с бывшим прежде книгопродавцем, а в то время находящимся при Таможне. Долго времени спустя, в конце прошлого лета, книгу мою Мейснер[1] возвратил за подписанием обер-полицмейстера Рылеева. Неизвестно мне, сказывал ли Мейснер о сочинителе книги; но он мне сказывал, что о имени моем не объявил. Я хотя мало тому верил, но, признаюсь, был тому рад, потому что, не зная, как в публике оно будет принято, я хотел ждать, для объявления о себе того времени, как его одобрят...»[2]

С одобренной к печати рукописью Радищев обратился в Москву, к типографу Селивановскому. Селивановский, прочитав рукопись и, очевидно, правильно оценив значение книги, отказался ее печатать. Радищев погорячился, получив отказ, но потом, как рассказывает сын Селивановского, «смягчил тон и, расспросив о деле типографском и имея деньги, решился сам завести типографию...»

Есть сведения и о том, что Радищев хотел издать свою книгу в университетской типографии, у Новикова. Рукопись была дана на просмотр цензору Брянцеву, который вымарал чуть не половину книги. Радищев не мог согласиться с этим и тогда-то и решил устроить собственную типографию.

В 1783 году Екатериной было разрешено частным лицам устраивать типографии и печатать книги, «не требуя ни от кого дозволения». Управа благочиния должна была следить, чтобы в книгах не появлялось что-либо «противное законам божиим и

---

[1] Один из таможенных служащих.

[2] Показания от 7 июля.

гражданским или же к явным соблазнам клонящееся...»

Радищев говорил впоследствии, что он «вознамерился завести у себя типографский стан, но не имел на то случая. Прошлым летом получил я стан типографский от Шнора с литерами... Первую книжку в один лист на оном я напечатал под заглавием «Письмо к другу в Тобольске». Вторую «Путешествие»; та и другая за цензурою...»

Типография Радищева помещалась в его городском доме, на Грязной улице, и, конечно, была более чем скромной по своему оборудованию.

«Наборщиком той книги («Путешествия»),—говорил впоследствии Радищев на допросе, — был находящийся в то время при таможнях надсмотрщик Богомолов; тискана же она с помощью собственных его людей».

Книгопродавец Зотов также показал на допросе, что он, бывая у Радищева, видел в доме его типографию, а «наборщики у него — таможенные надсмотрщики и его люди».

Они же были и первыми читателями «крамольной» книги, когда долгими вечерами зимы 1790 года набирали и тискали ее... Рукопись «Путешествия» для набора была переписана набело таможенным служащим Александром Царевским, молодым образованным разночинцем, знакомым Радищеву еще с 1785 года, когда Царевский давал уроки сыновьям Радищева. Кроме Царевского, в работе по набору и тисканью книги принимали участие таможенные служащие Богомолов и Пугин. Корректуру книги читал и правил сам Радищев.

Печаталось «Путешествие» долго: с января по май 1790 года.

Съ товарищемъ нашимъ, кото-
рой на оном около семи ча-
совъ находился, не прошло
было пол часа, какъ судно на-
ше стоявшее между камней,
облегченное отъ тяжести, всплы-
ло и прибивалось къ берегу.
Ступя на берег среди ра-
дости и восторга спасенія, Па-
вел, такъ звали спасшаго нас
сопутника, разсказалъ намъ
слѣдующее.

Я оставя васъ въ пред-
стоящей опасности, спѣшилъ
по камнямъ къ берегу. Же-
ланіе васъ спасти дало мнѣ
силы сверхъестественныя; но
саженъ за сто от берегу силы
мои стали ослабѣвать, и я
началъ отчаяваться от ваше-
го спасенія и моей жизни. Но
полежавъ съ полчаса на камо-
ни вскочилъ съ новою бодро-
стію, и неотдыхая болѣе до-
ползъ, такъ сказать, до брега.
Тутъ на [illegible]

Страница рукописи «Путешествия из Петербурга в Москву»

В мае этого года в Петербурге, в книжной лавке купца Герасима Кузьмича Зотова, что на Владимирской улице, против Большого Гостиного двора, появилась в продаже небольшая, в восьмую долю листа, книга под названием «Путешествие из Петербурга в Москву». Имя автора на книге указано не было.

Книга распродавалась хорошо. Зотов подумывал, что не мешало бы, пожалуй, еще взять ее для продажи, да побольше. Он отправился к сочинителю «Путешествия», но скоро вернулся, удивленный и раздосадованный.

Приказчику он сказал, что сочинитель не дал ему книг и задаток вернул «пятьдесят рублев».

Зашел покупатель, спросил «Путешествие» и, хитро усмехаясь, задал Герасиму Кузьмичу вопрос: побывал ли он уже у «духовника»?

— У духовника? У какого духовника? — простовато переспросил Зотов.

— Будто не понял?—И покупатель шопотом добавил: — У Шешковского!

Зотов побледнел, услышав это страшное имя. Нетвердым голосом он отвечал, что нет, слава богу, не был и что никакой вины за собой не знает. Покупатель покачал головой, похлопал Зотова по плечу и, уходя, сказал:

— Врешь, брат, знаю, что был!

В числе первых покупателей был некий И. Лефебер, пристав уголовных дел петербургской Управы благочиния, а также камер-паж Балашов — будущий министр полиции при Александре I. Есть предположение, что экземпляр «Путешествия», купленный именно им, попал в руки Екатерины.

На следующий день — это было 26 июня — Герасим Кузьмич был взят под стражу. Лавку его опечатали...

Когда был арестован Зотов и вслед за тем Мейснер был вызван на допрос, а может быть еще и до этого, Радищев понял, что дело приобретает дурной для него оборот. Он приказал своему старому слуге Давыду Фролову сжечь весь тираж книги — все, что осталось после того, как он разослал несколько экземпляров своим друзьям и знакомым и дал 25 экземпляров купцу Зотову. Сам он уничтожил рукописи и еще какие-то свои бумаги. Повидимому, он готовился к обыску, а может быть и к аресту.

Вернее всего, граф А. Р. Воронцов поставил его в известность о том, как «Путешествие» было встречено Екатериной.

Вечером старый слуга Радищева Давыд Фролов, выйдя от барина, долго стоял на дворе, в раздумье почесывая затылок. Потом махнул рукой и, выполняя приказание своего господина, затопил людскую баню.

Наступила ночь. В доме погасли огни, а старый Давыд все сидел, запершись в бане, перед пышущей жаром печью. Щурясь, смотрел он, как гибли в огне, вспыхивая и рассыпаясь легким черным пеплом, одна за другой книги, которые он натаскал в баню из домашней типографии.

«Путешествие из Петербурга в Москву», — читал он по складам при красном свете жаркого пламени название книги, преданной сожжению.

Не спал в эту ночь и Радищев. Запершись в своем кабинете, при свете свечи он разбирался в рукописях и письмах, бросая предназначенное к уничто-

жению на пол. Всю ночь в его кабинете топилась печь и пахло горелой бумагой...

Все эти события произошли уже после того, как «Путешествие» попало в царский дворец. В числе других новых книг его положили на туалетный столик императрицы.

Лето 1790 года Екатерина проводила в Царском Селе, изредка бывая в Петергофе и Петербурге. Прошло не меньше месяца, прежде чем до нее дошли слухи о выходе анонимной книги, которая вызывала много разговоров в столичной публике.

Явившись утром 26 июня в царский кабинет, статс-секретарь Александр Васильевич Храповицкий сразу почуял что-то неладное...

Екатерина, как всегда, встретила его улыбкой, сидя за рабочим столом в белом капоте и чепце. Она читала и, глянув на Храповицкого поверх очков, сказала, как всегда:

— Садитесь!..

Но наметанный глаз статс-секретаря определил, что императрица гневна, недовольна. Храповицкий сел и насторожился. И он не ошибся: день выдался на редкость трудный.

Во дворец спешно был вызван обер-полицмейстер Рылеев. Он рыдал, валяясь в ногах у Екатерины. Он клялся, что разрешил к печати «крамольную книжонку» не по злому умыслу, а по глупости своей.

Это была святая правда: обер-полицмейстер Никита Рылеев был отменно глуп. Про него рассказывали, что он чуть было не сделал... чучело из придворного банкира Сутерланда! У Екатерины была любимая собачка, подаренная ей банкиром и прозванная по этому случаю «Сутерландом». Собачка

околела, и разогорченная Екатерина приказала Рылееву сделать чучело «Сутерланда». Тот, в своем верноподданнейшем рвении, схватил было самого банкира, который, как говорили, только счастием избавился от прозившей ему операции.

«По городу слух, будто Радищев и Шелищев (Челищев) писали и печатали в домовой типографии ту книгу, исследовав, лутче узнаем».

Такую записочку Екатерина послала 26 июня графу А. А. Безбородко и, повидимому, в тот же день дала ему новое поручение: «Напиши еще к нему (речь идет о начальнике Радищева графе А. Р. Воронцове), что кроме раскола и разврату не усматриваю из сего сочинения...»

В тот день Храповицкий записал в свой дневник:

«26 июня 1790 г. Говорено о книге «Путешествие от Петербурга до Москвы». «Тут рассевание заразы французской, отвращение от начальства... Я прочла 30 страниц...» Посылка за Рылеевым. Открывается подозрение на Радищева...»

Когда-то этот самый Александр Васильевич Храповицкий был приятелем Радищева. После своего возвращения из Лейпцига Радищев брал у него уроки русского языка.

Быть может, услышав из уст разгневанной императрицы имя своего бывшего приятеля, Храповицкий внутренне и содрогнулся. Но не таким он был человеком, чтобы рискнуть предупредить Радищева о грозящей ему беде!

В лице Александра Васильевича Храповицкого мы имеем явление, столь противоположное Радищеву, что, пожалуй, и не найти лучшего примера того, каким людям жилось вольготно и счастливо при Екатерине и что представлял собой придворный

круг, против которого Радищев восставал с гневом и презрением.

Радищев и Храповицкий были ровесниками. В молодости Александр Васильевич пописывал стишки и даже заслужил похвалу Сумарокова. Потом он забросил эти пустые затеи и всей душой предался устройству своего благополучия и карьеры при дворе.

В «Житии Федора Васильевича Ушакова» Радищев насмешливо и презрительно писал о том сорте людей, «которые думают, что для достижения своей цели нужна приязнь всех тех, кто хотя мизинцем до дела их касается; и для того употребляют ласки, лесть, ласкательство, дары, угождения и все, что задумать можно, не только к самому тому, от кого исполнение просьбы их зависит, но ко всем его приближенным, как то — к Секретарю его, к Секретарю его Секретаря, если у него оной есть, к писцам, сторожам, лакеям, любовницам, и если собака тут случится, и ту погладить не пропустят...»

Именно таким и был Храповицкий.

В 1783 году,—в то самое время, когда Радищев закончил работу над одой «Вольность», — Храповицкий был «определен к принятию челобитен» — вступил в должность статс-секретаря Екатерины.

Через два года он был послан в Ямбург «для прекращения неустройства, возникшего на суконной фабрике», — как деликатно выражается его биограф Д. Н. Бантыш-Каменский, то-есть для усмирения бунта рабочих, доведенных до отчаяния каторжной работой и голодной рабской жизнью. Он хорошо преуспел в исполнении этого поручения и получил в награду 5 тысяч рублей деньгами, деревни и орден Владимира большого креста.

Чины и подарки так и сыплются на Храповицкого, как из рога изобилия: тут и деньги, и бриллиантовые перстни, и табакерки, осыпанные бриллиантами.

Круг его обязанностей при дворе был велик и разнообразен: каждодневно он докладывал дела и просьбы, писал указы, сочинял хоры и арии для опер, лексиконы рифм, переписывал оперы, сочиненные императрицей, читал ей вслух сказки «для разбития мыслей», как она сама говорила. Не отказывался он и от роли шута, коли и это требовалось от него. Екатерина откровенно и грубо потешалась над дородностью своего статс-секретаря, упрашивая его садиться не на стул, который он мог сломать, а на диван.

Впрочем, несмотря на свою тучность, Храповицкий «бегал проворно» и имел «нрав гибкий, вкрадчивый, и должен стоять на ряду с утонченными придворными». Действительно, он умел отлично ладить и с сильными мира сего — с князем Вяземским, графом Безбородко — и дружить с любимым камердинером императрицы, который передавал ему «самые тайные разговоры».

Таков был Храповицкий, такова была придворная челядь, которую так ненавидел Радищев.

День 26 июня, столь тревожно начавшийся, закончился торжеством. Во дворце получено было известие о блестящей победе над шведским флотом. Гром победы заглушил на время дерзкий голос крамольной книги.

Отпраздновали победу, отслужили в Царском Селе благодарственный молебен.

Но о книге не забыли...

На следующий день, 27 июня, граф А. А. Безбо-

родко писал в письме к А. Р. Воронцову, что императрица, «сведав о вышедшей книге» и подозревая, что автор ее — Радищев, повелевает, чтобы Воронцов «прежде формального о том следствия», вызвал бы Радищева и «вопросил его» — он ли сочинитель этой книги и где он ее печатал. Безбородко указывал, что «чистосердечное его (Радищева) признание есть единое средство к облегчению жребия его...»

В личной записке, приложенной к этому официальному письму, Безбородко сообщал Воронцову, что «дело сие в весьма дурном положении».

Но вот, в тот же день, немногим позднее, Безбородко писал Воронцову, «что ее величеству угодно, чтобы Вы уже господина Радищева не спрашивали для того, что дело пошло уже формальным следствием...»

Екатерина с пристальным вниманием читала наделавшую столько хлопот книгу.

— Верно, это очень вздорный человек, сочинитель сей книги? — спросила она.

Когда же ей ответили, что, напротив, он человек самый кроткий и хороших правил, она сказала:

— О, тем хуже!

На полях книги Екатерина писала свои замечания:

«...Намерение сей книги на каждом листе видно. Сочинитель ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения власти и властям, приведению народа в негодование противу начальства...

...Клонится к возмущению крестьян противу помещиков, войск противу начальства.

...Сочинитель не любит царей и, где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицеп-

ляется с редкой смелостию. Надежды полагает на бунт мужиков.

...Царям грозится плахою. Сии страницы, суть криминального намерения, совершенно бунтовские...»

Екатерина поинтересовалась и другими произведениями Радищева. Прочтя вслед за «Путешествием» «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске», она, как мы уже говорили об этом выше, заметила, что «давно мысль его готовилась ко взятому пути».

Указы и приказы о зловредной книге и ее дерзостном сочинителе летели из дворца.

Генерал-губернатор Петербурга граф Брюс получил рескрипт:

«Граф Яков Александрович! Как известная зловредная книга «Путешествие из Петербурга в Москву» в благопристойном государстве терпима быть не может, то и прикажите наблюдать, дабы она нигде в продаже и напечатании здесь не была, под наказанием, преступлению сему соразмерным...»

Императрица гневалась. Но когда она называла сочинителя «Путешествия» «бунтовщиком», когда она говорила, что он «хуже Пугачева», не один только гнев руководил ею, но и страх. Императрица была испугана.

Над Францией реяли знамена революции. По всему миру, как весенний гром, прокатился грозный и радостный гул — восторженные клики толпы, орудийные залпы, сопровождавшие падение Бастилии. С оружием в руках выходил голодный и нищий народ на парижские улицы. С оружием в руках шел голодный и нищий крестьянин к стенам зáмков своих господ. Зарево мятежа вставало над Европой,

и кровавые отсветы его чудились Екатерине на страницах книги, исполненной ненавистью к рабству, призывающей крепостных рабов к восстанию.

Немало было в России людей, которые с величайшим интересом и сочувствием следили за развитием революционных событий во Франции.

Граф Сегюр рассказывает об энтузиазме, с каким было встречено известие о падении Бастилии в Петербурге среди «негоциантов, мещан и некоторых молодых людей из высокого класса».

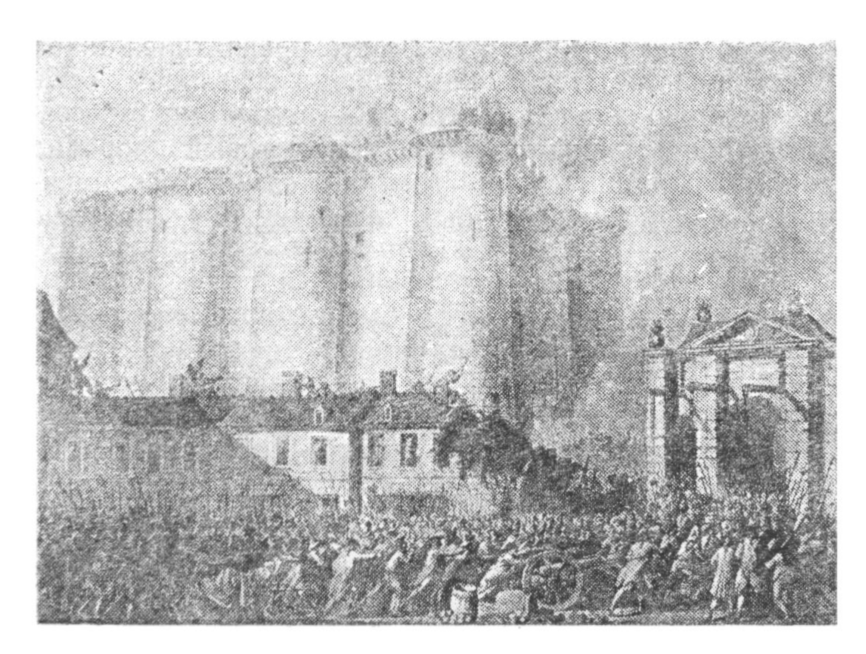
Газеты того времени, учитывая повышенный интерес к событиям во Франции, довольно широко освещали их на своих страницах. Правительственная газета «Санкт-Петербургские ведомости» взяла сразу враждебный тон по отношению к французской революции. Сообщая о взятии Бастилии, эта газета не жалела черных красок для описания деяний «кровожадной и безумной черни».

«Московские ведомости» держались более либерального тона, но вскоре резко изменили этот тон по указанию свыше.

Разумеется, отношение Екатерины к революционной Франции было враждебным.

Она говорила своим приближенным, что Российская монархия не может допустить, чтобы в каком бы то ни было уголке Европы сапожники управляли государством.

В дальнейшем Екатерина принимает меры, чтобы все русские, а особенно проживавшая в Париже дворянская молодежь, покинули Францию. В России нашли радушное гостеприимство французские дворяне-эмигранты, в том числе братья Людовика XVI. Начались дипломатические переговоры между Рос-

Взятие Бастилии.

сией, Англией и Австрией о создании коалиции, то-есть военного союза, против революционной Франции, против общего врага.

Позднее, в 1793 году, казнь Людовика XVI так сильно потрясла Екатерину, что она заболела. Тогда же был подписан указ Сенату о разрыве политических связей с Францией и о высылке из России всех тех французов, которые откажутся дать присягу «по изданному при указе образцу». Русские порты были закрыты для судов под французским флагом. Русским людям было запрещено ездить во Францию, получать французские газеты, ввозить в Россию французские товары.

Екатерина ужасалась и негодовала, видя гроз-

ные события во Франции. Во что превратился такой блестящий XVIII век, который, по ее словам, «еще так недавно хвалился, что он — самый мягкий, самый просвещенный из веков и который породил свирепые души среди города, самого знаменитого, какой только был известен. Фу, ужасные люди!..»

Для «обуздания революции» и для блокады Франции в Северное море была отправлена эскадра под командованием адмирала Чичагова.

И вот в обстановке все нарастающей тревоги, все увеличивающегося злобного страха вдруг в руках Екатерины оказалась книга — русская книга! — призывавшая народ к возмущению, грозившая царям плахой!..

* * *

В дневнике Храповицкого снова появились записи о «Путешествии из Петербурга в Москву»:

«2 июля 1790 г. Продолжают писать примечания на книгу Радищева, а он, сказывают, препоручен Шешковскому и сидит в крепости...»

Так оно и было: виновник гнева и страха императрицы, Александр Радищев, сидел за толстыми стенами Петропавловской крепости.

Радищева арестовали 30 июня в его загородном доме, на так называемой «Фридрихсовой даче». В этом зеленом местечке на Петровском острове, в окружении рощ и перелесков, он жил со всей своей семьей летом 1790 года.

Всего за месяц до своего ареста он принимал деятельное участие в организации отряда гражданского ополчения для защиты Петербурга от нашествия шведов: шла русско-шведская война.

Война вплотную придвинулась к Петербургу. в городе была слышна орудийная пальба сражающихся флотов.

4 мая у Фридрихсгамна шведские гребные суда оттеснили русскую флотилию к Выборгу. Шведы продолжали наступать, создавалась непосредственная угроза Петербургу.

По свидетельству сына Радищева, в то самое время, когда Петербург был приведен в трепет угрозами шведского короля Густава III, намеревавшегося прийти обедать в Петербург, а ужинать — в Москву, Радищев имел намерение собрать охотников и вооружить их для защиты города.

Городская дума, по инициативе Радищева, решила организовать «городовую команду» из 200 человек, снабдив ее потребной амуницией, и содержать ее на общественном жаловании.

Екатерина в первое время благосклонно отнеслась к этому проявлению «истинного усердия градского общества к благу и пользе отечества».

В литературе о Радищеве высказывались предположения, что, участвуя в организации добровольческой «городской команды», в которую записывали даже беглых крестьян, Радищев пытался подготовить силы для вооруженного восстания народа. Бесспорным остается тот факт, что патриот Радищев в тяжелую для родины минуту старался организовать общественные силы.

Сверх того, Радищев был занят в это время и другим делом. По свидетельству одного из его сыновей, Екатерина, знавшая о честности и бескорыстии Радищева, «удостоила» его важным поручением: «при начале войны с Швецией ему было поручено арестовать и описать все шведские купече-

ские корабли и сделать обыск всех запрещенных товаров во всех петербургских лавках и магазинах...

«Горе-богатырь», как назвала Екатерина шведского короля в своей комедии, сочиненной и разыгранной в Эрмитаже во время войны, оказался слаб для осуществления своих хвастливых намерений. Швеция первая не выдержала тяжести войны и стала искать мира.

Судя по всему, Радищев в наиболее трудные дни войны был занят не только выполнением поручения Екатерины, но и напряженной общественно-патриотической деятельностью.

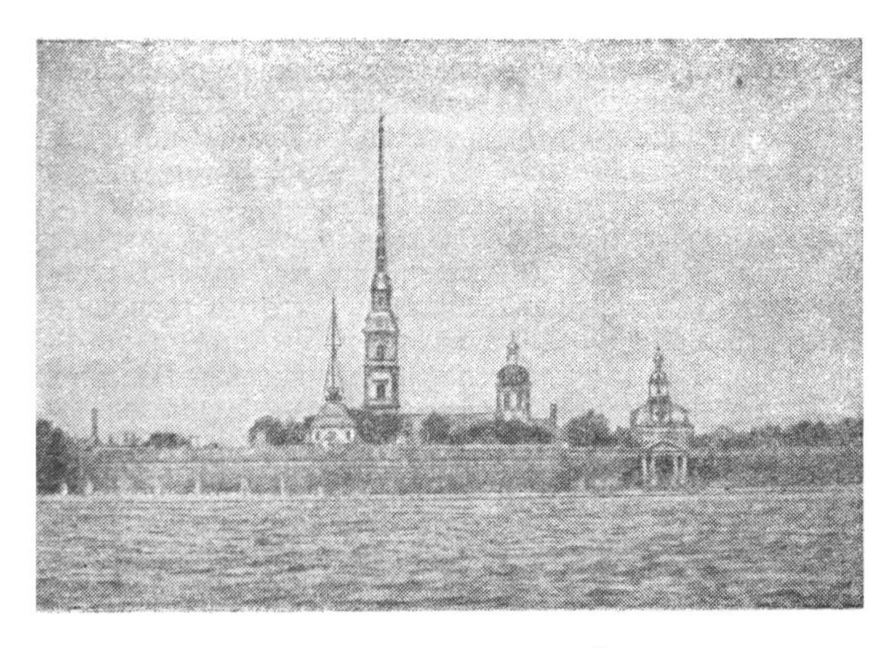
И все же он не оставил и своего основного дела — заботы о том, чтобы его книга «Путешествие из Петербурга в Москву» увидела свет. Именно в эти дни книга появилась в продаже в книжной лавке Зотова.

Полицейский офицер, арестовавший Радищева, отвез его в Петербург, прямо к графу Брюсу. Вскоре туда же явился какой-то человек и сказал, что он послан Шешковским...

В тот же день, 30 июня, в 9 часов пополудни, Радищев был доставлен к петербургскому обер-коменданту генерал-майору А. Г. Чернышеву, и заключен в Петропавловскую крепость.

Неделей позднее, 7 июля, Храповицкий сделал такую запись в своем дневнике:

«Примечания на книгу Радищева посланы к Шешковскому. Сказывать изволили, что он бунтовщик, хуже Пугачева, показав мне, что в конце

Петропавловская крепость.

хвалит он Франклина [1], как зачинщика, и себя таким же представляет. Говорено с жаром и чувствительностию...»

Екатерина с «жаром» расправлялась со всем, что имело отношение к Радищеву.

Так было закрыто и «Общество друзей словесных наук», в котором, как говорилось выше, Радищев играл руководящую роль.

Один из членов общества, молодой офицер Сергей Алексеевич Тучков, участвоваший в войне со шведами, в 1790 году вернулся в Петербург. Он тот-

---

[1] Б. Франклин (1706—1790) — североамериканский политический деятель, писатель и ученый

час же отправился на очередное собрание общества, но оно оказалось, к его удивлению, закрытым.

Сохранился об этом рассказ Тучкова, который стоит привести.

«Приехав в дом, — пишет Тучков, — где собирались мои сочлены, нашел оный пуст, и дворник объявил мне, что он не знает почему, однако, давно уже как запрещено от полиции этим господам собираться. Во Франции началась уже тогда революция, и дух вольности начал проникать в Россию, а потому не только все иллюминатские, мартинистские и масонские собрания, но даже и собрания любителей словесности были запрещены... Некто г. Радищев член общества нашего, написал одно небольшое сочинение под названием «Беседа о том, что есть сын Отечества или истинный патриот», и хотел поместить в нашем журнале. Члены хотя одобрили оное, но не надеялись, чтобы цензура пропустила сочинение, написанное с такой вольностью духа. Г. Радищев взял на себя отвезти все издание того месяца к цензору и успел в том, что сочинение его вместе с другими было позволено для напечатания. В то же время издал он и напечатал без цензуры в собственной типографии небольшую книгу его сочинения под названием «Езда из Петербурга в Москву», в которой с великой вольностью, в сильных выражениях писал он противу деспотизма .. Полиция скоро открыла сочинителя оной. Он был взят и отвезен в Тайную канцелярию, которая в царствование Екатерины II самыми жестокими пытками действовала во всей силе. Некто Шешковский, человек, облеченный в генеральское достоинство, самый хладнокровный мучитель, был начальником оной. Радищев, выдержав там многие пристрастные во-

просы, был сослан, наконец, в Сибирь... Императрица велела подать себе все списки членов как тайных, так и вольных ученых собраний, в том числе представлен был список и нашего собрания. По разным видам и обстоятельствам, большая часть членов лишены были своих должностей и велено было им выехать из Петербурга...»[1]

[1] С. А. Тучков, Записки. 1766—1808. Спб., 1908 г.

V. „ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ"

«...Блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель...»

А. Радищев

Что же это за книга «Путешествие из Петербурга в Москву», появление которой на свет вызвало столько волнений?

В предисловии к «Путешествию», посвященном любимому другу Алексею Кутузову, Радищев так определяет причины, побудившие его взяться за перо:

«Я взглянул окрест меня, — душа моя страданиями человечества уязвленна стала...»

«Уязвленная» душа звала его к действию, к борьбе.

«Веселие неизреченное! — я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть в благодействии себе подобных. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь...»

Высокая благородная мысль, озарившая немеркнущим светом всю эту удивительную, целеустремленную жизнь!

«Быть соучастником в благодействии себе подобных»! Не эта ли же мысль всегда была одной из

ПУТЕШЕСТВІЕ,

изъ

ПЕТЕРБУРГА ВЪ МОСКВУ.

„Чудище обло, озорно, огромно, стозѣвно,
и лаяй,,

Тилемахида, Томъ II. Кн: XVIII. стих: 514.

1790.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.

Титул первого издания «Путешествия из Петербурга в Москву».

движущих сил великой и прекрасной русской литературы? Не эта ли мысль вела вперед и лучших русских людей по славному и героическому пути борьбы за счастье родного народа, за счастье всего человечества?..

* * *

Радищев написал «Путешествие» в виде путевых очерков. В книге двадцать пять глав. Каждой из них Радищев дал название почтовых станций, где он останавливался.

Он хотел сделать книгу простой, доходчивой и понятной самым широким кругам читателей, чтобы его призыв к борьбе был услышан всеми.

Книга Радищева полна жизни, движения. Впечатления автора, его размышления, наблюдения над жизнью, описания встречных людей, передача их рассказов — все это придает книге жизненную правдивость.

«Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик по обыкновению своему поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом...»

Так начинается «Путешествие».

Верста за верстой остаются позади. Тишина пустынных полей окружает одинокого путника...

Пушкин вспоминал о своей поездке в обратном направлении — из Москвы в Петербург:

«Не решившись скакать на перекладных, я купил тогда дешевую коляску и с одним слугою отправился в путь. Не знаю, кто из нас, Иван или я, согрешил перед выездом, но путешествие наше было неблагополучно. Проклятая коляска требовала поминутно починки. Кузнецы меня притесняли, рыт-

вины и местами деревянная мостовая совершенно измучили. Целые шесть дней тащился я по несносной дороге и приехал в Петербург полумертвый...»[1]

Во времена Радищева путешествовали на так называемых «долгих», то-есть на собственных лошадях и в собственном экипаже; на «вольных», нанимая ямщиков; на «почтовых» или на «перекладных», получая лошадей по особому документу — «подорожной», в которой был указан маршрут путешествия, фамилия, звание и чин путешественника, а также количество лошадей, которое ему полагалось по чину, и каких именно: почтовых или курьерских.

Дороги в те времена, даже наиболее значительные тракты, были источником нескончаемых бед и мучений для путешественников. Весною и осенью большие участки дорог становились совершенно непроезжими.

Отдыхали и меняли лошадей на почтовых станциях, большею частью запущенных, грязных, которые иногда не могли даже служить укрытием от ненастной погоды или от мороза.

...Быстро мчится дорожная кибитка, подпрыгивая на рытвинах и ухабах. Заунывно звенит колокольчик. Мимо проплывают поля, перелески, деревни...

«Лошади меня мчат; извозчик мой затянул песню, по обыкновению заунывную. Кто знает голоса русских народных песен, тот признается, что есть в них нечто, скорбь душевную означающее...»

Вот и станция: Любани.

Вымощенная бревнами дорога порядком замучи-

---

[1] А. С. Пушкин, Путешествие из Москвы в Петербург.

ла путешественника. Он вылез из кибитки и пошел пешком. День был праздничный, но в нескольких шагах от дороги крестьянин пахал землю.

«— Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь, да еще и в самый жар?»

«— В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечерок возим оставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки, для прогулки, ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды...»

«— Велика ли у тебя семья?»

«— Три сына и три дочки. Перванькому-то десятый годок».

«— Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?»

«— Не одни праздники — и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет...»

«— Так ли ты работаешь на господина своего?»

«— Нет, барин, грешно бы было так же работать. У него на пашне сто рук для одного рта, а у меня две для семи ртов, сам ты счет знаешь. Да хотя растянись на барской работе, то спасибо не скажут...»

Вот и весь разговор, — но какая горькая правда скрыта в этих простых словах крестьянина, заботливо и тщательно возделывающего свой скудный клочок земли! И невольно напрашивается вывод:

«— Страшись, помещик жестокосердный, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение...»

Но вот перед путешественником его собственный слуга. Всю дорогу, сидя в кибитке, бедный Пет-

рушка качался из стороны в сторону, не имея возможности приклонить голову.

«Ты во гневе твоем устремляешься на гордого господина, изнуряющего крестьянина своего на ниве своей; а сам не то же ли или еще хуже того делаешь?..»

И с мучительным стыдом думает путешественник о бесправном и унизительном положении своего крепостного Петрушки.

«Он получает плату, сыт, одет, никогда я его не секу ни плетьми, ни батожьем (о умеренный человек!) — и ты думаешь, что кусок хлеба и лоскут сукна тебе дают право поступать с подобным тебе существом, как с кубарем, и тем ты только хвастаешь, что не часто подсекаешь его в его вертении!..»

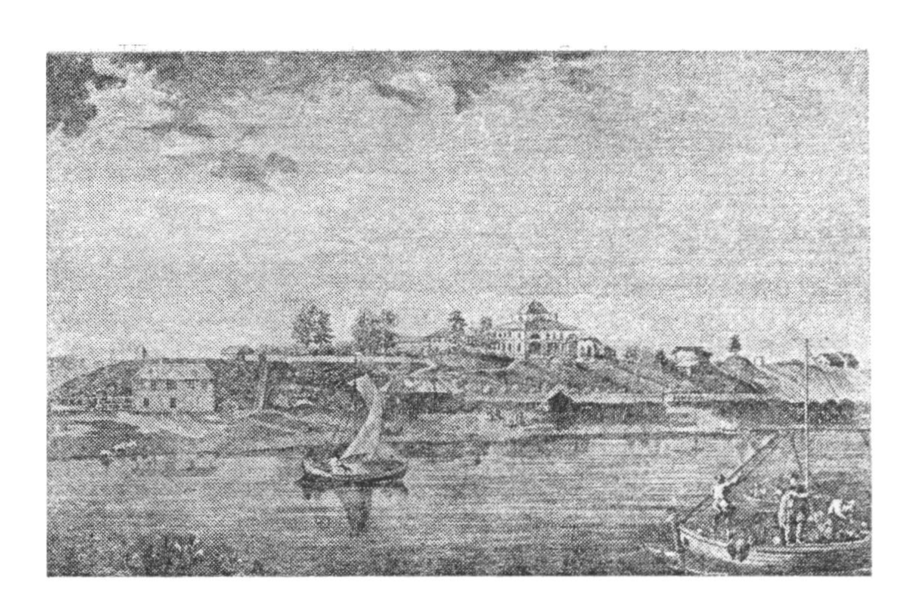
. . . .

Станция Чудово.

Случайная встреча в почтовой избе с Ч... — давнишним приятелем (Челищевым?).

Тот рассказывает, как чуть было не погиб, пустившись ночью в плаванье на двенадцативесельной морской шлюпке из Кронштадта в Сестрорецк. Внезапно налетела буря. В полутора верстах от берега шлюпка застряла на каменной гряде. Волны грозили затопить шлюпку. Тогда старший из матросов, рискуя жизнью, с трудом добрался до берега, то перепрыгивая с камня на камень, то пускаясь вплавь. Он долго не возвращался. Оставшиеся в шлюпке уже потеряли надежду на спасение, как вдруг увидели две большие рыбачьи лодки, плывшие к ним, и на одной из них своего спасителя.

Матрос рассказал, что обратился за помощью к начальнику местной команды, но не добился ниче-

Помещичья усадьба XVIII века

го. Начальник спал, а сержант, не смея его будить, вытолкнул матроса за дверь.

Ч..., возмущенный этим бесчеловечным поступком, как только добрался до берега, потребовал от начальника команды объяснения.

Тот, с величайшим спокойствием куря трубку, отвечал:

«— Мне о том сказали недавно, а тогда я спал...»

«— Ты бы велел себя будить молотком по голове, буде крепко спишь, когда люди тонут и требуют от тебя помощи...»

Начальник сказал: «Не моя то должность...»

Темный мир крепостников открывался перед путешественником с каждой новой верстой. Не люди, а какие-то нравственные уроды, не лица,

а «крашеные рыла», как в ярмарочном балагане,— отвратительные маски из ненавистного ему мира крепостничества, дворянства, самодержавия.

. . . .

На станции Спасская Полесть дождь загнал путешественника в первую попавшуюся избу.

Спать на лавке было непривычно — жестко, неудобно. Лежа в темноте, он услышал любопытную историю о государевом наместнике, которую рассказывал один из постояльцев.

В молодости будущий наместник «таскался по чужим землям» и пристрастился к устрицам. Когда стал он государевым наместником, «все подчиненные становятся мучениками». Во что бы то ни стало он должен есть устрицы!

«В правление посылается приказ, чтобы наряжен был немедленно курьер, которого он имеет в Петербург отправить с важными донесениями». Все знают, что курьер поскачет за устрицами, но тем не менее прогоны ему выдаются: «На казенные денежки дыр много....» Те, кто сумел ублажить царского наместника быстрой доставкой ему устриц, получают чины и награды...

. . . .

Путешественник крепко засыпает в кибитке, увозившей его со станции Спасская Полесть. Он видит сон.

Ему снится, что он — Царь, Шах, Хан, Король, Бай, Набаб, Султан «— или какое-то сих названий нечто, седящее во власти на Престоле...»

Главу его украшает лавровый венец, ничто не может сравниться с блеском его одежд. Вокруг престола с робким подобострастием стоят «чины государственные». В некотором отдалении толпится на-

род. Все трепетно молчат, — свидетельство того, что все подвластно его воле.

Вот он зевает от скуки, — и тотчас всех охватывает страх, почти ужас. Вот он чихает и криво улыбается, — и тотчас на лицах всех «развеялся вид печали». Все начали восклицать: «Да здравствует наш великий государь, да здравствует навеки!»

О нем говорили, что он «усмирил внешних и внутренних врагов, расширил пределы отечества, покорил тысячи разных народов своей державе...» Что он «обогатил государство, расширил торговлю, что он любит науки и художества... умножил государственные доходы, народ облегчил от податей... Он законодатель мудрый, судия правдивый... он вольность дарует всем....»

Приятно было слушать эти восхваления, и еще приятней было видеть, как быстро исполняются его приказания.

Все рукоплескали ему, — одна только женщина в простом платье, с суровым лицом «испускала вздохи скорби и являла вид презрения и негодования»... Это была никому из присутствующих неизвестная странница, называвшая себя Прямовзорой и «глазным врачом»...

«Я есть Истина», — говорит она и снимает бельма с глаз царя.

Теперь «все вещи представятся днесь в естественном их виде взорам твоим»...

«Не убойся гласа моего николи[1], — говорит Истина царю.—Если из среды народныя возникнет муж, порицающий дела твоя, ведай, что той есть твой друг искренний; чуждый надежды мзды, чуж-

---

[1] Николи — никогда.

дый рабского трепета, он твердым гласом возвестит меня тебе. Блюдись и не дерзай его казнити, яко общего возмутителя. Призови его, угости его, яко странника. Ибо всяк, порицающий Царя в самовластии его, есть странник земли, где все пред ним трепещет...»

И Царь увидел, что его блестящие одежды замараны кровью и омочены слезами. Военачальник, посланный на завоевание, утопал в роскоши и веселии, а воины «почиталися хуже скота...» Царское милосердие было предметом торговли. Вместо того чтобы называть царя милосердным, народ называл его обманщиком, ханжою и «пагубным комедиантом»...

«Сколь прискорбно было видеть, что щедроты мои изливались на богатого, на льстеца, на вероломного друга, на убийцу... на предателя... Теперь ясно я видел, что знаки почестей, мною раздаваемые, всегда доставалися в удел недостойным...»

«Властитель мира, если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается...»

Поистине невиданный образ Царя открылся путешественнику в его сне: Царь с бельмами на глазах, в одеждах, обрызганных кровью, омоченных слезами, Царь, которого в народе называют обманщиком, ханжою, комедиантом!.. Как не похоже все это на тот образ царской особы, который в блеске и славе вставал перед взором восхищенных смертных в звучных строках прославленных одописцев!

. . . .

На станции Подберезье путешественник беседует с молодым семинаристом, критикующим схоласти-

ческую систему образования. Радостно встретить проблеск молодой, пытливой мысли, рвущейся из тенет схоластики к жизни! В рукописи, оставленной семинаристом, путешественник читает волнующие слова:

«Блажен писатель, если творением своим мог просветить хотя единого, блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель...»

. . . .

Новгород... Старинный русский город.

Выйдя из кибитки и стоя на мосту, путешественник смотрел на Волхов, вспоминая новгородскую вольность.

Здесь же перед путешественником проходят отвратительные фигуры купцов — наглых, жадных хищников с их темными плутнями, стяжательством и жестоким бездушием.

Прочь от них! Лети, кибитка, вперед...

. . . .

Станция Зайцево. Путешественник встречает своего давнишнего приятеля по фамилии Крестьянкин, исполнявшего должность председателя уголовной палаты.

Велико было удивление путешественника, когда он узнал, что Крестьянкин оставил службу и намерен жить в отставке. Крестьянкин рассказал о причинах, вынудивших его оставить службу.

В губернии, где он служил, проживал некий дворянин, подвизавшийся в свое время при дворе. Он был истопником, потом лакеем, камер-лакеем, мундшенком...[1] Выйдя в отставку в чине коллежского асессора[2], этот новоиспеченный дворянин ку-

[1] Мундшенк — придворный служащий, заведывавший винным погребом.

[2] Асессор — чин в царской России.

пил деревню, где и поселился со своей семьей. Он считал себя существом высшего чина, крестьян же почитал скотами.

«Он отнял у них всю землю, — рассказывал Крестьянкин, — скотину всю у них купил по цене, какую сам определил, заставил работать всю неделю на себя, а дабы они не умирали с голоду, то кормил их на господском дворе, и то по одному разу в день... Если который казался ему ленив, то сек розгами, плетьми, батожьем или кошками... Сожительница его полную власть имела над бабами. Помощницами в исполнении ее велений были ее сыновья и дочери... Плетьми или кошками секли крестьян сами сыновья. По щекам били или за волосы таскали баб и девок дочери...»

«Я приметил из многочисленных примеров, — продолжал Крестьянкин, — русский народ очень терпелив, и терпит до самой крайности; но когда конец положит своему терпению, то ничто не может его удержать...»

Так случилось и с асессором. Один из его сыновей изнасиловал крестьянскую девушку. Жених этой девушки избил «дворянчика». Асессор решил примерно наказать и невесту, и жениха, и его старика-отца. За них вступились все крестьяне. Они окружили ненавистных господ и, «коротко сказать, убили их до смерти на том же месте...»

Дело слушалось в уголовной палате. Перед судом предстала половина деревни. Крестьянкин не считал крестьян виновными. По его мнению, они совершили вынужденное убийство.

«Невинность убийц, для меня по крайней мере, была математическая ясность».

Он открыто заявил о своем мнении.

Наказание крепостного в присутствии помещика.

«Человек родится в мире равен во всем другому... Гражданин, в каком бы состоянии небо родиться ему ни судило, есть и пребудет всегда человек...»

Все дворяне-крепостники отвернулись от Крестьянкина, а он, не найдя способов спасти невинных убийц, оправданных им в своем сердце, и не желая быть сообщником их казни, вышел в отставку, — и вот едет «оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния»...

. . . .

На станции Крестьцы путешественник оказался невольным свидетелем расставания незнакомого ему дворянина со своими сыновьями, которым «несчаст-

ный предрассудок дворянского звания» велел итти на службу.

Отпуская своих птенцов из родного гнезда, дворянин говорил им: «Не ропщите на меня, если будете иногда осмеяны, ...что стоите, как телу вашему покойнее, а не как обычай или мода велит; что одеваетеся не со вкусом, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя[1]... Не ропщите, если будете небрежены[2] в собраниях... но вспомните, что вы бегаете быстро, что плаваете не утопляяся, что подымаете тяжести без натуги, что умеете водить соху, вскопать гряду, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять. Не опечальтеся, что вы скакать не умеете, как скоморохи...»

Этот дворянин воспитал своих сыновей в правде, честности, естественности, и теперь он предостерегал их от лености, нескромности, неумеренности...

Гражданской и общественной доблести поучает крестицкий дворянин своих сыновей:

«— Если бы закон, или государь, или бы какая-либо на земли власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной непоколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою, и если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков... Удаляйтеся, колико то возможно, даже вида раболепствования...»

---

[1] Чесатель — парикмахер.
[2] Небрегу — пренебрегаю.

Не часто доводилось путешественнику слышать в дороге слово правды и добра из уст дворян.

Крестицкий дворянин и господин Крестьянкин— единственные в книге положительные образы дворянства, и оба они стоят в явной оппозиции к помещичье-дворянскому обществу.

. . . .

Станция Едрово.

Выйдя из кибитки, путешественник увидел толпу крестьянских женщин и девушек в праздничных одеждах на берегу реки. Любуясь их веселым, здоровым видом, он невольно сравнивал сельских красавиц с городскими жеманницами.

«У вас, — думал он, обращаясь в мыслях к последним, — на щеках румяна, на сердце румяна, на совести румяна, на искренности... сажа... Вам смешно, что у них ступни в пять вершков, а, может быть, и в шесть. Ну, любезная моя племянница, с трехвершковой твоей ножкою, стань с ними рядом и беги взапуски: кто скорее достигнет высокой березы, по конец луга стоящей? А... это не твое дело!..»

Здесь он встретил крестьянскую девушку Анюту и разговорился с ней. Он был растроган скромностью девушки, правдивостью ее суждений, чистотою и искренностью ее души. Он хотел было дать Анюте на свадьбу денег, но она и ее старуха-мать отказались — твердо, с достоинством — принять незаслуженный подарок. И в мыслях он сравнивал эту «почтенную мать с засученными рукавами за квашнею или с подойником подле коровы» с матерями городских красавиц, готовыми за деньги или богатое приданое продать честь своих дочерей...

. . . .

Подъехав к Хотиловскому яру, вылезая из ки-

битки, путешественник поднял с земли сверток бумаг. В этом свертке он нашел рукопись — «Проект в будущем», неизвестно кем написанный. Тотчас погрузился он в чтение «Проекта».

В слова придуманного им «неизвестного автора» Радищев вложил страстное и гневное осуждение крепостного права, призыв бороться с ним.

«Зверский обычай порабощать себе подобного человека, возродившийся в знойных полосах Азии,— обычай диким народам приличный... простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко. И мы... пораженные невежества мраком, восприняли обычай сей, и ко стыду нашему... сохранили его нерушимо даже до сего дня.

«— ...Земледельцы и до днесь между нами рабы; мы в них не познаем сограждан, нам равных, забыли в них человека...»

«— ...Кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец нашея тощеты, насытитель нашего глада, тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжаться ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит...»

«— ...Может ли государство, где две трети граждан лишены гражданского звания и частию в законе мертвы, назваться блаженным? Можно ли назвать блаженным гражданское положение крестьянина в России?..»

С негодованием говорилось в «Проекте» о рабстве в Америке, где чернокожие невольники, «несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала[1]... вздирают обильные нивы Америки, трудов их гну-

[1] **Нигер и Сенегал** — реки в Западной Африке.

шающейся... Назовем блаженною страною, где сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова!..»

«— ...Нет ничего вреднее, как всегдашнее на предметы рабства воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой — робость...»

«— ...Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель...»

«—... Братия наши, во узах нами содержимые... ждут случая и часа. Колокол ударяет... Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие...»

Путешественник навел справки — кто проезжал незадолго перед ним. От почтальона он узнал, что это был человек, ехавший в Петербург и забывший на станции связку бумаг. Пока перепрягали лошадь, путешественник стал проглядывать и эти бумаги.

«Везде я обретал расположения человеколюбивого сердца, везде видел гражданина будущих времен... Целая связка бумаг и начертаний законоположений относилась к уничтожению рабства в России...»

В этих бумагах говорилось о необходимости дозволить крестьянам вступать в супружество, не требуя на то согласия своего господина, о восстановлении земледельца в звании гражданина, о совершенном уничтожении рабства...

. . . .

Путешествие продолжалось. В Вышнем-Волочке весело было глядеть на канал, по которому проплывали баржи с хлебом и другими товарами.

«Тут видно было истинное земли изобилие...»

Но радость при виде этого изобилия не могла

быть долгой: стоило только подумать о том, что «в России многие земледелатели не для себя работают; и так изобилие земли во многих краях России доказывает отягченный жребий ее жителей...»

Вспомнился один из известных путешественнику помещиков, который «славится, как знаменитый земледелец». Он, этот помещик, уподобил крестьян своих «орудиям, ни воли, ни побуждения не имеющим». Он отнял у них пашни и сенные покосы и заставил их, жен и детей их во все дни года работать на себя, выдавая на пропитание определенное количество хлеба — так называемую «месячину». «Неудивительно, что земледелие в деревне г. Некто было в цветущем состоянии...»

«Богатство сего ему не принадлежит. Оно нажито грабежом и заслуживает строгого в законе наказания...»

Нужно уничтожить «общественных злодеев», подобных этому помещику.

«Сокрушите орудия его земледелия; сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепл по нивам, на них же совершалося его мучительство...»

В этих словах с наибольшей силой выражено сочувствие Пугачевскому восстанию и звучит призыв к дальнейшей борьбе крестьян с помещиками.

В дороге путешественник продолжает читать «Проект в будущем». В руках его — «начертание положения о уничтожении придворных чинов».

«Многие государи возомнили, что они суть боги, и вся, его же коснутся, блаженно сотворят и пресветло... В такой дремоте величания власти возмечтали цари, что рабы их и прислужники, ежечасно предстоя взорам их, заимствуют их светозарности...»

В Торжке он встретился с человеком, намеревавшимся открыть в этом городе вольную типографию и мечтавшим не только о свободе книгопечатания, но и о свободе в цензуре.

«Цензура, — рассуждал он, — сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного... Недоросль всегда будет Митрофанушка, без дядьки не ступит, без опекуна не может править своим наследием. Таковы бывают везде следствия обыкновенной цензуры, и чем она строже, тем следствия ее пагубнее...»

По словам Гердера[1], «Книга, проходящая десять цензур прежде, нежели достигнет света, не есть книга, но поделка святой инквизиции; часто изуродованный, сеченный батожьем, с кляпом во рту узник, а раб всегда...»

Здесь путешествие перебивается отступлением. «Краткое повествование о происхождении цензуры» рисует мрачную картину угнетения свободной человеческой мысли с времен седой древности. Вот более близкие примеры: Фридрих II, король прусский, приставил двух цензоров к собранию собственных указов.

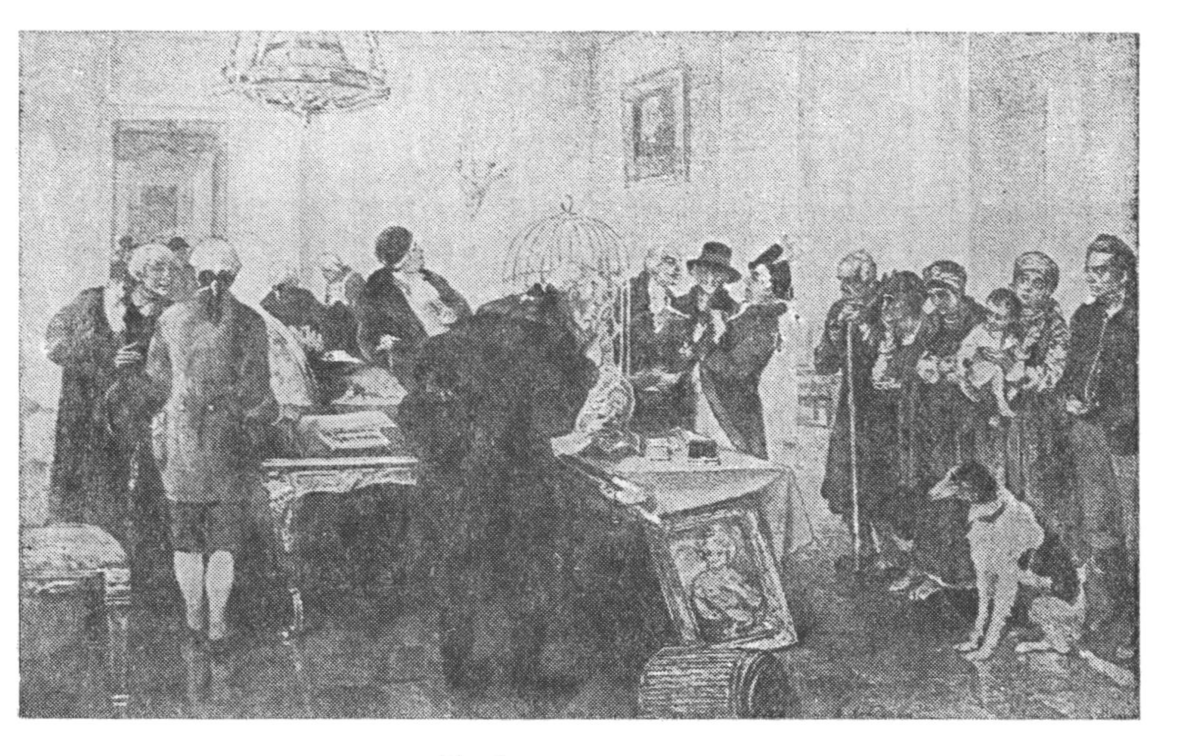
«О властвование! О всесилие!.. Ты боишься собственного своего обвинения, боишься, чтобы язык твой тебя не посрамил, чтобы рука твоя тебя не задушила...»

В этих словах — прямой намек на Екатерину и историю с ее «Наказом», давно уже ставшим запретной книгой.

Или вот другой пример: австрийский император

---

[1] И. Г. Гердер (1744—1803) — немецкий философ и поэт, примыкавший к немецкому просвещению.

Продажа крепостных.

Иосиф II, который, декларируя свое стремление к просвещению, «предлинное издал о цензуре наставление».

«Чему дивиться, скажем, и теперь, как прежде: он был царь. Скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?..»

. . . .

Скорбью и гневом исполнены страницы главы «Медное» — название почтовой станции верстах в тридцати от Торжка.

В этой главе говорится о продаже крепостных крестьян. В «Ведомостях» публикуется, что имение «отставного капитана Г. продается с публичного торга за долги. Продается дом и при нем шесть душ мужского и женского пола... Желающие могут осмотреть заблаговременно».

Вот они, эти души. Старик, лет семидесяти пяти, с отцом своего господина он был в Крымском походе, во время Франкфуртской баталии вынес раненого своего господина с поля боя. Возвратясь домой, был дядькою молодого барина, с опасностью для жизни спас его из реки; в годы его беспутной юности выкупил из тюрьмы, куда тот был посажен за долги...

Вот старуха, жена старика, — она была кормилицей матери своего молодого барина, его нянькою, «имела надзирание над домом...»

Вот кормилица молодого барина, — она и до сих пор чувствует к нему некоторую нежность. Вот девушка, лет 18, ее дочь и внучка стариков, — жертва его преступной страсти...

Все они будут проданы, может быть, попадут в разные руки.

45

О! вы щастливыя народы,
Гдѣ случай вольность даровалъ!
Блюдите даръ благой природы,
Въ сердцахъ что вѣчный начерталъ.
Се хлябь разверстая, цвѣтами
Усыпанная подъ ногами,
У васъ. готова васъ сглотити
Не забывай ни на минуту
Что крепость силъ въ немощность люту
Что свѣтъ во тьму, льзя претворити

46

Къ тебѣ душа моя воспаленна,
Къ тебѣ словутая страна
Стремится; гнетомъ гдѣ согбенна
Лежала вольность попранна,
Ликуешь ты? а мы здѣсь страждемъ!!
Того жъ, того жъ и мы всѣ жаждемъ.
Примѣръ твой мѣту обнажилъ;
Твоей я славы не причастенъ,
Позволь, коль духъ мой не подвластенъ,
Чтобъ брегъ твой, пепелъ хотя мой скрылъ!

Страница рукописи оды «Вольность».

С горем и стыдом проходит путешественник мимо этих несчастных людей...

. . . .

Тверь.

В страшный мир рабства и насилия, нужды и горя врываются гремящие, как звуки набата, яростные строки оды «Вольность»:

О! дар небес благословенный,
Источник всех великих дел;
О! вольность, вольность, дар бесценный!
Позволь, чтоб раб тебя воспел.
Исполни сердце твоим жаром,
В нем сильных мышц твоих ударом
Во свет рабства тьму претвори,
Да Брут и Телль еще проснутся,
Седяй во власти, да смятутся
От гласа твоего цари!..

Эти стихи путешественник будто бы услышал из уст «неизвестного стихотворца», с которым, за обедом в Твери, разговорился о российской поэзии.

«За одно название отказали мне издание сих стихов,—сказал поэт. — Но я очень помню, что в Наказе о сочинении нового уложения, говоря о вольности, сказано: «вольностию называть должно то, что все одинаковым повинуются законам». Следственно, о вольности у нас говорить вместно...»

. . . .

Мчится кибитка вперед...

«...В дороге складнее поспешать на почтовых клячах, нежели карабкаться на Пегаса[1], когда он с норовом...»

---

[1] Пегас — крылатый конь из древнегреческой мифологии, символ поэтического вдохновения.

Подъезжая к деревне Городня, путешественник увидел толпу плачущих женщин, детей и стариков. Провожали рекрутов, собравшихся сюда из окрестных казенных и помещичьих селений.

Странно было видеть среди общего плача и уныния веселое и бодрое лицо человека лет тридцати, стоявшего в толпе.

«Теперь буду хотя знать, — говорил он, — что жребий мой зависеть может от доброго или худого моего поведения... Одна мысль утешает, что без суда батожьем наказан не буду».

Это был «господский человек», — история его такова. Сын крепостного дядьки своего господина, он был воспитан старым барином, человеком добросердечным и разумным, наравне с барским сыном. Чему учили молодого барина, тому учили и его. На семнадцатом году жизни их обоих отправили за границу. Старый барин обещал дать вольную сыну своего верного слуги по возвращении его из-за границы. Они пробыли на чужбине пять лет и уже возвращались домой, когда получили известие о смерти старого барина. Молодой обещал свято исполнить волю своего отца. Приехав в Москву, он женился на девице «изрядной» лицом, но со «скареднейшей душой и сердцем жестким». Все мгновенно изменилось в жизни крепостного. Его тотчас лишили права сидеть за одним столом с господами, выгнали из отдельной комнаты, которую он занимал, надели на него лакейскую ливрею.

«Малейшее мнимое упущение сея должности влекло за собою пощечины, батожье, кошки... О государь мой, лучше бы мне не родиться!.. Лучше бы мне было возрасти в невежестве, не думав никогда, что есмь человек, всем другим равный...»

Когда его хотели насильно женить на горничной, изнасилованной племянником барыни, и он отказался, его высекли на конюшне кошками и отдали в солдаты.

«Мне было то отрада, и как скоро мне выбрили лоб, то я почувствовал, что я переродился...»

В толпе путешественник увидел трех закованных в кандалы людей.

«Они принадлежали одному помещику, которому занадобились деньги на новую карету, и для получения оной он продал их для отдачи в рекруты...»

«Вольные люди, ничего не преступавшие, в оковах продаются, как скоты! О законы! Премудрость ваша часто бывает только в вашем слоге! Не явное ли се вам посмеяние?..»

С могучей пророческой силой звучит замечательное предвидение судеб России.

«О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ, и кровию нашею обагрили нивы свои! что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени; но были бы они других о себе мыслей и права угнетения лишены. Не мечта сие, но взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие...»

. . .

Станция Завидово. Лошади были уже впряжены в кибитку, как вдруг на улице поднялся невообразимый шум и суета. Солдат в гренадерской шапке,

с плетью в руке требовал лошадей для проезжего вельможи.

«Его превосходительству с честною его фамилией потребно пятьдесят лошадей, а у нас только тридцать налицо, другие в разгоне!» — оправдывался староста. — «Роди, старый чорт! А не будет лошадей, то я тебя изуродую». И плеть загуляла по плечам старика...

«Повозки его превосходительства запряжены были не более как в четверть часа... И поскакали они на крыльях ветра...»

«Блаженны в единовластных правлениях вельможи! Блаженны украшенные чинами и лентами! Вся природа им повинуется. Даже несмысленные скоты угождают их желаниям, и, дабы им в путешествии зевая не наскучилось, скачут они, ни жалея ни ног, ни легкого... Кто ведает из трепещущих от плети, им грозящей, что тот, во имя коего ему грозят... в душе своей он скареднейшее[1] есть существо; что обман, вероломство, предательство, блуд, отравление, татьство[2], грабеж, убийство не больше ему стоят, как выпить стакан воды; что ланиты[3] его никогда от стыда не краснели, разве от гнева или пощечины; что он друг всякого придворного истопника и раб едва-едва при дворе нечто значащего...»

. . . .

В Клину, на земле у постоялого двора, сидел слепой старик, окруженный толпой ребятишек и молодых парней. Он пел старинное, трогатель-

---

[1] Скаредный — в данном случае — гнусный.

[2] Тать — вор.

[3] Ланиты — щеки.

Поющие слепцы. Рисунок И. Ерменева.

но-наивное сказание об «Алексее божьем человеке».

«— Как было во городе во Риме, там жил да был Евфимиам князь...»

В молчании слушали собравшиеся трогательную историю, и у многих по лицу текли слезы.

Растроганный путешественник протянул слепому певцу рубль, но тот смиренно отказался от него. «Возьми его назад, добрый господин, и ты и я с

твоим рублем можем сделать вора...» Но с благодарностью принял он из рук крестьянки кусок пирога.

Простая и ясная мудрость, смирение и незлобивость старика глубоко взволновали путешественника.

. . . .

Как ни торопился он поскорее добраться до цели своей поездки, голод заставил его остановиться в деревне Пешки и, зайдя в избу, пообедать куском жареной говядины, взятой с собой в дорогу. Потом он налил себе чашку кофе и «услаждал прихотливость... плодами пота несчастных африканских невольников», то-есть пил кофе с сахаром.

Месившая квашню хозяйка подослала к нему маленького мальчика — попросить кусочек «боярского кушанья».

«— Почему боярское?» — спросил путешественник, отдавая ребенку остаток сахара: «— Неужели и ты его употреблять не можешь?»

«— Потому и боярское, что нам купить его не на что, и бояре его употребляют для того, что не сами достают деньги. Правда, что и бурмистр[1] наш, когда ездит к Москве, то его покупает, но также на наши слезы».

«— Разве ты думаешь, что тот, кто употребляет сахар, заставляет вас плакать?»

«— Не все, но все господа дворяне. Не слезы ли ты крестьян своих пьешь, когда они едят такой же хлеб, как и мы?»

И она показала на тесто, которое месила в

---

[1] Бурмистр — в крепостной России управляющий имением.

квашне. Оно состояло из трех четвертей мякины и одной части несеяной муки...

С грустью осматривал путешественник убогую обстановку крестьянской избы, словно впервые увидел ее...

Потолок и стены, до половины покрытые сажей, пол весь в щелях, на вершок заросший грязью, печь без трубы, наполняющая утром и вечером избу дымом, окна, затянутые пузырем. Два-три горшка, деревянная чашка и кружка, стол, рубленный топором, корыто для свиней и телят, которые спят тут же, в избе, кадка с квасом... И на обитателях этой избы — посконные рубахи, обувь, «данная природой», то-есть огрубелая кожа босых ног...

«Вот в чем почитается, по справедливости, источник государственного избытка, силы, могущества... Тут видна алчность дворянства, грабеж, мучительство наше и беззащитное нищеты состояние. — Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянину мы оставляем? то, чего отнять не можем, — воздух!.. Се жребий заклепанного во узы, се жребий, заключенного в смрадной темнице, се жребий вола во ярме...»

. . . .

«Путешествие» начато песней ямщика. Заканчивается оно прочувствованным «Словом о Ломоносове», в котором гордо и сильно звучит восхваление русского языка — «слова российского племени».

«Не камень со иссечением имени твоего пренесет славу твою в будущие столетия, — восклицает Радищев, обращаясь к Ломоносову. — Слово твое, живущее присно и во веки в творениях твоих, слово российского племени, тобою на языке нашем обно-

вленное, прелетит во устах народных за необозримый горизонт столетий... Доколе слово российское ударять будет слух, ты жив будешь и не умрешь...»

«Мужицкий» сын, Ломоносов, этот могучий гений, вышедший «из среды народной», был в глазах Радищева наглядным свидетельством того, что будущее русской культуры — в русском народе.

Народ томился в оковах рабства, но придет время, он разобьет оковы, и могучие силы, таящиеся в нем, создадут новую жизнь — свободную, разумную, счастливую!..

. . . .

Путешествие закончено.

«Вот уже Всесвятское... Если я тебе не наскучил, то подожди меня у околицы, мы повидаемся на возвратном пути. Теперь прости! — Ямщик, погоняй!

Москва! Москва!!!...»

* * *

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй...»

Эти слова Радищев поставил в начале своей книги.

Чудище — самодержавие и крепостное право; облое, то-есть тучное, отъевшееся на даровых хлебах, опившееся народной кровью; огромное — охватившее две трети народа; озорное — разнузданным, безответственным произволом помещиков с их ненасытной жадностью.

В своей книге Радищев призывал бороться с этим чудищем.

Уничтожить крепостное право, истребить позор-

ное звание раба! Эта мысль проходит как основная через все главы «Путешествия». В неуклонном развитии этой мысли — классовая сущность книги. С лютой ненавистью писал Радищев о дворянах-крепостниках, называя их «зверями алчными» и «пиявицами ненасытными». А о крестьянах говорил, что хотя они «в законе мертвы», то-есть бесправны, но имеют такую же душу, как люди высших классов, и могут создать себе счастливую жизнь. И он звал их к решительной, беспощадной борьбе за эту жизнь, указывал верный путь победы — народное восстание.

«Зовите его (помещика-дворянина) вором, — призывал он, — сокрушите орудия его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по нивам, на них же совершалось его мучительство».

Радищев пламенно верил в могучую созидательную силу русского народа.

Эта вера давала ему возможность предвидеть, что в России разразится революционная буря, которая сделает русский народ счастливым и свободным навсегда.

В «Путешествии» Радищев выступал убежденным, яростным врагом самодержавия. Он считал, что носителем верховной власти является народ, и настойчиво разъяснял на страницах своей книги, что все люди имеют одинаковые права на жизнь и счастье, что порабощение народа — преступление.

Идеал Радищева — полное равенство в имуществах. Как достичь этого равенства? Он считал, что сначала нужно бороться за уничтожение крепостного строя, потом за политическую свободу и, наконец,

М. В. Ломоносов

за такое переустройство общества, чтобы не было ни богатых, ни бедных.

Голос Радищева прозвучал пророческим и грозным предостережением всем угнетателям народа. Радищев вскрывал язвы лжи и лицемерия окружающей его жизни, беспощадно бичевал произвол и насилие власть имущих и неустанно указывал народу путь борьбы за свободу.

От лица всего народа выступает он против рабовладельцев и их правительства с призывом к народной революции. Ясно и убедительно доказывает он, что крепостное право преступно, незаконно. Со всей страстью убежденного революционера требует он его уничтожения. Против насилия, утверждает Радищев, есть лишь один способ борьбы — насилие.

Книга Радищева — обвинительный акт потрясающей силы против дворянства. Радищев все время подчеркивает, что помещичье-дворянскому классу несвойственны никакие добродетели, что дворяне утеряли право на звание человека и гражданина.

Все зло жизни, всю ее неправду и несправедливость Радищев связывает с самодержавно-крепостническим строем.

Он первый приходит к мысли, что народ, крестьянство, является той революционной силой, с помощью которой должно быть свергнуто самодержавие.

Не случайно поэтому, что крепостное крестьянство привлекает к себе его страстное внимание. В «Путешествии» перед читателем проходят цари и вельможи, придворные и помещики, чиновники и купцы. Этому темному миру угнетателей Радищевым

противопоставлены образы крестьян, людей из народа, их жизнь и быт, их богатый и чистый духовный мир.

Русский народ, порабощенный, угнетенный, но таящий в себе могучие созидательные силы, умный, добрый, честный, трудолюбивый народ, — вот кто является подлинным героем книги Радищева, героем, к которому читатель проникается любовью и уважением, за горестной и тяжелой судьбой которого начинает следить с неизменным волнением и сочувствием, накапливая в душе ненависть и презрение к его врагам, героем, в светлое будущее которого читатель начинает верить, прочитав книгу.

То же самое происходит и с путешественником, который в продолжение своей поездки из Петербурга в Москву не сразу, а постепенно, сталкиваясь с обнаженной правдой жизни, приходит от иллюзорных надежд на преобразовательную деятельность просвещенного монарха к убеждению в необходимости народной революции, которая одна только может привести к свержению самодержавия, к раскрепощению народа.

Помимо своей революционной направленности, общественно-историческая ценность «Путешествия» состоит в том, что оно дает необычайно широкую картину русской жизни 90-х годов XVIII столетия. Экономические и культурные вопросы жизни страны, положение крестьянства, бюрократический царский аппарат управления, школа, печать, цензура, церковь и религия, женский вопрос, война и международная политика — все эти жгучие и злободневные вопросы, как и множество других, затронуты и освещены Радищевым в его книге с глубоким знанием современной ему русской жизни.

«Путешествие» замечательно также предвидением великого будущего русского народа и грядущей победы тех бессмертных идей, провозвестником которых явился Радищев. Именно в этом плане «Путешествие» представляет собою выдающееся явление не только в русской, но и во всей европейской литературе XVIII столетия.

С прозорливостью, свидетельствующей о способности Радищева к глубокому социальному анализу современных ему событий, разоблачает он в «Путешествии» лживую буржуазную «демократию» в Америке.

Радищев приветствовал американскую революцию 1776—1783 годов, войну североамериканских колоний с англичанами за свою национальную независимость, — войну, которую Ленин назвал одной из первых «действительно освободительных, действительно революционных войн...»[1]

Радищев очень скоро разглядел подлинное лицо американской буржуазной «демократии» и с возмущением и гневом революционного правдолюбца и борца за свободу порабощенного человечества сорвал в своей книге (глава «Хотилов») маску с «блаженной страны», где «сто гордых граждан утопают в роскоши, а тысячи не имеют надежного пропитания, ни собственного от зноя и мраза укрова...»

Замечательны и мысли о воспитании молодых поколений, высказанные Радищевым в «Путешествии» (глава «Крестьцы»). Эти мысли, по словам М. И. Калинина, «и по сей день могут считаться

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. XXIII, изд. 3-е, «Письмо к американским рабочим», стр. 176.

прогрессивными». С глубоким сочувствием рисует Радищев образы двух молодых людей, носителей передовых идей — сыновей крестицкого дворянина, воспитанных им в духе подлинного патриотизма. Эти молодые люди, воспитанные в ненависти и презрении к угнетателям, тунеядцам, сочетают в себе широкую образованность с навыками к физическому труду. Они скромны, естественны, исполнены внутреннего достоинства. В их образе воплощена мечта Радищева о тех поколениях молодежи, которым придется бороться за воплощение в жизнь благородных идей правды, свободы и добра, строить иную — разумную, свободную, справедливую жизнь.

Наконец, значение «Путешествия» определяется не только его социально-политической направленностью, но и его художественными достоинствами.

Радищев выступает в своей книге как писатель-реалист, как смелый новатор, и в этом плане его книга — одно из интереснейших явлений русской художественной литературы.

Своим «Путешествием» Радищев открывает дорогу развитию русской реалистической литературы. Он стремится придать повествованию живость и с этой целью избирает наиболее гибкую форму дневниковых записей, путевых записок, короткие, острые характеристики встретившихся в дороге людей, случайно подслушанные разговоры, схваченные на лету сценки, дорожные наблюдения и впечатления — все это сливается в одну реалистическую картину русской жизни, создает ощущение жизненной правды.

Язык «Путешествия» весьма разнообразен. Мы слышим то сочную и образную народную речь, то

пламенный голос революционной прокламации, встречаем то сжатый и точный язык документа, то лирическое отступление, исполненное взволнованного чувства.

В дореволюционной литературе о Радищеве всегда указывалось на несамостоятельность, «подражательность» «Путешествия» западноевропейским образцам.

В качестве наиболее убедительного довода указывалось на то, что в письме к Шешковскому Радищев сообщал, что еще во время своей работы в таможне он в числе книг по коммерческим вопросам купил «Историю о Индиях» Рейналя[1].

«Я начал ее читать в 1780 или 1781 году. Слог его мне понравился. Я высокопарный его штиль почитал красноречием, дерзновенные его выражения почитал истинным вкусом, и, видя ее общечитаемою, я захотел подражать его слогу...»

Служебные дела, а затем смерть жены отвлекли его от чтения книги.

«Не прежде, как в 1785 г., я начал паки упражняться в чтении и недочтенного Реналя окончил...»

Указывалось и на то, что в одном из своих показаний Радищев ссылается еще на один «источник» своего «Путешествия»:

«Первая мысль написать книгу в сей форме пришла мне, читая путешествие Иорика («Сентиментальное путешествие» Лоренса Стерна[2]); я так ее и начал. Продолжая ее, на мысль мне пришли мно-

---

[1] Г. Рейналь (1713—1796) — французский философ, историк, один из видных «просветителей».

[2] «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии» английского писателя Лоренса Стерна (1713—1768).

гие случаи, о которых я слыхивал, и, дабы немного рыться, я вознамерился их поместить в книгу сию...»

Таковы свидетельства самого Радищева: во-первых, о том, что образцом идейно-политического порядка ему послужила книга Рейналя «История двух Индий», и во-вторых, о том, что образцом формы повествования он взял книгу Л. Стерна «Сентиментальное путешествие». Этим самым он как бы подчеркивал, что его книга — всего лишь подражание чужеземным образцам, получившим всеобщее признание.

Так ли это? Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, что представляют собою эти две книги.

Знаменитая в свое время книга Рейналя посвящена в основном теме колониального рабства. Написанная при участии Дидро и ряда других передовых мыслителей, она была одним из самых радикальных произведений французской просветительной мысли и в 1781 году была приговорена парижским парламентом к сожжению рукою палача.

Книга Рейналя — полное название ее: «Философская и политическая история поселения и торговли европейцев в двух Индиях» — была направлена в основном против эксплоатации колониальных народов европейскими завоевателями и против церкви как вдохновителя и участника кровавого грабежа.

Рейналь обращался к гуманности просвещенного общества и призывал порабощенные народы к борьбе, к сопротивлению, утверждая право на человеческое существование для негров или индусов.

В пятом томе «Истории двух Индий» Рейналь пишет о России. Он пишет, что в России в рабстве

находится вся страна, и добавляет, что взаимоотношения подданных с монархом таковы, что «отчаяние или другое, более благородное чувство могут каждую минуту поднять их против него...»

В частности, Рейналь упоминает о молодых людях, которых посылают для получения образования за границу и которые по возвращении «не имеют возможности применить свои дарования и вынуждены занять подчиненное положение, чтобы себя прокормить...»

Все это по мысли и по духу было близко Радищеву.

Но тем не менее Радищев совершенно самостоятелен и самобытен в своей книге. Его даже трудно сопоставлять с Рейналем. По глубине предвидения исторических судеб родного народа, по смелости и резкости обличения его поработителей, по революционной направленности своего призыва к борьбе с самодержавием Радищев не имеет равных себе в литературе того времени.

Еще меньше оснований говорить о сколько-нибудь серьезном влиянии Стерна на книгу Радищева. Чтение «Сентиментального путешествия» могло подсказать Радищеву избрать для своей книги живую форму путевых записок, но во всем остальном— и особенно в идейном плане — его книга прямо противоположна книге англичанина Стерна. Тогда как Стерн с иронической ужимкой раскрывает перед читателем тончайшие движения своей души, когда он, не утрачивая иронии, сентиментально умиляется или соболезнует, Радищев мужественно и смело выражает свое негодование, протестует, всеми силами души сочувствует страданиям порабощенных людей.

В центре внимания Радищева не описание своих душевных переживаний, а изображение того, что он видит и слышит, с чем сталкивается на своем пути. «Путешествие» становится галлереей жутких, зловещих картин произвола, гнета и насилия.

Таким образом, утверждение Радищева, что он хотел всего лишь «подражать слогу» Рейналя и написать книгу «в форме» «Путешествия Иорика» было одним из средств самозащиты в его негласном поединке с невежественным Шешковским. Здесь, так же как и в утверждении, что он написал книгу с целью извлечения «прибыли», Радищев сознательно «кривил душой».

Свидетельство Радищева «о подражательности» «Путешествия» было подхвачено его буржуазными исследователями, пытавшимися утвердить тезис о несамостоятельности Радищева и тем самым принизить и умалить революционное значение и самобытность его книги, затушевать ее классовую направленность.

* * *

«Если я найду кого-либо, кто намерение мое одобрит, кто сострадает со мною над бедствиями собратии своей, кто в шествии моем меня подкрепит, — не сугубый ли плод произойдет от подъятого мною труда?» — спрашивает Радищев на первой же странице «Путешествия из Петербурга в Москву».

Книга Радищева просветила не одного читателя, а многих, и многие «одобрили его намерение».

«Путешествие» прозвучало, как набат в сумраке ночи, пробуждая в сердцах одних надежду, веру в победу над рабством и заставляя других с злобным страхом вглядываться в грядущее.

«Путешествие» воспринималось как открытый призыв к восстанию. Княгиня Е. Р. Дашкова так и называла книгу Радищева — «набат революции». Пушкин впоследствии назвал «Путешествие» «сатирическим воззванием к возмущению».

Как оценивала книгу Екатерина, мы знаем: она считала Радищева «хуже Пугачева», считала, что он «наполнен и заражен французским заблуждением, ищет всячески и выищивает все возможное к умалению почтения к власти и властям, к приведению народа в негодование противу начальников и начальству», что страницы радищевской книги «совсем противны закону божию, десяти заповедям, святому писанию, православию и гражданскому закону», что сочинитель «клонится к возмущению крестьян противу помещиков, войск противу начальства» и т. д. и т. п.

С ненавистью, страхом и злобой относились к «Путешествию» помещики-крепостники.

На одном из его рукописных списков, хранящемся в Ленинградской публичной библиотеке, бывший владелец списка написал:

«Ты не благонамеренный автор, а бунтовщик, петля для слабоумных. Мало, что Великая Екатерина тебя сослала — следовало повесить...»

Характерно отношение к «Путешествию» масонских кругов. Известный масон Н. Н. Трубецкой писал другу Радищева Алексею Кутузову:

«Теперь скажу тебе, что посвятивший тебе некогда книгу и учившийся с тобой в Лейпциге находится под судом за дерзновенное сочинение, которое, сказывают, такого рода, что стоит публичного и самого строгого наказания. Вот, мой друг, ветреная и

гордая его голова куды завела, и вот следствие обыкновенно быстрого разума, не обоснованного на христианских правилах...»

Но было к книге Радищева и иное отношение.

С первых же дней своего появления на свет «Путешествие», ставшее запретным плодом, читалось с жадностью и интересом. Его искали, за ним охотились.

Малое количество сохранившихся экземпляров книги заставляло желавших прочесть ее переписывать книгу от руки.

Именно это отношение широких кругов читателей к «Путешествию» дало возможность Пушкину сказать, что «Радищев, рабства враг, цензуры избежал».

Самый ценный из сохранившихся экземпляров первого издания «Путешествия» хранится ныне в Пушкинском музее в городе Пушкине. Этот экземпляр принадлежал А. С. Пушкину. Переплетен он в красный сафьян с золотым тиснением и золотым обрезом. На этом экземпляре рукою Пушкина написано:

«Экземпляр, бывший в Тайной канцелярии, заплачено двести рублей».

Судя по тому, что почти все сохранившиеся экземпляры «Путешествия» тщательно и красиво переплетены, книгой дорожили и любовно берегли ее.

Второе издание «Путешествия» в полном объеме было напечатано лишь через 68 лет после первого — Герценом в Лондоне.

В 1872 году было уничтожено издание «Сочинений А. Н. Радищева» под редакцией П. А. Ефремова,

Карта путешествия А. Н. Радищева.

в 1903 году — издание «Путешествия» под редакцией П. А. Картавова. Известному издателю А. С. Суворину удалось в 1888 году напечатать «крамольную» книгу в количестве 100 экземпляров для «избранных» по непомерно высокой цене.

Страх царской власти перед «Путешествием» был настолько велик, что в России оно увидело свет только в 1905 году, то-есть без малого через 120 лет

после своего появления в книжной лавке Герасима Кузьмича Зотова.

И только ныне, в годы советской власти, книга Радищева стала достоянием действительно широких читательских кругов, и Академия наук предприняла издание полного собрания его сочинений.

«...Советская власть, — писал М. И. Калинин, — не жалела средств, чтобы сделать общенародным достоянием всё лучшее, что создано человеческим разумом. Тиражом в десятки и сотни тысяч выпускались сочинения... Радищева, Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова...»[1]

За годы советской власти «Путешествие» Радищева издано тиражом около 400 тысяч экземпляров. В юбилейные дни 1949 года советскими издательствами выпущено еще несколько изданий бессмертной книги.

* * *

Считалось достойным удивления, что Радищев напечатал свою книгу, не боясь грозившего ему наказания.

В дореволюционной литературе о Радищеве высказывались предположения, что он, ведя уединенную жизнь в семейном кругу, деля время между семьей, службой и литературными занятиями, не заметил будто бы того обстоятельства, что Екатерина, напуганная Пугачевым, американской революцией и революцией во Франции, готова была безжалостно уничтожать все, что сколько-нибудь напоминало вольность.

---

[1] М. И. Калинин, О моральном облике нашего народа, стр. 22. Госполитиздат, 1947 г.

Эти предположения не только неверны, но, по существу, и реакционны, так как они стремятся свести на-нет революционную значимость подвига Радищева.

Наблюдательный, хорошо осведомленный Радищев отлично разбирался в окружавшей его действительности. Он не страшился трудностей и опасностей борьбы. Он не мог молчать.

Он был не только писателем-гуманистом, с душой, «уязвленной» зверствами крепостного права, — он был сознательным борцом-революционером.

«Заквас, воздымающий сердце юности», с годами превратился в полностью сложившееся мировоззрение, в глубоко осознанную революционную убежденность. Радищев твердо знал, что спасения нужно ждать не от милости царей, а добиваться его революционным путем — путем народного восстания.

Более того, представляется гораздо более вероятным, что Радищев именно поэтому и выступил со своей свободолюбивой книгой, что мрак тогдашней русской действительности казался особенно безнадежным.

Радищев считал необходимым именно в это время во весь голос заявить о том, что в крепостнической России есть живые силы борьбы и сопротивления, которым не страшны никакой гнет, никакое насилие.

Одно за другим появляются на свет его произведения — одно смелее и сильнее другого, бьющие в одну и ту же цель: «Житие Ушакова», «Письмо другу, жительствующему в Тобольске», «Беседа о том, что есть сын Отечества» и, нако-

нец, грозное и страстное «Путешествие из Петербурга в Москву».

Все это, как и то, что он пытался собирать силы молодых единомышленников, — продуманные шаги человека, стремящегося к практическому осуществлению своих идей.

Выступление Радищева с его «крамольной» книгой в той же мере достойно восхищения, как и мужество революционеров, которые шли следом за ним, путем борьбы, зная, что их ожидает тюрьма, ссылка, виселица.

Радищева интересовали не отвлеченные рассуждения о политическом строе государства, а практический вопрос: положение русских крестьян. Он требовал полного уничтожения крепостного права. И в этом отношении он шел несравненно дальше западноевропейских просветителей.

Вольтер в своем сочинении о поземельной собственности крестьян, присланном в Вольное экономическое общество, полагал, что освобождение крестьян — дело доброй воли дворян-помещиков.

Руссо считал, что освобождение крестьян — опасный шаг, и предлагал сначала «освободить души» их, то-есть просветить крестьян.

Радищев ставил вопрос об освобождении крестьян без всяких оговорок, ставил смело и решительно от лица русского народа. Он был не только философом-теоретиком: он стремился к тому, чтобы мысль претворить в дело народной борьбы с классовым врагом.

Наконец, никто из западноевропейских писателей не проявил такой смелости, как Радищев, отважившийся выступить со словом гнева и возмущения в России — в стране, где власть дворян-

крепостников была особенно сильна, где каждый намек на свободу уничтожался железной рукой самодержавия.

Для лучшей, передовой части тогдашнего русского общества книга Радищева явилась путеводной звездой во мраке рабства, знаменем борьбы за свободу народа, вестницей грядущей победы.

С необычайной, волнующей силой она будила мысль, звала к действию, указывала путь, которым надлежало итти всем, кому по-настоящему были дороги судьбы родины и русского народа.

VI. ИСПЫТАНИЕ

«...Душа моя во мне, я тот же, что и был...»

А. Радищев

Один из ближайших помощников Екатерины по делу Радищева, член совета, гофмейстер и «над почтами в государстве главный директор» граф Александр Андреевич Безбородко так обрисовал положение дел в письме к правителю канцелярии князя Потемкина В. С. Попову:

«Здесь по уголовной палате производится ныне примечания достойный суд. Радищев, советник таможни, несмотря, что у него и так было дел много, которые он, вправду сказать, и правил изрядно и бескорыстно, вздумал лишние часы посвятить на мудрования, заразившись, как видно Францией, выдал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненную защитою крестьян, зарезавших помещиков, проповедью равенства и почти бунта противу помещиков, неуважением к начальникам, внес много язвительного и, наконец... образом впутал оду, где излился на царей и хвалил Кромвеля. Всего смешнее, что шалун Никита Рылеев цензировал сию книгу, не читав, и, удовольствовавшись титулом, подписал свое благословение. Книга сия начала

входить в моду у многой шали[1], по счастию, скоро ее узнали. Сочинитель взят под стражу, признался, извиняясь, что намерен был только показать публике, что и он автор. Теперь его судят, и, конечно, выправиться ему нечем. С свободою типографий, да с глупостью полиции и не усмотришь, как нашалят...»

Как уже говорилось, следствие по делу Радищева было поручено «знаменитому» Шешковскому — «домашнему палачу» Екатерины, как называл его Пушкин. Через его руки прошли все важнейшие дела того времени — включая Мировича[2] и Пугачева и кончая Радищевым и Новиковым.

Гельбиг писал о нем: «Степан Шешковский, человек низкий по происхождению, образованию и нраву, был в царствование Екатерины II ужасом двора и города. Государыня назначила его директором тайной канцелярии, или, вернее сказать, великим инквизитором России; эту должность он исполнял с страшной строгостью и точностью»[3].

Именем следователя Шешковского пугали детей. Сказывали, что допросы даже «знатных персон», попавших в его руки, он начинал с того, что «хватит палкою под самый подбородок так, что зубы затрещат, а иногда и повыскакивают...»

— Каково кнутобойничаешь? — открыто спрашивал Шешковского князь Потемкин.

Елизавета Васильевна Рубановская, сестра по-

---

[1] По Далю — дурь, блажь.

[2] В. Я. Мирович (1740—1764) — поручик Смоленского пехотного полка, казненный по приказу Екатерины II за попытку освободить из Шлиссельбургской крепости бывшего императора Ивана Антоновича.

[3] Г. Гельбиг, Русские избранники.

койной жены Радищева, продала принадлежавший ей дом, чтобы иметь возможность ежедневно посылать Шешковскому «гостинцы». И каждый день приносили один и тот же ответ:

«Степан Иванович приказали кланяться, все, слава богу, благополучно, не извольте беспокоиться».

* * *

Разбирательству дела Радищева и его допросу предшествовал подробнейший допрос книготорговца Зотова и всех лиц, кто получил от Радищева книгу.

Видно было, что Шешковский имел приказ точно установить количество распространенных экземпляров книги и что этот вопрос вызывал немалое беспокойство.

Зотов, взятый под стражу четырьмя днями раньше Радищева, путался и давал сбивчивые, а то и прямо противоречивые показания о количестве полученных им книг. Сначала он говорил, что получил для продажи 26 экземпляров, потом добавил к ним еще 50, а на очной ставке с Радищевым, настаивавшим на том, что он дал Зотову только 25 экземпляров, повинился и заявил:

— Виноват. Это дело было так, и первые мои допросы оба несправедливы в том, что я более тех двадцати пяти экземпляров, которые получил от господина Радищева, ни от кого не получал.

Зотову было объявлено, что за эту ложь он достоин «строжайшего по законам осуждения» и чтобы он «впредь при суде отнюдь лгать не отваживался».

Кроме того, ему было приказано: «чтоб ты о том, где содержался и о чем был здесь спрашиван, никому ни под каким видом не сказывал, под опа-

сением в противном случае тож строжайшего законам наказания...»

По всей вероятности, до смерти перепуганный купец с точностью выполнил это предписание. Как только его освободили из-под стражи, он поспешил убраться из Петербурга, и когда позднее он зачем-то понадобился, найти его оказалось невозможным...

Радищев утверждал, что, кроме 25 экземпляров, отданных Зотову, он роздал 7 экземпляров своим знакомым, в том числе один предназначался Державину, один Вицману — тому самому учителю, который отвозил письмо студентов из Лейпцига в Москву, и один для пересылки в Берлин Алексею Кутузову.

Не исключено, конечно, что какое-то количество экземпляров «Путешествия» без ведома автора попало в продажу.

* * *

Прочитав книгу Радищева, Потемкин писал Екатерине:

«Я прочитал присланную мне книгу. Не сержусь. Рушеньем Очаковских стен отвечаю сочинителю. Кажется, матушка, он и на вас возводит какой-то поклеп. Верно, и вы не понегодуете. Ваши деяния — вам щит».

Это была хитрая и подлая уловка — сделать вид, что книга бессильна уязвить тех, в чью сторону направлена ее разящая сила. Эту уловку впоследствии применила и Екатерина, ханжески заявив, чтобы дело Радищева разбиралось так, будто оно ее не касается, — «понеже я презираю...»

В действительности же в деле Радищева она

была хоть и скрытым, но жестоким, пристрастным и неумолимым судьей.

То, что при чтении «Путешествия» она сразу заподозрила авторство Радищева, не является свидетельством ее особенной прозорливости. И случилось это совсем не потому, что Екатерина узнала в авторе «Путешествия» лейпцигского студента, нахватавшегося идей просветительной философии, и не потому, что она знала о существовании у Радищева собственной типографии, и не потому, что она узнала в авторе таможенного чиновника, знакомого с «купецкими обманами».

Нет, Екатерина узнала другое: узнала, как говорится в поговорке, «по когтям льва», — узнала последовательного и смелого «бунтовщика», за деятельностью которого, быть может, давно уже следили.

Не случайно, что в конце своих замечаний по поводу «Путешествия» она так писала о Радищеве:

«Вероподобно оказывается, что он себя определил быть начальником, книгою ли или инако исторгнуть скиптра из рук царей, но как сие исполнить один не мог, показываются уже следы, что несколько сообщников имел, то надлежит его допросить, как о сем, так и о подлинном намерении, и сказать ему, чтоб он написал сам, как он говорит, что правду любит, как дело было; ежели же не напишет правду, тогда принудить мне сыскать доказательство, и дело его сделается дурнее прежнего...»

И, наконец, вывод:

«Сие сочинение... господина Радищева, и видно из подчерченных мест, что давно мысль его готовилась ко взятому пути, а французская революция

его решила себя определить в России первым подвизателем...»

Екатерина недвусмысленно дала понять следствию и суду, чего она ждет от них.

Вопросы Шешковского, которые он задавал Радищеву, повторяли замечания Екатерины, написанные ею на «Путешествии».

Екатерина писала:

«Едет оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния, хотя и то неоспоримо, что лучшее судьбы наших крестьян у хорошего помещика нет во всей вселенной».

И Шешковский спрашивал Радищева:

«Почему он осуждал состояние помещичьих крестьян, зная, что лучшей судьбы российских крестьян у хорошего помещика нигде нет?»

Екатерина писала:

«...На последней (странице) написаны сии слова: «Он был царь, скажи же, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?» Сочинитель не любит царей и где может к ним убавить любовь и почтение, тут жадно прицепляется с редкой смелостию...»

И Шешковский спрашивал:

«Начиная с 306 по 340 (страниц) между рассуждениями о цензуре помещены и сии слова: «Он был царь. Скажите ж, в чьей голове может быть больше несообразностей, если не в царской?» то как вы об оных словах думаете?»

Екатерина писала:

«С 350 до 369 содержит по случия будто стихотворчества, ода совершенно явно и ясно бунтовская, где Царям грозится плахою. Кромвелев пример приведен с похвалою. Сии страницы суть крими-

нального намерения, совершенно бунтовские. О сей оде спросить сочинителя, в каком смысле и кем сложена».

И Шешковский спрашивал:

«Начиная с 350 до 369 страницы поместили вы по случаю будто бы стихотворчества оду совершенно и явно бунтовскую, где царям грозит плахою. Кромвелев пример приведен с похвалами. Сии страницы суть криминального намерения, совершенно бунтовские; то скажите, в каком смысле и кем та ода сочинена?..»

Радищев обвинялся также и в том, что «после цензуры Управы благочиния взнес он многие листы в помянутую книгу».

Это обвинение является тем более странным, что обер-полицмейстер Рылеев сам признался, что подписал книгу, не читая. Да и ничего «криминального» Радищев не добавил в свою книгу после получения ее из Управы благочиния...

* * *

Во время следствия Радищев был болен, страдал бессонницей. Экзекутор[1], сопровождавший его к Шешковскому и получивший строжайший наказ «иметь всякую предосторожность, которую должно иметь со столь важным арестантом», удивлялся, что «важный арестант» едва держался на ногах.

Радищев всеми силами стремился к тому, чтобы не запутать в дело никого из друзей и во что бы то ни стало отвести гнев императрицы от своих детей.

[1] Экзекутор — чиновник, исполняющий полицейские или хозяйственные обязанности.

Он все время думал о детях, тревожился об их судьбе. И, думая о них, он стал писать в тюрьме небольшую повесть, которую назвал «Филарет Милостивый».

Все, что выходило из-под пера Радищева в крепости, попадало в руки Шешковского. Посылая ему повесть, Радищев писал:

«Читая житие Филарета, я преложил его несколько на образ нынешних мыслей... и мечтаю себе, что оно может детям моим быть на пользу... О, если бы оно могло достигнуть их рук!..»

В тюрьме у Радищева было несколько книг религиозного содержания. Их прислал ему ханжа и святоша Шешковский.

Тему для своей повести Радищев нашел в «Минеях» [1], читая житие Филарета.

Житие повествовало о том, что в Пафлагонии, входившей в состав Византийской империи, в селении Амнии, жил богатый и щедрый «земледел» Филарет с женой, сыном и двумя дочерьми. Добрый Филарет роздал бедным все, что имел, вплоть до последней пары волов и последнего улья пчел. Он отдал бедным даже пшеницу, которую прислал ему один из друзей, узнав о разорении и нищете Филарета... В это время через Амнию проезжали царские слуги, которые искали по всей стране самых красивых девушек, чтобы отвезти их в столицу на смотр невест для царя. Пораженные красотой и добродетелью внучки Филарета, они отвезли ее во дворец. Внучка Филарета стала царицей, и вся родня ее снова стала жить в довольстве и богат-

---

[1] «Минея» — церковная служебная книга, разделенная по месяцам.

стве. Но Филарет попрежнему раздавал свое богатство беднякам, и даже на богатый пир, устроенный в честь царя, он созвал нищих и заставил свою семью прислуживать им.

Вот эту нравоучительную историю Радищев и положил в основу повести «Филарет Милостивый».

Из писем Радищева, из его «Завещания» мы знаем, как горячо он любил своих детей и как он о них заботился.

Неожиданный арест оторвал его от семьи. Дети были еще слишком малы[1], чтобы понять и оценить поступок Радищева так, как ему хотелось бы. И вот, работая над повестью «Филарет Милостивый», он старался познакомить их со своим стремлением к служению угнетенному народу.

В повести много совпадений с биографией Радищева. Под Афинами, в которые уезжает учиться Филарет, нетрудно узнать Лейпциг. Под именем друга Филарета, Проба, с которым тот учился в Афинах и на сестре которого женился Филарет, нетрудно узнать Рубановского и его племянницу, Анну Васильевну, ставшую женой Радищева. В отношении Филарета к своим добрым и любящим родителям нетрудно увидеть сыновние чувства самого Радищева.

Шешковский не вернул Радищеву начатую повесть. Она была приобщена к делу и осталась незаконченной.

---

[1] В 1790 году старшему сыну Радищева, Василию, было 13 лет, Николаю — 12, дочери Екатерине шел 8-й год, младшему, Павлу, — 7-й.

* * *

Когда впервые знакомишься с материалами по делу Радищева — с его показаниями, ответами на вопросы Шешковского, с его письмами и «Завещанием», то невольно возникает тягостное и горькое представление о том, что Радищев не выдержал тяжелого обвинения, сдался, отступил и стал просить о снисхождении к своим заблуждениям. Но это неверное представление. Стоит только вдуматься в ход дела и правильно понять позицию Радищева, чтобы по достоинству оценить его поведение в течение всего процесса.

Выше было сказано, что в свое время Безбородко дал знать Воронцову о необходимости чистосердечного раскаяния со стороны Радищева.

Радищев понял, что внешнее раскаяние в совершенном им «преступлении» — единственное, хотя и очень трудное средство самозащиты. Не стесняясь в самых резких выражениях на свой счет, он брал ответственность за свою «крамольную» книгу только на себя одного.

Это тотчас же принесло свои результаты: Екатерина была вынуждена ограничиться преследованием одного Радищева и прекратить дальнейший розыск его единомышленников.

А то, что единомышленники у Радищева были, — факт непреложный. И, повидимому, круг их, то-есть круг людей, не только знавших о работе Радищева над «Путешествием», но и разделявших его взгляды, был довольно велик. Это были близкие Радищеву люди, его друзья, с которыми он постоянно общался, — люди разного положения, начиная с таможенных служащих, таких, как Царевский, и

включая Челищева, а может быть, и Воронцова.

На следствии Радищев говорил, что ему хотелось «заслужить в публике гораздо лучшую репутацию, нежели как о нем думали до того», что он «бредил в безумии своем прослыть острым писателем...»

На вопрос Шешковского, не намерен ли он был своей книгой вызвать возмущение, подобное революции во Франции, он повторял все одно и то же: «Худых умыслов я не имел... цель моя была прослыть писателем... и из продажи книги извлечь себе прибыль... Как сам не имел намерение сделать возмущение, то и сообщников не имел...» Он совершил ошибку, чрезмерно увлекаясь «Путешествием Иорика», то-есть «Сентиментальным путешествием» Стерна, и «Историей об Индиях» Рейналя...

Перед Радищевым во время следствия стояли три задачи: никого не запутать в свое дело; оградить, по возможности, от опасности своих детей; спасти себя для дальнейшей работы и борьбы. И, ненавидя своих судей, своих врагов, он брал всю вину на себя, бранил себя, старался доказать, что его книга — обычное произведение, вроде книг Стерна или Рейналя.

На что, кроме своих собственных сил и своей выдержки, он мог рассчитывать в своем неравном поединке с «самодержавством»?

Но он не хотел отступать от главного. *Он не хотел отречься и не отрекся от мысли о свободе крепостных рабов.*

Он говорил на допросе: «*Желание мое стремилось всех крестьян от помещиков отобрать и сделать их воль-*

ными... чтоб крестьяне были вольные, то его желание было...»

Таково было его «желание», и в этом «желании», составлявшем основу его жизни и деятельности, Радищева не могли поколебать ни страшный Шешковский, ни угроза смертной казни.

* * *

Обвинение Радищева было с исчерпывающей полнотой и точностью определено высказываниями Екатерины.

Судьям пришлось рыться в старых законах, выискивая статьи, чтобы угодить императрице. Вот в каких преступлениях обвиняли Радищева:

«...А которые воры[1] чинят в людях смуту и затевают на многих людей воровским своим умышлением затейные дела, и тех воров за такое их воровство казнить смертию...

...Буде кто каким умышлением учнет мыслити на государево здоровие злое дело, и такого по сыску казнить смертию...

...Так же будет, кто при державе царского величества, хотя московским государством завладети и государем быти, начнет рать собирать... и такого изменника по тому же казнити смертию...»

Весьма примечательно, что эти же статьи были в свое время перечислены и в отношении Пугачева в правительственном объявлении с приложением судебного приговора по делу Пугачева и других участников восстания. Как видно, слова Екатерины о том, что Радищев «хуже Пугачева», возымели свое действие.

---

[1] Вор — в смысле мятежник.

На заседании Уголовной палаты в качестве вещественного доказательства великих преступлений Радищева было прочитано «Путешествие из Петербурга в Москву». Страх перед «крамольной» книгой был так велик, что чтение происходило при закрытых дверях и из зала заседания были удалены даже секретари суда.

24 июля Уголовная палата вынесла приговор, в котором говорилось, что за напечатание книги, наполненной «самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный и умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвести в народе негодование противу начальников и начальства, и, наконец, оскорбительными и неистовыми изражениями противу сана и власти царской... Радищева за сие преступление палата мнением и полагает, лиша чинов и дворянства, отобрав у него знак ордена святого Владимира 4 степени... казнить смертию...»

26 июля приговор поступил в Сенат, и 8 августа сенаторы утвердили его. При этом верноподданные сенаторы в своем стремлении угодить императрице добавили к приговору Уголовной палаты следующее дополнение:

«...до вышеупомянутого о произведении ему смертной казни указа, заклепав в кандалы, сослать в каторжную работу... в Нерчинск, для того, дабы таковым его удалением отъять у него способ к подобным сему предприятиям...»

19 августа доклад Сената дошел до Государственного совета, и совет утвердил приговор.

Все это время мысли Радищева невольно возвращались к детям.

После вынесения смертного приговора Уголовной палатой, 27 июля, он написал «Завещание».

«Если завещание сие, о возлюбленные мои, возможет до вас дойти, то приникните душою вашею в словеса несчастного вашего отца и друга и внемлите...»

Он говорил детям о том, что нужно помнить о милосердии бога, о послушании начальникам, о любви к «священной особе» императрицы... Это «поучение» было продиктовано мучительным беспокойством за судьбу детей, желанием отвести от них гнев императрицы.

Еще раньше, в письме к Шешковскому, Радищев писал:

«Доколе дыхание продлится в душе моей, доколе я жив буду, помышления мои, мысли и чувствования от плачевного моего семейства отвращены быть не могут...

...Столь велика моя привязанность к моим детям, что и последнее дыхание, каково оно бы ни было, будет для них, что все мое сокрушение происходит оттого, что их не могу видеть, и что лишен сего, кажется, навсегда...»

В «Завещании» он сделал ряд хозяйственных распоряжений. Он просил мать и отца не оставить его детей и простить «несчастному их сыну печаль, в которую он их повергает...» Он просил также, чтобы его дворовым людям были даны вольные.

Итак, Радищев был осужден на казнь.

Но казнить его Екатерина не решилась: она боялась европейского общественного мнения и со свойственным ей лицемерием стала в позу милосердия. В связи с торжествами по случаю мира со Швецией Екатерина заменила казнь ссылкой.

Радищева в Сибирь, в Илимский острог, на десять лет.

Впрочем, за этим «смягчением» приговора скрывался расчет на то, что Радищев, больной и истомленный заключением и следствием, не выдержит долгой и тяжелой дороги и жизни в суровом, диком краю.

Радищев ждал смертной казни без малого полтора месяца...

В «именном указе Сенату 4 сентября 1790 года» говорилось, что Радищев «За таковое его преступление осужден он Палатою уголовных дел Санкт-Петербургской губернии, а потом и Сенатом нашим, на основании государственных узаконений к смертной казни; и хотя по роду толь важной вины заслуживает он сию казнь, по точной силе законов, означенными местами ему приговоренную, но мы, последуя правилам нашим, чтобы соединить правосудие с милосердием для всеобщей радости, которую верные подданные наши разделяют с нами в настоящее время, когда всевышний увенчал наши неусыпные труды в благо Империи, от него нам вверенной, вожделенным миром со Швециею, освобождаем его от лишения живота, и повелеваем, вместо того, отобрать у него чины, знаки ордена св. Владимира и дворянское достоинство, сослать его в Сибирь в Илимский острог на десятилетнее безысходное пребывание, имение же, буде у него есть, оставить в пользу детей его, которых отдать на попечение деда их...»

Многим не верилось, что Радищев наказан столь сурово. Говорили, будто он выслан к отцу, в Саратовскую губернию, что императрица запретила ему

только въезжать в обе столицы, что за него заступился Потемкин и что якобы уже послан в Сибирь курьер с разрешением Радищеву вернуться в Россию.

Брат графа А. Р. Воронцова писал из Англии:

«Осуждение Радищева причиняет мне крайнюю скорбь. Какой приговор и какое смягчение за одну опрометчивость! Что же сделают за преступление и за действительное возмущение? Десять лет Сибири хуже смерти для человека, имеющего детей, с которыми он должен разлучиться или которых он лишит воспитания и службы, если возьмет их с собой. Это заставляет содрогаться...»

Даже купцы, знавшие Радищева по работе в таможне, плакали, узнав о приговоре.

Полицейский чин, пришедший домой к Радищеву, чтобы объявить об указе Сената, прослезился и убеждал домашних не отчаиваться, уверяя, что «в Сибири хорошая земля»...

...Смеркалось, когда после объявления приговора конвойные под руки вывели Радищева из губернского правления.

Накрапывал дождь. С Невы поднимался туман. Не разбирая дороги, шлепая по лужам, Радищев прошел к дорожной кибитке.

Никто из его близких не знал, что его отправят в путь прямо из губернского правления. Родные ждали его у тюрьмы. В тюрьму же граф Воронцов послал ему деньги на дорогу.

У Радищева не было даже шинели, — он был в легком кафтане, дрожал от сырости и холода.

Прибежал конвойный, бросил в кибитку рваный тулуп, взятый у сторожа.

— Трогай!

Ехали недолго. Кибитка остановилась у моста через Неву. Конвойные спорили о чем-то. Радищев выглянул из кибитки. Мост через Неву был разведен, пропуская караван судов...

На другом берегу Невы Радищева ждала Елизавета Васильевна с детьми. Разведенный мост не позволил им встретиться с Радищевым. Они видели вдали фонари его кибитки. Вот фонари остановились, потом снова качнулись, двинулись и скрылись в сумраке ненастной ночи...

* * *

От Петербурга до Илимска считалось 6 788 верст.

Проделать такой путь в дорожной кибитке, в осеннюю непогодь, в лютые сибирские морозы и здоровому человеку не легко. Радищев же выехал из Петербурга больным.

В губернском правлении решили, что он сослан «в работу», то-есть на каторгу. Его заковали в кандалы и не дали ничего запасти в дальнюю дорогу.

Кандалы с Радищева сняли только в Новгороде по ходатайству графа Воронцова.

В письме к тверскому губернатору Воронцов писал, что Радищев «до несчастья своего издавна мне не только знаком, но и любил я его...» И Воронцов просил губернатора, чтобы тот снабдил Радищева тулупом, шубою, несколькими парами сапог и башмаков, чулками, бельем, платьем, пристойным и нужным для дальнего пути, и продуктами на дорогу. Воронцов просил также и о том, чтобы с Радищевым обращались человеколюбиво и обнадежили, что и в Сибири его не оставят и будут заботиться о его детях.

Такие же письма Воронцов направил к губернаторам Нижнего Новгорода, Перми и Иркутска.

С этого времени начинается дружеская, постоянная забота Воронцова о Радищеве и его семье — забота, которая грозила Воронцову серьезными неприятностями и которая лучше всего доказывала искренность дружеских чувств «душесильного» человека к опальному изгнаннику.

Отзывчивый и чуткий Радищев высоко ценил эту дружбу. С дороги, повидимому из Твери, он писал Воронцову:

«Если бы возможно было мне развернуть мое сердце, верьте, нелицемерною чертою означена бы явилась в нем начертана благодарность неизреченная. Когда все, казалося, меня оставляло, я ощущал, что благодетельная твоя рука носилась надо мною...»

Тверской губернатор извещал графа:

«Посланный от меня возвратился и довез г-на Радищева до Москвы в весьма слабом здоровьи, так что, уповаю, до выздоровления пути он продолжать не может».

В Москву приехали родители Радищева проститься с сыном. Они снабдили его на дорогу всем необходимым.

Путь предстоял Радищеву долгий и трудный: через Нижний Новгород, на Тобольск, Томск, Иркутск. От Иркутска нужно было свернуть в сторону с большой сибирской дороги и ехать вдоль диких берегов могучей Лены — 500 верст на север, в глушь, — до Илимского острога.

С Казани началась зима. Ночью выпал снег.

Садясь утром в кибитку, Радищев полной грудью вдохнул морозный воздух.

«Выехав из Нижнего, я было занемог совершенно, — писал он с дороги Воронцову. — Наступившая зима и морозы укрепили слабое мое телосложение, и я теперь, слава богу, здоров ..»

С обычным своим пристальным и живым вниманием он всматривался во все новое, что открывалось перед ним в дороге.

В пути он вел дневник, в который записывал свои дорожные впечатления в виде кратких, отрывочных записей, из которых видно, что его интересовало решительно все, что проходило перед его глазами: новые пейзажи, нравы и обычаи, промыслы, а больше всего — жизнь и быт народа.

Все занимало его: и высокие кички с бахромою и шитьем на бабах в вотских деревнях, и веселый шумный торг хлебом, рыбой, воском, медом, крашеной посудой в Перми, и старинная бревенчатая крепость в Кунгуре, строгановские заводы, домны, рудники...

Екатеринбург, Тюмень. Один за другим оставались позади города. Дорога вела все глубже и глубже в Сибирь.

Вглядываясь в пустынные снежные поля, верста за верстой ложившиеся между ним и его прошлой, привычной жизнью, Радищев не без тревожной тоски думал о том, что ожидает его в далеком, неведомом краю, «где подле дикости живет просвещение, где черта, пороки от ошибки и злость от остроумия отделяющая, теряется в неизмеримом земель пространстве и стуже за 30 градусов...»[1]

Забота о детях и в пути не давала ему покоя,

---

[1] Из письма А. Р. Воронцову из Тобольска от 15 марта 1791 года.

хотя он знал, что они находятся в руках заменившей им мать доброй и заботливой Елизаветы Васильевны.

«Признаюсь, — писал он, — что чувствительно было видеть на себе железы, но разлука с детьми моими есть для меня томная смерть...»

Он старался не поддаваться тоске и тревоге. Из Перми он писал Воронцову:

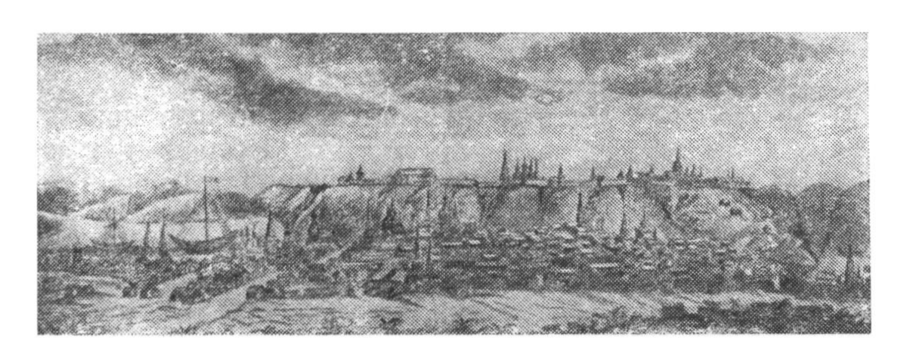
«Душа моя болит и сердце страждет... Разум мой старался упражняться, сколько возможно, то чтением, то примечаниями и наблюдениями естественности, и иногда удается мне разгонять черноту мыслей...»

В этой измученной, но не сломленной душе таилась огромная сила жизни.

«Когда я стою на ночлеге, то могу читать, — пишет он Воронцову из Нижнего Новгорода; — когда еду, стараюсь замечать положение долин, буераков, гор, рек; учусь в самом деле тому, что иногда читал в истории земли; песок, глина, камень, все привлекает мое внимание. Не поверите, может быть, что я, с восхищением переехав Оку, вскарабкался на крутую гору и увидел в расселинах оной следы морских раковин! Не почтите, ваше сиятельство, сие каким-либо хвастовством; я выхватить стараюся, почасту бесплодно, из челюстей скорби спокойную хотя минуту, и если не могу утешаться чем-либо существенным, то стараюся заняться безделкою...»

В декабре 1790 года Радищев добрался до Тобольска.

Здесь Радищева встретили приветливо. Как видно, слух о нем дошел сюда. Его приглашали в гости. Он бывал даже в театре.

Тобольск в XVIII веке.

В Тобольске он ждал приезда Елизаветы Васильевны с младшими детьми.

Слабая здоровьем, но сильная духом, молодая женщина совершила немалый подвиг, решив оставить налаженную столичную жизнь и разделить с Радищевым его изгнание. Этим своим самоотверженным и благородным поступком она как бы предварила подвиг жен декабристов, поехавших в ссылку следом за своими мужьями.

Г. И. Ржевская, подруга Елизаветы Васильевны Рубановской по Смольному, пишет в своих «Памятных записках»:

«Искусное перо могло бы написать целую книгу о добродетелях, несчастиях и твердости духа госпожи Рубановской, которая послужила бы к назиданию многих...»

Сам Радищев называл свою свояченицу «геройской женщиной».

Елизавета Васильевна привезла в Тобольск двух младших детей Радищева — сына и дочь; два старших сына были отправлены в Архангельск к их

дяде Моисею Николаевичу, занимавшему там пост директора таможни.

«Получив в горести моей великую отраду приездом моих друзей, я чувствую, что существо мое обновляется», — писал Радищев Воронцову из Тобольска.

Он подробно рассказывает о своей жизни в этом старом русском городе, раскинувшемся у стыка Тобола и Иртыша, о занятиях с детьми, благодарит за книги и журналы, присланные ему Воронцовым, подробно описывает город, местные нравы, погоду.

Во время своего пребывания в Тобольске Радищев с большим интересом и вниманием изучал находившиеся в его распоряжении труды о Сибири. Он написал краткое «Описание тобольского наместничества», в котором подробно описывал торговлю края и с особым вниманием останавливался на положении местных народностей, говорил о жестокой эксплоатации остяков и тунгусов.

В бытность свою в Тобольске Радищев написал небольшое стихотворение. Возможно, что оно явилось поэтическим ответом на чей-то вопрос о причинах его ссылки.

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду? —
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу,
Для борзых[1] смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

В этих семи строках просто и сильно высказано утверждение, что он остался верен своим идеям,

---

[1] Борзый — скорый, быстрый, проворный.

своему человеческому достоинству. Просто и сильно выражено осознание своей революционной роли.

Со дня на день Радищев откладывал свой отъезд из Тобольска, ссылаясь то на весеннюю распутицу, то на свое нездоровье, то на другие причины.

Он выехал только в июле, пробыв в Тобольске семь месяцев. Тобольский губернатор получил за это выговор. Как видно, из Петербурга зорко следили за каждым шагом Радищева...

Труден и долог путь по сибирской земле, по отрогам гор, через бурные реки, в глухой тайге. А навстречу шла ранняя осень. Нужно было спешить, чтобы до осенней распутицы добраться до Иркутска.

Вынужденное безделье начинало тяготить Радищева. Вторую зиму встречал он в пути.

8 октября 1791 года Радищев приехал в Иркутск.

«Дорога наша, — писал он отсюда Воронцову,— по причине худой погоды и нездоровья Елизаветы Васильевны, была скучна и тягостна... Я везде нахожу здесь человеколюбие, соболезнование, ласку... Когда меня отправят, мне неизвестно, и единственная дорога отсюда до Илимска есть река Ангара... Плыть оною должно вниз верст с 500. Потом через горы и леса 110 верст не иначе, как верхом. Зимою ездят по льду и через горы в санях...»

«Мы здесь живем, дожидаяся зимы, и ожидание мое сопряжено с немалою нетерпеливостью, для того что наскучило жить не на месте...»

Тысячи верст отделяли Радищева от родных мест.

Сибирская глушь, бездорожье держали его в плену крепче оков и стен тюрьмы. Десять лет, а может быть, и весь остаток жизни пройдет в этой суровой, пустынной стране.

«Признаюсь, что я имею некое отвращение подумать о моем в Илимске пребывании, — писал Радищев. — Я стараюсь себя уверить, что все равно, что жить там или жить в деревне; чувствование сильнее мысли, и я тревожусь. По счастию моему, я не один...»[1]

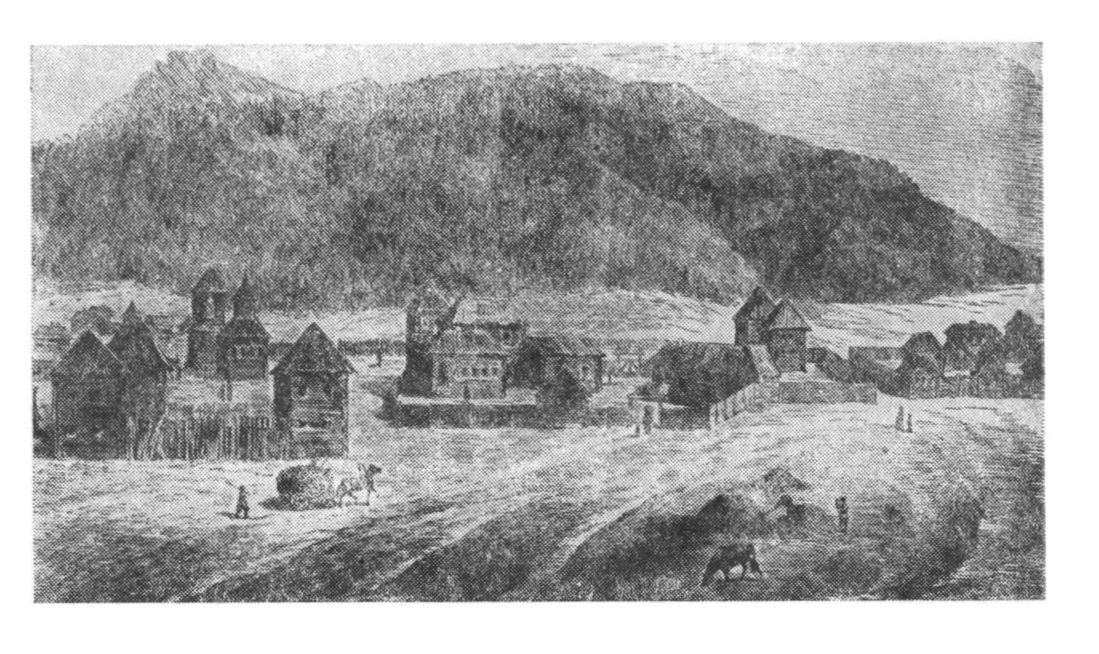
И в то же время могучая, необозримая Сибирь с ее плохо еще исследованными пространствами и неосвоенными богатствами не могла не захватить Радищева, горячо любившего родную русскую землю.

«Какая богатая своими естественными произведениями страна, эта Сибирь! Какая мощная страна!» — восторженно восклицает он в письме к Воронцову из Тобольска (24 июля 1791 года).

«Нужны еще века, — продолжает он, и его слова звучат замечательным пророчеством, — но когда она будет населена, она предназначена играть со временем великую роль в летописях мира. Когда могучая сила, когда непреодолимая причина придаст плодотворную активность закосневшим народностям этих мест, тогда еще увидят, как потомки товарищей Ермака будут искать и откроют себе путь через льды Северного океана, слывущие непроходимыми, поставя таким образом Сибирь в непосредственную связь с Европой, выведут земледелие этой необъятной страны из состояния застоя, в котором оно находится: ибо по справкам, которые я

---

[1] Письмо Воронцову. Иркутск, 10 декабря 1791 года.

Дом Радищева в Илимске.

имею об устьях Оби, о заливе, который русские называют Карским морем, о проливе у Вайгача, в этих местах можно легко проложить себе короткий и свободный от льдов путь...»

И тут же добавляет, как всегда, готовый к практической деятельности, направленной на пользу родине: «Если бы я должен был влачить свое существование в этой губернии, я охотно вызвался бы найти этот проход, несмотря на все затруднения, обычные в такого рода предприятиях».

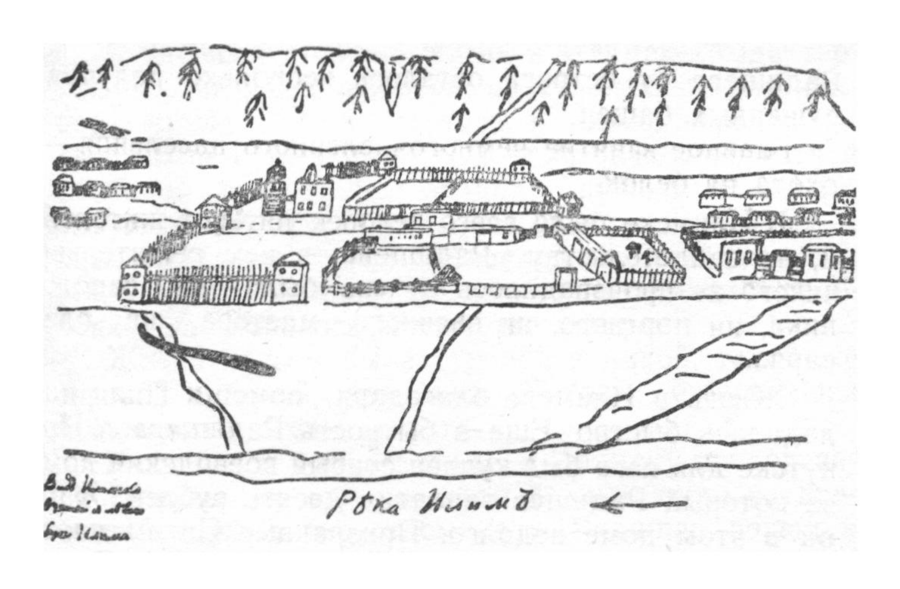
* * *

3 января 1792 года, пробыв в дороге больше пятнадцати месяцев, Радищев и его спутники увидели невысокую гору, покрытую темным еловым лесом, а у ее подножья — сторожевые башни в снежных шапках и высокие бревенчатые стены Илимского острога.

Иркутский губернатор И. А. Пиль в середине января сообщал Воронцову, что Радищев, выехав из Иркутска 19 декабря, благополучно добрался до Илимска.

«Хотя расстоянием от Иркутска не весьма далеко, но по глубоким по дороге снегам и проселочной дороге скорее доехать не мог, но пишет, что доехали здоровы и нашли там приготовленный для них дом довольно спокойным... Смею уверить, что они там, кроме скуки, никакой нужды не претерпят...»

На гравюре XVIII века Илимский острог выглядит небольшой кучкой деревянных домишек, построенных из толстых бревен, с маленькими окошечками, похожими на бойницы. Острог окружен высокой бревенчатой стеной. По углам — остроко-

Вид Илимска. Рисунок сына Радищева.

нечные башенки. За домами виден темный, поросший лесом горб горы.

Снег, безлюдье...

Полтора с лишним века назад, в 1632 году, сотником енисейской команды Бекетовым был сооружен Якутский острог. В 1635 году им же был заложен острог на Олекме. Из этого острога вверх по быстрой Олекме плыл Ерофей Хабаров на Амур. В последующие годы были построены остроги Илимский, Киренский, Иркутский...

В те времена в Илимском остроге, как и в других городах-острогах, отсиживались за толстыми бревенчатыми стенами от часто восстававших тунгусов, томившихся под бременем непосильного «ясака». Ко времени пребывания в Илимске

Радищева от острога осталось несколько полуразрушенных башен.

Главное занятие немногочисленного населения — охота на белок.

В Илимске было всего человек пятьсот жителей, и, по свидетельству Радищева, в нем решительно ничего не производилось — «не было ни сапожника, ни портного, ни свечного мастера, ни слесаря...»

Жизнь в Илимске благодаря помощи Пиля наладилась быстро. Еще в бытность Радищева в Иркутске для него был куплен старый воеводский дом, за который Радищев заплатил десять рублей. Жил он в этом доме недолго. Присланные Пилем плотники, взятые из числа ссыльных, построили Радищеву новый дом.

При доме была устроена плавильная печь; в ней Радищев занимался обжиганием керамических изделий собственного изготовления.

Обычно он вставал рано, ему приносили большой чайник с кипятком, и он сам приготовлял кофе.

Потом садился писать, читал, обучал детей географии, истории, немецкому языку.

Часто ездил по окрестностям, бродил с ружьем по лесам и горам, окружавшим Илимск.

«Горы, покрытые лесом, тянулись по обоим берегам реки, — вспоминает сын Радищева, Павел, проведший свои детские годы в Илимске. — Леса состояли из сосны, ели, лиственницы, сибирского кедра и березы... В лесах родилось много красной смородины, а в низких местах — черной; земляники, брусники множество, малина, морошка, черника, голубица...»

С внешней стороны жизнь в Илимске была терпимой. Два унтер-офицера, приставленные для надзора, имели особые квартиры и только изредка заглядывали к Радищеву. Он пользовался известной свободой и не только бродил с ружьем по лесам, окружавшим Илимск, но ездил в лодке вверх и вниз по Илиму. Зимой добирался на санях до устья Илима — верст за сто от острога, в селение Коробчанку, где ловилось множество осетров.

Жизнь кругом была суровой и дикой, такой же суровой и дикой, как леса и горы, окружавшие бревенчатые стены острога.

Как-то раз, в конце зимы, к Илимску прикочевали тунгусы и раскинули свои бедные юрты из древесной коры в окрестном лесу. Радищев пошел к ним. Сидя в юрте у дымного костра, он смотрел на колдовскую пляску старой шаманки, бившей в бубен и кружившейся, выкрикивая заклинания до тех пор, пока она не свалилась в полном изнеможении.

* * *

В лице Елизаветы Васильевны Радищев нашел верного друга. Она стала в Илимске его женой. Здесь, в сибирской глуши, она родила ему двух дочерей и сына.

Добрая, кроткая женщина, хорошая, домовитая хозяйка, Елизавета Васильевна всеми силами старалась облегчить Радищеву жизнь в изгнании. Он понимал это, ценил и сам всегда старался предупредить ее скромные желания. Между ними никогда не было ссор и разногласий.

В продолжение всей ссылки Радищев не переставал тревожиться о судьбе своих старших сыно-

вей, оставшихся у брата. Еще в письме из Нижнего Новгорода, в октябре 1790 года, он обращался к Воронцову с просьбой «призреть» детей.

«Я утешаюсь тем, — писал он Воронцову из Тобольска о своих старших сыновьях, — что в том возрасте, когда разум пытается освободиться от помочей детства, они испытали несчастие, урок всегда удивительный... который существо, слишком гордящееся условным величием, превращает в существо скромное, а из существа униженного делает человека...»

Воспитание сыновей Радищева взял на себя его брат, советник архангельской таможни Моисей Николаевич. Он хотел даже выйти в отставку, чтобы посвятить себя воспитанию племянников.

Моисей Николаевич писал Воронцову о своем брате: «Если б возможно было мне применяться состоянием своим с ним, то б минуты не подумал, дабы его возвратить в объятия любезных нам родителей и несчастных его детей...»

Старшие сыновья Радищева — Василий и Николай—готовились к вступлению на военную службу. В детски почтительных письмах к Воронцову, в которых они сообщали ему о своих школьных успехах, они писали, что собираются стать «полезными сынами отечества» и «добрыми гражданами»...

Идеалы отца были, как видно, рано восприняты сыновьями.

* * *

«Аристократией» Илимска были полицейские чины — мелкие людишки, те самые «согбенные разумы и души», которых Радищев всегда сторонился.

В Илимск иногда наезжали члены Киренского земского суда (уездный город Киренск был в 500 верстах) — исправник Ковалевский и заседатель Деев. Ковалевский, добродушный, честный человек, скоро стал другом дома. Сын его, Саша, целый год жил у Радищева — «воспитывался» в культурной и просвещенной семье.

Заседатель же Деев во хмелю приставал к Радищеву: «починай кубышку, Александр Николаевич», — он ждал от Радищева «подарка» за свою доброту к ссыльному. В простоте душевной заседатель был уверен, что сослали Радищева за взятки, что Радищев, следовательно, богат.

Новый исправник, занявший место Ковалевского, также решил, что Радищев «скупится», не хочет «починать кубышку». Не раз грозил он Радищеву, напоминая, что от исправника во многом зависит спокойная жизнь ссыльного.

Кру́гом этих людей не исчерпывались связи Радищева с внешним миром. Не говоря уж о постоянной переписке с Воронцовым, он и в Сибири приобрел новые знакомства.

В те времена в Иркутске жил естествоиспытатель Эрик Лаксман. Радищев вел с ним деятельную переписку. Кроме того, Радищев познакомился с «российским Колумбом» Григорием Шелеховым, замечательным исследователем восточных окраин России, достигшим одним из первых русских путешественников берегов Америки.

Через Илимск проезжали участники экспедиции Биллингса — натуралист и рисовальщик. Они двигались от Чукотского носа через Якутск, плыли по Илиму в лодке. Натуралист вез чучела птиц и животных, рисовальщик — виды полярных стран.

Встреча с этими людьми была большой радостью для Радищева. В беседе с ними он мог до известной степени удовлетворить свой живой интерес к естественным наукам, да и сама экспедиция не могла не интересовать его, мечтавшего самому заняться исследованием малоизвестных земель. Иосиф Биллингс, капитан-лейтенант русского флота, был назначен Екатериной II начальником астрономической и географической экспедиции, ставившей своей целью пройти в Берингово море и к северо-западным берегам Северной Америки и исследовать северо-восточные берега Сибири. В сентябре 1789 года Биллингс вышел из Охотска, ему удалось доплыть до залива св. Лаврентия. Часть экспедиции продолжала свои исследования на море, а другая часть, с Биллингсом во главе, сухим путем исследовала Чукотскую землю. В феврале 1792 года экспедиция закончила свое путешествие, составив описание Охотского моря, Алеутских островов и берегов Америки.

Радищев был человеком деятельной жизни. Безделье всегда тяготило его. И здесь, в ссылке, он старался заполнить дни полезными занятиями.

Еще в Лейпциге он приобрел довольно обширные познания по медицине. Теперь они пригодились ему. Слава о нем как о добром и изрядном лекаре вскоре разнеслась далеко за пределы Илимска.

Он вылечил молодого зверолова Фому, сильно обморозившегося на охоте. Лечил он и тунгусов.

В Илимск с Радищевым поехал по собственному желанию один из бывших крепостных его отца — Степан Дьяконов. Радищев обучил его всему, что знал сам в области медицины, и впоследствии, ко-

гда Радищев уехал из Илимска, Дьяконов остался в Сибири в качестве лекаря.

Дома Радищев устроил у себя химическую лабораторию.

Он старался не отставать от культурной жизни, из которой его насильственно вырвали. В письмах просил присылать новые книги, журналы.

Письма Радищева Воронцову из Илимска — это подробная летопись его жизни в изгнании, полная дружеской откровенности, часто — задумчивой грусти и почти всегда — жадного стремления к разумной, полезной и деятельной жизни.

Вот он пишет Воронцову о том, что сделался заправским хирургом, причем «добрая воля», по его словам, заменяет ему недостаток знаний.

Естественные науки и в первую очередь минералогия и ботаника особенно привлекают к себе его внимание. Он занимается ими с неослабным интересом и увлечением.

Не раз выражает он в письмах сожаление, что недостаточно хорошо знает эти науки.

Он мечтает, что ему удастся найти места, в которых он увидит «первозданный хаос природы». Тщательно и упорно собирает он у местных жителей сведения о месторождении железных, серебряных и медных руд, о селитре в известковых горах. Но местные рудознатцы ревниво хранят свои секреты и неохотно делятся ими.

Услышав, что в 50 верстах от Илимска, вверх по реке, находятся залежи железной руды, он совершает с сыном поездку в эти места.

«С мужеством аргонавтов» добираются они до цели своего путешествия, но лукавый проводник, вместо того чтобы привести их к рудным месторож-

дениям, завел их в труднопроходимые дебри заболоченного леса, в котором они долго плутали, так и не найдя ничего.

С целью минералогических изысканий Радищев отправляется на Тунгуску. Обследуя по соседству с Тунгуской горы, он уносится мыслью в те времена, когда земля была «пустынна и одинока».

Он строит планы — заняться летом составлением гербария и просит Воронцова помочь ему необходимыми книгами.

С огорчением сообщает он Воронцову о смерти Лаксмана, который, как он пишет, был для него находкой в его занятиях естественными науками и с которым он имел постоянную переписку.

Он занимается садоводством и огородничеством. Но климат в Илимске мало подходил для этих занятий. В июне по ночам еще бывали заморозки, а днем до 20 градусов жары. Лето — короткое и тропически жаркое. А уже в августе он сообщает Воронцову: «Сегодня у нас снег...»

* * *

Вскоре по приезде в Илимск Радищев взялся за перо, как за средство наполнить и осмыслить творческим трудом свое ссыльное существование в глухом сибирском захолустье.

И здесь круг его литературных работ был обширен и разнообразен.

В Илимске Радищев написал большой философский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», начав над ним работу 15 января 1792 года, то-есть через двенадцать дней после приезда в ссылку. В Илимске же он работал над поэмой «Ангел тьмы», написал «Сокращенное по-

вествование о приобретении Сибири», «Письмо о китайском торге».

Его письма из Илимска Воронцову полны просьбами о присылке книг, необходимых для работы.

Самое крупное по объему и самое значительное по содержанию из написанных в Илимске произведений — трактат «О человеке». Этот трактат, наряду с «Путешествием» наиболее полно раскрывающий философские воззрения Радищева, поражает прежде всего широтой его образованности, разносторонностью его интересов и знаний. Выше говорилось, что Радищев был одним из образованнейших людей своего времени. В трактате он широко использует французскую, немецкую и английскую философскую литературу XVIII века, сохраняя при этом полную самобытность и оригинальность творческой мысли. Свои обширные познания в области истории и философии, в области физиологии, анатомии, химии, физики, ботаники и минералогии он обобщил в трактате «О человеке», сделав их острым и сильным оружием в борьбе за передовое, материалистическое мировоззрение.

В трактате «О человеке», как и во всех других своих произведениях, как и во всей своей деятельности, Радищев выступает не как кабинетный философ, не как исследователь отвлеченной философской проблемы, а как активный борец с ненавистным ему бредоумствованием мистических учений, с реакционным направлением философской мысли. Еще в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищев писал: «Весьма полезной бы был труд писателя, показавшего нам из прежних деяний, шествие разума человеческого, когда сотрясший мглу преду-

беждений он начал преследовать истину до выспренностей ея, и когда утомленный, так сказать, своим бодрствованием, растлевать начинал паки свои силы, томиться и ниспускаться в туманы предрассудков и суеверия. Труд сего писателя бесполезен не будет: ибо, обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранит хотя некоторых от пагубныя стези и заградит полет невежества...»

Вот именно за этот труд Радищев и принялся теперь.

Он стремился в трактате к наиболее полному разрешению спора между материализмом и идеализмом — спора, который во второй половине XVIII столетия приобрел особую остроту, в том числе и среди передовой учащейся молодежи.

С. Н. Глинка, один из современников Радищева, рассказывает в своих «Записках», что в петербургском кадетском корпусе, где он учился, этот спор нередко решался рукопашной схваткой между юными сторонниками материализма, с одной стороны, и сторонниками идеализма — с другой.

«Была у нас, — вспоминает Глинка, — и собственная кадетская борьба мнений, и на нашем тесном небосклоне отражался дух XVIII столетия: были у нас и свои материалисты и спиритуалисты[1]. Я был в числе последних. Вождем первых был Г. А. Галахов... Гельвеций был его законодателем. Сильно защищал он систему его вещественных ощущений, а я возражал, что побуждения нравственности и добродетели не могут быть окованы ощущениями вещественными... Жаркие наши споры иногда окан-

[1] Спиритуализм — идеалистическое направление в философии.

чивались ручною схваткою. Борьба везде борьба»[1]. В своем трактате Радищев всесторонне рассматривает и изучает этот извечный в классовом обществе спор, стараясь объяснить доказательства обеих философских систем. Неутомимый борец за правду, неутомимый пропагандист передовых, революционных идей, он не мог, конечно, остаться в стороне от этого спора.

Именно поэтому, стремясь сделать свой трактат общедоступным, при всей сложности и глубине заключенных в нем мыслей и идей, Радищев избрал для него живую повествовательную форму— форму беседы со своими друзьями, с которыми он разлучен ссылкой.

«Нечаянное мое переселение в страну отдаленную, разлучив меня с вами, возлюбленные мои, отъемля почти надежду видеться когда-либо с вами, побудило меня обратить мысли мои на будущее состояние моего существа, на то состояние человека, когда рушится его состав, прервется жизнь и чувствование, — словом, на то состояние, в котором человек находиться будет или может находиться после смерти...»

Так начинается трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии», посвященный автором «друзьям моим».

Трактат состоит из четырех частей. В первой части Радищев ставит основной вопрос: весь ли человек умирает, или же дух человека бессмертен? К решению этого вопроса Радищев подходит

---

[1] Цитируется по книге М. А. Горбунова «Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева». Госполитиздат, 1949 г.

с позиций материализма: да, говорит он, человек умирает весь. Во второй части Радищев обосновывает материалистическое учение о смертности человека. В третьей части он рассматривает доказательства бессмертия души. И в последней, четвертой части — вопрос о личном бессмертии человека.

К какому же из этих положений склоняется сам Радищев?

Выше говорилось, что мировоззрение Радищева было в основе своей материалистическим, хотя и не лишенным ряда противоречий, что вообще свойственно материалистам того времени. И в трактате «О человеке» в вопросе о бессмертии человека Радищев рассуждает как материалист.

«Бытие вещей не зависимо от силы познания о них и существует само по себе», — пишет он, утверждая тем самым объективное бытие материального мира, независимого от познания его человеком.

Радищев считает, что окружающий человека мир материален и что в нем нет ничего, что не могло бы пройти через «опыт», то-есть восприятие посредством чувств. Этот опыт, по утверждению Радищева, является единственным источником нашего познания мира, и только он дает правильную картину окружающего человека мира, который, повторяем, существует и независимо от познания его человеком. Задача человеческой мудрости, по Радищеву, заключается в том, чтобы посредством опыта и наблюдений глубже и шире познать мир материальных тел.

«Удалим от нас все предрассудки, — пишет Радищев в трактате, — все предубеждения и, водимые светильником опытности, постараемся, во

стезе, к истине ведущей, собрать несколько фактов, кои нам могут руководствовать в познании естественности...»

Радищев утверждает единство материи.

«Воззри на все, окрест тебя живущее: простри любопытство твое и на то, что мы почитаем неодушевленным... от камени до человека, коего состав столь искусствен, в коем стихии являются в толико различных сложениях, в коем все действователи, в природе известные, суть сложенные воедино, являют организацию превыше всего, чувствам нашим подлежащего... от камени до человека явственна постепенность, благоговейного удивления достойная, явственная сия лествица веществ, древле уже познанная...»

Камень, растение, животное, человек — все это различные, последовательные ступени организации материи, «лествица веществ» — их непрерывно восходящий ряд от неорганической природы до человека.

Основными свойствами этой единой материи являются: непроницаемость, заключающаяся в том, что в одном и том же месте и в одно и то же время не могут существовать два тела; протяженность, вследствие которой каждое тело занимает в пространстве определенное место; образ (форма), дающий протяженности определенную ограниченность.

В природе все движется, все живет, все подвержено неотвратимым изменениям — разрушению и созиданию.

Естественно-научная основа, на которой покоится философская мысль Радищева, неизбежно приводит его к утверждению о единстве тела и души.

«Давать телу человеческому душу, существа совсем от него отменного и непонятного, есть не только излишне, но и неосновательно совсем. То, что называют обыкновенно душою, то-есть жизнь, чувственность и мысль, суть произведение вещества единого...»

Радищев отрицает особое, отдельное от тела, существование души и духа человека. Он пишет в трактате:

«Устремляй мысль свою, воспаряй воображение, — ты мыслишь органом телесным; как можешь представить себе что-либо опричь телесности? Обнажи умствование твое от слов и звуков, — телесность явится пред тобою всецело, ибо ты — она, все прочее — догадка».

Установив, таким образом, безраздельную материальность природы человека, Радищев тем самым доказывает смертность его. Человек умирает весь — таков вывод материалистического учения Радищева.

Некоторые из исследователей Радищева отмечают, что в то же время он не хочет лишить себя последней надежды на встречу с теми, кто был ему дорог. Его страшит мысль о полной гибели: он ищет утешения в вере в бессмертие души — в вере, которая таит в себе надежду на встречу с дорогими сердцу людьми в «ином мире». Это якобы приводит Радищева к явному противоречию с основными, материалистическими принципами его мировоззрения, но это сильнее доводов разума.

«Не удивляйтесь, мои возлюбленные, — говорит он в самом начале своего трактата, — что я мысль мою несу в сторону неведому и устремляюсь в область гаданий, предположений и си-

стем; вы, вы тому единственною виною. В необходимости лишиться, может быть, навсегда надежды видеться с вами, я уловить хочу, пускай, не ясность и не очевидность, но хотя неправдоподобие или же токмо единую возможность, что некогда — и где не ведаю, облобызаю паки друзей моих и скажу им (каким языком — теперь не понимаю): люблю вас попрежнему...»

«Может быть, я заблуждаю, — пишет он, — но блуждание сие меня утешает, подая надежду соединиться с вами...»

Но в советской литературе о Радищеве есть и другой взгляд на вторую половину его трактата, в которой он рассматривает доказательства бессмертия души. Этот взгляд сводится в основном к тому положению, что Радищев приводит доводы за бессмертие души не потому, что он сам соглашается с ними, а с целью показать несостоятельность этих доводов, из которых ни один не имеет фактических доказательств и обоснований [1]. Последний взгляд представляется нам более правильным в отношении Радищева, показавшего себя в «Путешествии» беспощадным и мужественным правдолюбцем-материалистом.

В исторической работе Радищева «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» есть замечательное рассуждение о русском народе:

«Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении суть качества, отличающие народ Российский... О народ, к величию и славе рожденный, если они обращены в тебе будут на снискание все-

---

[1] См. об этом книгу М. А. Горбунова «Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева». Госполитиздат, 1949 г.

го того, что соделать может блаженство общественное!»

В этих гордых словах звучит несгибаемая радищевская сила — сила революционного патриотизма.

Характерно, что в «Письме о китайском торге», наряду с вопросами о развитии отечественной промышленности, об улучшении сухопутных и водных путей сообщения, Радищев в первую очередь заботится о материальном благосостоянии крестьян и звероловов, а не о выгодах богатых купцов и коммерц-коллегии.

Но ни на один день, ни на один час не мог Радищев забыть что он пленник, что он должен влачить безрадостную и бесполезную жизнь в глухом сибирском остроге, в пустыне снегов, гор и тайги.

Он отдал всю жизнь служению своему народу, борьбе за его свободу и счастье. И в этой борьбе его не страшили никакие трудности. В Илимске же он был обречен на праздность и вынужденную бездеятельность. Он, всю жизнь стремившийся к тому, чтобы его призыв к борьбе был услышан русским народом, порой чувствовал себя в сибирском остроге беспомощным и одиноким...

Сильнее всего он страдал от безлюдья. Он писал Воронцову, что чем старше становится, тем острее чувствует, что человек — «существо общественное» и создан для того, чтобы жить в обществе себе подобных. Он приглядывался к местным жителям и делал вывод, что земледельцы более трудолюбивы, чем охотники.

С грустной иронической усмешкой писал он о том, что, живя в обширных лесах Сибири, он кон-

чит тем, что сделается счастливым человеком «по Руссо» — встанет на четвереньки. Он пишет, как трудно ему бороться со скукой и одиночеством и что он не Геркулес, чтобы выйти победителем из этой борьбы.

«Что будет со мной?» — этот вопрос не раз вставал перед ним. Еще в письме из Тобольска он писал Воронцову, что на лицах живущих здесь людей он читает памятные слова Данте[1]: «Оставь надежду всяк сюда входящий...» Даже увлекательные прогулки отравлены сознанием подневольной жизни. И вот он жалуется в письмах, что все занятия ему надоели.

Неторопливо шли однообразные дни. И так много было их впереди, что по временам неодолимая тоска и уныние сжимали сердце Радищева. Жизнь становилась в тягость ему.

Скитаться по лесам, в пустынях осужденный,
Претящей властию отвсюду окруженный.
На что мне жить, когда мой век стал бесполезен? —

спрашивал он в печальных стихах, сочиненных в Илимске.

Но в то же время он сознавал неизменную силу своей души, своих убеждений и веры, над которыми были бессильны все испытания, несчастия и беды:

Душа моя во мне, я тот же, что и был!..

* * *

В начале декабря 1796 года до Илимска докатилась весть о смерти императрицы Екатерины.

---

[1] Данте, Алигиери (1265—1321) — великий итальянский поэт и мыслитель, автор поэмы «Божественная комедия».

«...Часы пробили 12, и вместо нелепости жирной масленицы настает противоположная нелепость сурового поста. Дворец превращается в смирительный дом, везде бьют палкой, бьют кнутом, тройки летят в Сибирь, император марширует, учит эспонтоном[1]. Все безумно, бесчеловечно, неблагородно. Народ попрежнему оттерт, смят, ограблен, дикое своеволие наверху... рабство, дисциплина, молчание...»[2]

Весть о смерти Екатерины пробудила в Радищеве надежду на освобождение. Никогда еще илимский плен не казался ему таким нестерпимо тягостным.

В конце декабря Радищев получил уведомление из Иркутска, что ссылка его кончилась. Павел, ненавидевший все, что делалось и учреждалось при жизни Екатерины, «простил» ее жертву — Радищева.

«...Находящегося в Илимске Александра Радищева оттуда освободить, и жить ему в своих деревнях, предписав начальнику губернии, где он пребывание иметь будет, чтобы наблюдение было за его поведением и перепискою»,—гласил рескрипт императора Павла.

Радищев немедленно отправился в Иркутск и 25 января получил деньги на дорогу.

Решили ехать не мешкая. Даже сильные морозы не могли задержать Радищева в Илимске. Ни одного дня не хотел он подарить Илимскому острогу, отнявшему у него пять лет жизни.

---

[1] Эспонтон — небольшая пика, при Екатерине II была на вооружении в гвардии.

[2] А. И. Герцен, Полное собр. соч., т. IX, «Предисловие». Изд. ЛИТО Наркомпроса, 1919 г.

И вот настал день, когда Радищев мог записать в своем дневнике:

«1797 г., февраля 20.

...Распродав или раздав все в Илимске, на что употребил я 10 дней, мы выехали при стечении всех почти илимских жителей в 3 часа пополудни... О, колико возрадовалось сердце наше...»

Исправник, который не так давно грозил Радищеву, перепугался, узнав, что император простил его. Провожая Радищева, он кланялся ему в ноги, умолял пощадить его. Он был уверен, что Радищев едет «прямо» в министры»...

Час преблаженный!
День вожделенный!
Мы оставляем,
Мы покидаем
Илимски горы,
Берлоги, норы!..

В таких трогательно-наивных стихах Радищев радостно воспел свое освобождение.

«Я возвращаюсь в Россию!» — с восторгом, полный надежд, писал он Воронцову, вкладывая в эти слова глубокий, волнующий смысл: «Я возвращаюсь к жизни!..»

Путь Радищева до Илимска продолжался больше пятнадцати месяцев.

Обратный путь он проделал за шесть месяцев. Он спешил, случайные задержки в пути казались ему невыносимыми.

Но на радостном пути домой его подстерегало несчастье.

Стояли жестокие морозы. Елизавета Васильевна простудилась и тяжело заболела. Остановились в Таре, в 575 верстах от Тобольска.

Здесь не было хорошего лекаря. Нужно было спешить в Тобольск.

В дорожном дневнике, который Радищев начал вести тотчас по выезде из Илимска и в который он по своей привычке заносил все, что привлекало его внимание в пути, он записал:

«В Тобольск приехали на рассвете 1-го апреля. Сыскали заготовленную квартиру. О! колико первое мое в Тобольске пребывание было приятнее. В горести свидеться с теми, кого всех больше на свете любишь, или расстаться с ними навек...»

В этом городе, который, по его собственным словам, всегда будет иметь для него притягательную силу, он похоронил своего верного друга — Елизавету Васильевну.

В дневнике — короткая запись:

«7-е смерть. 9-го погребение»...

И снова он пустился в дальнюю дорогу, — теперь уже один, со своими детьми...

Навстречу Радищеву шла весна. Реки освобождались ото льда; и из Перми он отправился в дальнейший путь на барке-коломенке, во главе флотилии, состоявшей из 50 барок, груженных железом. Эти барки, спустившись по Каме, должны были итти вверх по Волге до Нижнего Новгорода. На флагманской барке ехали приказчик и шесть вооруженных матросов для защиты каравана от возможного нападения волжских разбойников.

Запись в дневнике:

«Берега Камы все лесисты, нагорный берег то идет по правую, то левую сторону реки. Лес был голый. Зелени не было...»

И через два дня:

«Плыли при малом ветерке, берега лесисты, но есть поля расчищенные. Чем далее плыли, тем зелень начала показываться, сей день видели первый дубняк...»

Близкое общение с пробуждающейся природой, широкая в вешнем разливе река, рассветы и закаты над водным простором, однообразно-спокойное течение дней — все это действовало умиротворяюще, помогало переживать горечь утраты.

Караванный рассказал романтическую историю о разбойнике Иване Фадееве, которую Радищев тотчас же записал в дневник. История не могла не заинтересовать его. Этот разбойник особенно жестоко преследовал дворян, которые дурно обращались со своими крепостными крестьянами. Однажды стражники окружили Ивана в избе какого-то крестьянина. Отважный разбойник дал приютившему его мужику 500 рублей и приказал поджечь избу. Изба загорелась. Ворота неожиданно распахнулись — Иван вырвался из них на лихой тройке. За ним пустились в погоню. Чтобы задержать преследователей, он стал разбрасывать по дороге деньги — «и тем спасся».

В конце мая доплыли до Казани.

«С утра странствовал в Казани, — пишет Радищев. — Уже чувствовал удовольствие, ехав туда, воображал, что проезжаешь не пустыни, и ходил по городу почти в восхищении...»

Он побывал у губернатора, заглянул в книжную лавку.

В городке Лаишев, в 30 верстах от впадения Камы в Волгу, барки остановились. Здесь обычно ставили на барках мачты с огромными рогожными

парусами для плавания вверх по Волге при попутном ветре.

Из Лаишева двинулись в первых числах июня.

Во время остановки в Услоне Радищев поднялся на высокую гору.

«Около вечера вышел на берег, — записал он в дневнике, — все малые и большие пошли на гору, которая повыше селения поросла густым орешником...»

С вершины горы открылось «великолепное зрелище». Вокруг были видны обработанные поля, похожие на огромный ковер, разостланный по холмам, скатам и долинам. Бархатная зелень полей была уже настолько высока, что ветер гонял по ним волны. На левой стороне виднелся высокий волжский берег, затянутый нежной синевой. Прямо через Волгу простирался низкий берег, покрытый густым лесом, в котором виднелись маленькие деревушки. Волга стояла еще в разливе, заливая прибрежные кусты. На песчаном берегу рыбаки тянули невод. Снизу по течению выплывали расшивы и коломенки, паруса которых, освещенные низким солнцем, казались белыми и желтыми полушариями...

Родные места, знакомые просторы родной реки! Он снова увидел все то, что всегда было дорого его сердцу...

В свой дорожный дневник Радищев записывал не только описания пейзажей. Его наблюдения касаются главным образом народной жизни. Он пишет об условиях труда, о положении крестьян, о поселенцах, о промыслах и рынках. В дневнике много археологических и этнографических наблюдений. В пристальном интересе к социальным усло-

виям жизни народа чувствуется традиция «Путешествия из Петербурга в Москву».

В Нижний Новгород приплыли 24 июня. А 30-го Радищев записал в своем дневнике:

«Ходил по верху. Воспоминовение взятья моего под стражу...»

Семь лет назад в этот самый день круто переломилась его жизнь. И вот теперь он вспоминал об этом дне... Жизнь прошла, но

Душа моя во мне, я тот же, что и был!..

Из Нижнего в Москву ехали на почтовых.

В Муроме Радищев встретился с братом Моисеем Николаевичем, выехавшим ему навстречу. Братья отважились на рискованный поступок: свернули с указанного Радищеву маршрута в сторону и поехали к Воронцову, ушедшему в это время от дел и жившему в своем поместье, в селе Андреевском во Владимирской губернии.

Об этом в дневнике записано коротко:

«У графа обедали...»

И вот снова, как в заключительных строках своего «Путешествия», Радищев мог воскликнуть: «Москва! Москва!»

«...Приехали в ранние обедни, стали в Рогожской, ходили в город. И прочее в Москве пребывание...»

VII. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

> «...Любители добра, ужель надежды нет?
> Мужайтесь, бодрствуйте и смело протекайте
> Сей краткой жизни путь...»
>
> А. Радищев

В 115 верстах от Москвы, недалеко от Малоярославца, находилось сельцо Немцово, принадлежавшее Радищеву.

Сюда приехал он из ссылки. С радостью узнавал он родные места. Нивы, березовую рощу, речку, яблоневый сад за покосившимся плетнем, развалины старого барского дома.

Радищев писал Воронцову о «детской радости», которую он почувствовал, увидев, что «избавление от изгнания осуществилось...»

Как только он отдохнул после утомительной и долгой дороги, первым его желанием было поближе познакомиться с народом, со своими крестьянами. Он приказал сварить пиво, купил несколько ведер вина и в воскресный день созвал мужиков и баб на господский двор. Гостей угощали вином и пивом, подавали пироги. Мужики поздравляли Радищева с приездом. Бабы запели хором величальную:

> Уж и чей-то двор на горе стоит,
> На горе стоит, на всей красоте?
> Александрин двор, Николаевича...

И грустно и радостно было слышать бесхитростный напев, видеть такие знакомые лица крестьян...

Но бедность и неустройство деревенской жизни очень скоро погасили первоначальную «детскую радость».

В письмах к брату, а потом к отцу Радищев высказывает уже совсем иные чувства, иные настроения.

«Признаюсь, — пишет он Моисею Николаевичу, — что если бы я знал положение здешней деревни, никак бы не назначил ее для своего пребывания... Прости, мой любезный, мне здесь жить скучно и день ото дня скучнее, тому бы я сам не поверил, скучнее Илимского...»

Отцу он пишет о том, что нашел Немцово «в великой расстройке и, можно сказать, в разорении. Каменного дома развалились даже стены... Я живу в лачуге, в которую сквозь соломенную крышу течет, и вчера чуть бог спас от пожара, — над печью загорелось... Сад как вызяб, посадки не было, забора нет... Посуда вся вывезена...»

Он сетует на долги, которые гнетут и мучают его, жалуется на одиночество: «Соседей полные карманы, но я никого не вижу...»

Он получил приглашение от своего университетского товарища Янова, но и к нему не поехал: «он далеко от моей хижины...» Изредка заходил он к крестьянам. Его усаживали на почетное место, под образа, потчевали «чем бог послал»...

Трудно было вживаться в новое, непривычное положение. Это не была та свобода, о которой он мечтал в Илимском остроге. Одинокая, скудная, бездеятельная жизнь в деревенском захолустье.

Он был еще не стар — ему было без малого пятьдесят лет. Но ссылка подорвала здоровье. Он чувствовал себя больным.

«Я читаю мало, я решительно ничего не пишу, мания к сему у меня миновала», — писал Радищев Воронцову.

В первый месяц жизни в Немцове он любил пойти «в лесок, вблизи сада, в котором нет ничего, кроме яблок, и не за тем, чтобы поразмыслить или подстрелить рябчика, которого там нет, а чтобы набрать грибов...»

Но вот — неожиданная радость! Сидя вечером за чайным столом, он увидел двух молодых офицеров. Он подумал было, что это гусары, иногда посещавшие его в порядке надзора. Нет, это были его старшие сыновья — Василий и Николай, с которыми он не виделся семь лет. С радостью прижал он их к груди...

Ему страстно хотелось повидать своих родителей. Это было «потребностью сердца», как он говорил.

Зимой 1798 года он получил от императора Павла разрешение навестить отца и мать и тотчас поехал в Аблязово.

Мало радости дала ему эта поездка. Семья оскудела. Мать со времени его ареста лежала разбитая параличом. Отец ослеп и, как говорили тогда, «ушёл от мира». Николай Афанасьевич и раньше был очень религиозным человеком, теперь же, на склоне лет, после всех несчастий, обрушившихся на семью, проводил все время в обществе каких-то монахов, отпустил бороду, ходил в простом кафтане, подпоясанном ремнем, и жил на пчельни-

ке. Позднее он даже совсем оставил дом и отправился в Саровскую пустынь, но не ужился там с монахами и попами и вернулся домой.

Сына он встретил сурово. Не преступление против царя, не ссылку ставил он сыну в вину. Он не хотел примириться с тем, что сын нарушил христианский обычай.

— Или ты татарин, что женился на свояченице? — строго спросил старик. — Женись ты там на крестьянской девке, я бы принял ее как дочь...

Живя в Немцове, Радищев все время находился под строжайшим тайным надзором, о чем он, по-видимому, догадывался. Еще в то время, когда он был в дороге, вице-канцлер князь А. Б. Куракин сообщил калужскому губернатору Митусову о секретном указе императора Павла об установлении надзора над Радищевым. Кстати сказать, этот указ Павел подписал одновременно с указом о возвращении Радищева из ссылки. Митусов тут же сообщил Куракину о принятых мерах:

«Предписание вашего сиятельства... с изображенным высочайшего его императорского величества указом о наблюдении мне за поведением и перепискою пришлющегося из Сибири Александра Радищева 23-го числа текущего месяца получить я честь имел; в повиновение которого ныне же вызываю сюда тамошнего земского исправника для объяснения ему высочайшей воли, дабы он, храня глубокую тайну сию, когда пришлется помянутый Радищев в его деревни, почасту тайным образом наведывался о поведении его и обращении по общежитию, строжайше наблюдая и замечая, с кем он по большей части будет иметь обращение и не замечено ли

будет чего-либо подозрительного, доносил бы ко мне...»[1]

Далее Митусов сообщает о принятых им мерах по наблюдению за перепиской Радищева. Император Павел не один раз повторял свой приказ о наблюдении за перепиской писателя. Что же касается малоярославецкого земского начальника, который должен был «тайным образом наведываться о поведении Радищева», то он попросту приставил к Радищеву двух гусар, которые совершенно открыто приходили к нему домой.

Не эти ли грубые полицейские меры заставляли Радищева воздерживаться от общения с соседями и, в частности, от общения со своим старым приятелем Яновым?..

* * *

Как бы трудно ни жилось Радищеву, уныние не могло долгое время властвовать над этой беспокойной, деятельной душой.

Радищев занялся прежде всего хозяйством, старался улучшить его. Он следил за полевыми работами, читал книги по сельскому хозяйству, интересовался делами и жизнью крестьян.

Он начал писать очерк «Описание моего владения». Темой этого очерка был указ Павла о трехдневной барщине.

Радищев очень скоро увидел и понял, что положение крестьян нисколько не изменилось при Павле. За четыре года император роздал своим приближенным свыше трехсот тысяч крепостных кресть-

---

[1] Цитируется по статье Д. С. Бабкина «А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву». (Вступительная статья к изданию «Путешествия».) Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство, 1949 г.

ян. Опасаясь усиления крестьянских восстаний, Павел в апреле 1797 года издал указ, запрещавший барщинные работы по воскресным дням, и рекомендовал помещикам использовать для барщинных работ не больше трех дней в неделю. Помещики, как правило, не выполняли этого указа. Новые вельможи были такими же крепостниками, как и прежние, и, как при Екатерине, для усмирения крестьян посылались военные команды...

Радищев задумал написать серьезное экономическое исследование. В «Описании моего владения» он хотел дать не только описание хозяйства крепостной деревни, но и предложить «способы к лучшему хозяйству», то-есть поставить на научно-экономической почве вопрос о крепостном праве, о необходимости ликвидировать его.

И здесь он был самобытен и шел своими путями. В отличие от многих других экономистов XVIII века Радищев в «Описании моего владения» исходил не из интересов помещичьего хозяйства, а брал в качестве объекта изучения крестьянское хозяйство. Радищев, как ученый-экономист, в этом своем труде и в ряде высказываний в «Путешествии» впервые в русской литературе вскрыл основные черты крепостнического способа производства, показал классовую непримиримость интересов крестьян и помещиков.

По существу, это было возвратом к тому же вопросу, который ставился Радищевым в знаменитом «Путешествии». «Блаженны, блаженны, если бы весь плод трудов ваших был ваш! — пишет Радищев в самом начале «Описания моего владения». — Но, о горестное напоминовение! ниву селянин возделывает чуждую, и сам, сам чужд есть, увы!..»

* * *

В ночь на 12 марта 1801 года насильственная смерть императора Павла открыла Александру I дорогу на престол.

Современники рассказывают, что весть о вступлении Александра на престол была «вестью искупленья». Люди плакали от радости, обнимались и поздравляли друг друга.

В манифесте 12 марта о своем вступлении на престол Александр возвещал, что принимает на себя обязанность править народом по законам и «по сердцу своей великой бабки...»

Прошло три с лишним года жизни Радищева под надзором в своем имении, и вот он получил, наконец, полную свободу. Он переехал в Петербург, поразивший его после сибирского безлюдья и сельской тишины в Немцове бурным кипением жизни.

Александр обещал царствовать «по заветам» Екатерины. Это обещание не могло не смутить Радищева. Уж он-то хорошо знал разницу между нарядной, показной стороной и страшной действительностью правления бабки молодого царя!

Нельзя предположить, что зоркий глаз Радищева не разглядел со временем лицемерную политику Александра, много говорившего о предстоящих реформах, но ничего не делавшего для их осуществления. Радищев не верил в благие намерения царя.

В одной из своих поэм — в «Песни исторической», написанной в последний год жизни, Радищев, повествуя о мрачном царствовании рим-

ского тирана Тиверия, прямо говорит, что смерть лютого тирана не спасает народ от бедствий.

Коль мучительство нагнуло
Во ярем высоку выю,
То что нужды, кто им правит:
Вождь падет, лицо сменится,
Но ярем, ярем пребудет.
И, как будто бы в насмешку
Роду смертных, тиран новый
Будет благ и будет кроток;
Но надолго ль, — на мгновенье,
А потом он, усугубля
Ярость лютости и злобы,
Он изрыгнет ад всем в души.

Некоторые из современных исследователей не без основания считают, что в образе Тиверия Радищевым изображен Павел I, а в образе «нового тирана» — «благой» и «кроткий» молодой царь.

Радищев дожил до седых волос, но юношеский «заквас» все еще не был «утушен» испытаниями и тяготами, выпавшими на его долю. Он так жаждал общественной деятельности, направленной на пользу и благо народа, так хотел верить в возможность этой деятельности!

Давно не видели Радищева таким веселым, счастливым. Он поражал всех «молодостью своих седин».

В августе 1801 года его мечты о работе сбылись. Он был назначен членом Комиссии по составлению законов. Он был рад этому своему назначению. Ему казалось, что все, что он перенес и выстрадал, теперь вознаграждено. По заслугам оценены правота его убеждений и чистота совести. Какая благородная задача — исправлять законы,

составлять новые на основе правды и справедливости!..

По всей вероятности, привлечение Радищева к активной деятельности произошло не без участия Воронцова, также призванного молодым царем к участию в «преобразовательной» государственной работе.

Радищев вступил «в присутствие» 13 августа. Он побывал в Москве на коронации и, вернувшись оттуда, целиком погрузился в работу комиссии.

В своем увлечении Радищев, быть может, сначала и не придал значения тому, что председателем комиссии, то-есть руководителем всей законодательной работы, был назначен чиновник-крепостник П. В. Завадовский, старый делец екатерининских времен, ее бывший фаворит, сделавшийся благодаря благосклонности императрицы в два года миллионером. Про его назначение иронически говорили, что царь «особенно надеялся на помощь графа Петра Завадовского, леность которого и любовь к вину были известны всем и каждому».

Не замечал вначале Радищев в должной мере и того, что в работе комиссии за громкими фразами скрывались не только старые бюрократические навыки и обычаи казенных канцелярий, но и классовый подход к решению всех вопросов. Работа умышленно тормозилась. Члены комиссии, важные сановные старички, искушенные в канцелярских делах, подолгу заседали, совещались, работали не спеша. Составлялись и изменялись планы, делались выписки из законов. Исписывались кипы бумаги, шелестели страницы толстых томов. Медленно, со скрипом работала канцелярская машина.

Один Радищев относился к своей работе вдох-

новенно и восторженно. Мысли о вольности и справедливости руководили им и теперь, как и всю его жизнь.

Странно, одиноко звучали его слова о законности, справедливости, свободе и равенстве людей в казенной, враждебной ему тишине законодательной комиссии.

Один из сослуживцев Радищева, Николай Степанович Ильинский, рассказывает в своих «Записках», что Радищев был «мыслей вольных и на все взирал с критикой».

«Когда мы рассматривали сенатские дела и писали заключения, соглашаясь с законами, он, при каждом заключении, не соглашаясь с нами, прилагал свое мнение, основанное единственно на свободомыслии...

Ему казалось все недостаточным внимания, все обряды, обычаи, нравы, постановления глупыми и отягчающими народ. Конечно, судьбы божии для нас неисповедимы, много можно найти несправедливого, много излишнего, много тягостного, но если сам творец все сие терпит и попускает, то каким образом нам, слабым смертным, принимать на себя его суды и как бы вместо его действовать своими ничтожными силами к исправлению того, что нам не нравится?..»

Так смиренно рассуждал член законодательной комиссии Н. С. Ильинский. Типичное высказывание «благонамеренного» чинуши! Как безмерно далеко все это от жизненного правила Радищева — не смиряться и не терпеть, а бороться всеми силами с неправдой и злом, угнетающими народ!

Разбиралось, к примеру, дело о вознаграждении помещика Трухачева за крепостную крестьян-

ку, неумышленно убитую крестьянином другого помещика.

Сановные старички, завзятые крепостники, неторопливо обсуждали вопрос о том, сколько надлежит получить помещику, если кто-нибудь убьет его крестьянина. Одни говорили, что довольно и 100 рублей, другие называли сумму в 500 рублей.

Радищев же высказал по этому поводу мнение, которое удивило всех неслыханной дерзостью. Он сказал, что дело не в том, сколько надо заплатить за убийство, а в том, что «цена крови человеческой не может определена быть деньгами...» Это был голос народа, голос, обращенный к классовым врагам народа.

Сановные старички возмущенно пожимали плечами, прислушиваясь к дерзким и «безрассудным» речам своего беспокойного коллеги, втихомолку посмеивались над ним, величали «демократом» и... поручали ему составление бесконечных «записок» и «протоколов».

Вопросы, больше всего волновавшие Радищева, — вопросы о крепостничестве — оставались не только неразрешенными, но никто и не думал обсуждать их.

Прошла зима 1801 года, весна и лето 1802 года. Работа комиссии шла попрежнему, хотя царь уже запрашивал однажды Завадовского о причинах промедления в ходе законодательной работы.

Мужеством и трогательным благородством исполнены эти последние годы жизни Радищева. Он продолжал борьбу — ту борьбу, которую начал молодым человеком, взявшись за перо, чтобы написать свою грозную, обличительную книгу.

Теперь он не мог не понимать, как трудно ему проводить в комиссии свои идеи. Сознание этого доставляло ему немало нравственных страданий. Утешение Радищев находил в том, что в последние годы своей жизни он имел возможность видеть своих учеников, своих последователей.

В маленьком домике, в котором жил Радищев, иногда собиралась горячая, честная молодежь, воспринявшая его идеи и слушавшая его с восторгом, хотя он и не был особенно красноречив. Это была молодая поросль той общественной среды, которая в свое время породила Радищева. Теперь же он сам стоял среди этой молодежи, как старый дуб, патриарх лесов, среди молодых, тянущихся к свету деревьев.

Молодежь, окружавшая в эти годы Радищева, вошла в историю русской общественной мысли и литературы под наименованием «поэты-радищевцы». Действительно, задачи и цели, которые ставила перед собой эта группа передовой русской молодежи того времени, ее мечты и чаяния проникнуты «радищевским духом», оплодотворены его идеями. Юные политические мечтатели как бы приняли его завет борьбы за правду и справедливость, чтобы передать этот завет последующим поколениям и в первую очередь декабристам.

В июле 1801 года в Петербурге впервые состоялось заседание «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Общество было основано бывшими воспитанниками академической гимназии. Это были еще очень молодые люди, в подавляющем большинстве дети разночинцев, воодушевленные стремлением пробуждать «ревность к благу отечества, к благу всех людей», как

были определены ими задачи «Вольного общества».

Михайлов, Дмитриев, Д. Языков, Волков, Попугаев, Красовский, Борн, позднее к ним присоединились Пнин, Востоков, два старших сына Радищева и другие — все они были в той или иной мере проникнуты идеями Радищева; и в первые годы своего существования «Вольное общество», по словам В. Орлова, одного из исследователей его деятельности, «было гнездом радищевцев, подпольным центром буржуазно-демократической оппозиции в современной литературе и публицистике».

«Роспись занятий» молодежи, объединившейся в «Вольное общество», свидетельствует о широте и разнообразии ее интересов. Члены общества занимались изучением русской, а также французской, английской, немецкой, итальянской, латинской литературы, некоторые изучали философию, историю, математику, химию, физику, архитектуру, живопись. Темы докладов, прочитанных на заседаниях общества, говорят об общественно-политических интересах его молодых членов: «О влиянии просвещения на законы и правление», «О монархии», «О политическом просвещении», «О законодателях, именующих себя пророками», «О бедствиях человеческих» и т. д.

Деятельность общества была наиболее активной в первые годы его существования, когда на заседаниях читались трактаты на политические и социальные темы и когда были изданы две части сборника стихотворений членов общества — «Свиток муз». Впоследствии, с уходом из общества его наиболее радикально настроенных членов, оно пре-

вратилось в чисто литературное, без определенной политической ориентации.

Самой яркой фигурой среди этой молодежи, а также и наиболее близким по своим идеям Радищеву был, несомненно, Иван Петрович Пнин. Он родился в 1773 году, — следовательно, к тому времени, когда он вступил в «Вольное общество», ему было 29 лет. Радищева Пнин пережил не на много — он умер в 1805 году от чахотки. Незаконный сын князя П. И. Репнина (отсюда его усеченная фамилия — Пнин), он получил хорошее образование — сначала в Московском университетском пансионе, потом в инженерном кадетском корпусе. Он рос и был воспитан в богатой обстановке, но позднее, по свидетельству одного из его современников, «обстоятельства переменились, и он должен был довольствоваться уделом ничтожным... Это оскорбило, изнурило его...»[1] Он болезненно чувствовал бесправное положение в монархической России внебрачных детей и даже написал в их защиту «Вопль невинности, отвергаемой законом».

В воспоминаниях друзей Пнина перед нами встает его необыкновенно привлекательный образ — образ молодого человека, самоотверженно и бескорыстно стремившегося к добру и правде, к служению людям.

«Поэт любезный, друг искренний, защитник угнетенных, утешитель несчастных», — так начинается биография Пнина, написанная Н. П. Брусиловым. «Пнин был рожден поэтом истины... С жаром друга человечества, всякую скорбь угнетенно-

---

[1] Цитируется по книге Ив. Розанова «Русская лирика» М., 1914 г.

го людьми или судьбою человека брал он близко к сердцу и не щадил ни трудов, ни покоя, ни иждивения для облегчения судьбы несчастных».

В 1790 году Пнин принимал участие в походе против Швеции. Позднее воевал в Польше. Его уход с военной службы и начало занятий литературой совпали с возвращением Радищева из ссылки. Он поселился в доме А. Ф. Бестужева (отца декабриста) и в 1798 году приступил к изданию «С.-Петербургского журнала».

Это было смелым шагом молодого литератора — попытаться сказать слово истины в мрачные павловские времена, когда, по словам современников, «говорить было страшно, молчать было бедственно», когда, по выражению Карамзина, «цензура, как черный медведь, встала на дороге», когда слово «гражданин» было заменено словом «обыватель», слово «отечество» — словом «государство» и слово «общество» совсем запрещено.

«С.-Петербургский журнал» просуществовал всего один год. Сделать много в условиях павловской цензуры, конечно, было невозможно. В журнале печатались нравоучительные статьи отвлеченного характера, переводные произведения. Статьи по вопросам русской общественной жизни появлялись на страницах журнала в традиционно-иносказательном виде «восточных повестей». Но в журнале было впервые напечатано «Чистосердечное признание в делах и помышлениях моих» Фонвизина (он к этому времени умер) и порой прорывались смелые мысли и «дерзкие» слова. Так, в рецензии на книгу «Верное лекарство от предубеждения умов», направленную против книгопечатания, журнал отважился поднять голос в защиту свободы сло-

ва и мысли. «Там, где разум в тесных заключен пределах, — говорилось в рецензии, — где не смеет перейти границ, ему предположенных, там всегда найдешь льстецов, писателей низких и ползающих, защищающих иногда самые нелепые мысли вопреки истине, дабы не подвергаться гонению, которого всякий человек страшится».

В поэзии, в своих одах Пнин воспевает и прославляет нравственные качества человека — силу его свободной воли, могущество его духа.

...ты царь вселенной, —

восклицает он в оде «Человек».

Предпримешь что, вселенна внемлет,
Творишь — все действие приемлет,
Ни в чем не видишь ты препон.
Природою распоряжаешь,
Все властно в ней повелеваешь,
И пишешь ей самой закон...

Наиболее последовательное и отчетливое выражение радищевские идеи нашли в небольшой книге Пнина «Опыт о просвещении относительно России», в которой он смело высказал великую ненависть к деспотизму, к крепостному праву. Пнин резко восстает против утверждения, за которым любили укрываться крепостники, что, прежде чем даровать народу свободу, нужно просветить души рабов. Он проводит в своей книге мысль о том, что повелевать можно и непросвещенным народом, управлять же народом, не заботясь о его просвещении, нельзя.

Цензура запретила переиздание этой книги, быстро разошедшейся, усмотрев в ней «красноречивое изображение страданий крепостного крестьянства, соединенное с требованиями отмены крепостного права». В отзыве цензурного ведомства говорилось

о книге: «Автор с жаром жалуется на злосчастное состояние русских крестьян, коих собственная свобода и самая жизнь, по мнению его, находится в руках какого-нибудь капризного паши... Разгорячать умы, воспалять страсти в сердцах такого класса людей, каковы наши крестьяне, значит в самом деле собирать над Россией черную, губительную тучу...»

Таков был этот молодой радищевец. Когда он умер, поэт К. Батюшков посвятил его памяти стихи:

...Пнин чувствам дружества с восторгом
предавался,
Несчастным не одно он золото дарил...
Что в золоте одном? Он слезы с ними лил.
Пнин был согражданам полезен,
Пером от злой судьбы невинность защищал,
В беседах дружеских любезен,
Друзей в родных он обращал...

Колоритной фигурой среди молодежи, объединившейся в «Вольное общество», был и Василий Попугаев (1779—1816) — сын малоизвестного художника. Жизнь была неласкова к Попугаеву. Учился он на казенный счет в академической гимназии, потом долго тянул нелегкую лямку канцелярской службы. Попугаев писал стихи и повести, трактаты и статьи по вопросам философии, истории, политики, экономики, литературы. Его политическая лирика насыщена радищевскими идеями. Он обличает насилие и произвол власть имущих, призывает к борьбе с тиранией, — «за правду даже несть оковы, за обще благо кровь пролить». В его мечтах мы узнаем мечту Радищева о том времени, когда троны будут низвергнуты и гнев народов покарает тиранов.

Перу Попугаева принадлежит очерк «Негр»,

представляющий собою смелое обличение рабства, и трактат «О благоденствии народных обществ», в котором он разоблачал «предубеждение знатности и презрение к низким классам». Он писал в своем трактате, что в крепостных крестьян должен вселиться «дух гордости» и извлечь их из утеснения, признавая за ними право на мщение «мучительству». Друзья называли его «неистовым», «пламенным», «другом правды и гонителем зла». Один из членов общества, А. Измайлов, рассказывает о нем такой случай: «Пришел просить (к Попугаеву) денег один несчастный, благородный человек, а денег у В. В. не было. Он не знал, что делать, но, взглянув нечаянно на новый свой фрак, который за несколько перед тем часов принесен был к нему от портного, принудил гостя взять этот фрак, а сам стал ходить в старом...»[1]

Вся эта молодежь, воспринявшая идеи Радищева, горячо стремилась к служению добру и правде, к борьбе с несправедливостью, и Радищев на склоне своей жизни с чувством глубокого удовлетворения мог сказать себе, что нашлись люди, которые «намерение мое одобрят... кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей; кто в шествии моем меня подкрепит...»[2]

И, несомненно, таких людей было немало. Мы знаем всего несколько имен молодых литераторов, воспринявших идеи Радищева. А сколько было молодежи — учащейся, служащей, направление жизни которой определили заветы Радищева и ко-

---

[1] Цитируется по книге Ив. Розанова «Русская лирика».
[2] Из посвящения «Путешествия из Петербурга в Москву».

торая в своей жизни в той или иной мере стремилась к осуществлению этих его заветов! Велика сила воздействия на молодые сердца идей борьбы за правду и свободу!

* * *

Выше говорилось о достоинствах Радищева как писателя, о его своеобразии, новаторстве. Это касалось в основном Радищева-прозаика.

По мнению Пушкина, «Радищев писал лучше стихами, нежели прозою».

«Радищев, будучи нововводителем в душе, — писал Пушкин, — силился переменить и русское стихосложение... Прочитайте его Осьмнадцатое столетие, Сафические строфы, басню, или вернее элегию — Журавли — все это имеет достоинство...» [1]

В основе поэтического новаторства Радищева, о котором с таким сочувствием говорит Пушкин, лежат причины социально-политического порядка. Прежде всего это не формалистское, а идейное новаторство. Как во всем, что выходило из-под пера Радищева, он и в своих поэтических произведениях выступает во всеоружии борца, выступает решительным противником классицизма, проникнутого враждебной Радищеву дворянской идеологией. В основу своего поэтического творчества Радищев кладет народную поэзию, русский фольклор, в котором он видит одно из ярчайших проявлений могучего свободолюбивого духа русского народа, выражение его надежд и чаяний, вековечное стремление к борьбе за свободу и независимость. Вот почему все его поэтические произведения, особенно произ-

---

[1] А. С. Пушкин, Путешествие из Москвы в Петербург.

ведения последних лет, примечательны своим глубоким идейно-политическим содержанием, стремлением дать социальную оценку историческим событиям, живым подлинно революционным сочувствием народам в их борьбе с угнетением.

В творчестве Радищева стихи всегда занимали большое место. В течение всей своей жизни он писал стихи. По его собственным словам, «родясь с чувствительным сердцем, опыты моего письма обращалися всегда на нежные предметы, но все было с неудачею. Когда же я женился, то все любовное вранье оставил...»

Так он сам охарактеризовал свое увлечение любовной лирикой в молодые годы.

Писал он стихи и в Илимске, но наибольшего расцвета поэтическое творчество Радищева достигает в последние годы его жизни, когда он по возвращении из ссылки жил в Немцове, а потом в Петербурге. В эти годы он как бы подводил итоги своему жизненному пути. Раздумье о пережитом питало его поэзию.

Он писал не только небольшие лирические стихотворения, но и эпические произведения. Таковы его поэмы «Бова», «Песни, петые на состязаниях», такова его «Песнь историческая». Особое место в его поэтическом творчестве занимает небольшое, замечательное глубиной мыслей и чувства стихотворение «Осьмнадцатое столетие», взволнованный гимн свободному человеческому духу, всегда стремящемуся вперед. (Об этом стихотворении подробно сказано в первой главе.)

Здесь же следует отметить, что последние строки этого прекрасного стихотворения, заключающие в себе похвалу Петру I и Екатерине II, обусловлены,

вероятно, тем, что Радищев в какое-то время готов был поверить в благотворность реформ, обещанных молодым царем, но потом — и очень скоро — дал правильную оценку царскому обещанию, как сказано об этом выше.

В стихотворении «Журавли», которое, по замечанию Пушкина, было бы вернее назвать не басней, а элегией, он говорит о журавле, раненном стрелою ловчего и отставшем от стаи, собравшейся «в теплу, дальну страну».

Не голос ли самого Радищева этих лет, томящегося в деревенской глуши, слышен в жалобах раненого журавля?

Заканчивается стихотворение горячим призывом к твердости и мужеству в испытаниях, посылаемых жизнью:

> О вы, стенящие под тяжкою рукою
> Злосчастия и бед!
> Исполнены тоскою
> Клянете жизнь и свет;
> Любители добра ужель надежды нет?
> Мужайтесь, бодрствуйте и смело протекайте
> Сей краткой жизни путь...

Поэма «Бова», названная в подзаголовке «повестью богатырскою», по замыслу Радищева должна была состоять из двенадцати песен. Сохранились вступление, первая песнь и прозаический пересказ содержания всей повести.

Сказку о Бове, эту сказку «древних лет», народную сказку, столь любимую крепостными нянюшками и дядьками, Радищев слышал от своего «старинного дядьки» Петра Сумы.

В шутливо-иронической, изобилующей сатириче-

скими намеками поэме-сказке очень ощутимы гражданские мотивы.

«Песни, петые на состязаниях в честь древним славянским божествам», являются в творчестве Радищева еще одной попыткой создания эпопеи на национальном материале. До нас дошли только прозаическое введение и первая песнь певца Всегласа.

Возможно, что Радищев начал работать над «Песнями» под впечатлением от только что опубликованного в то время «Слова о полку Игореве», которое в первой редакции называлось «Ироической песнью».

«Песни» представляют собой исполненную взволнованного патриотического чувства поэму о свободолюбивом духе русского народа. Этой поэмой Радищев начинает ту линию русской поэзии, воспевающей в образах национально-освободительной борьбы давнего прошлого борьбу современности за социальную свободу, — линию, которая впоследствии найдет свое наиболее яркое выражение в произведениях Рылеева, Пушкина и других русских поэтов. В «Песнях» говорится о нашествиях на древний Новгород чужеземных захватчиков, о борьбе новгородцев за свободу. В их призывах к борьбе как бы звучит голос самого Радищева, призывающего народ к борьбе со своими поработителями.

Песня Всегласа исполнена могучим патриотическим чувством и ненавистью к иноземным захватчикам, меч которых «не щадил славенской крови». Заканчивается песня замечательным «пророчеством» жреца о великом будущем русского народа:

О народ, народ преславный!
Твои поздние потомки
Превзойдут тебя во славе

Своим мужеством изящным,
Мужеством богоподобным,
Удивленье всей вселенной,
Все преграды, все оплоты
Сокрушат рукою сильной,
Победят... природу даже —
И пред их могущим взором,
Пред лицом их озаренным
Славою побед огромных
Ниц падут цари и царства...

Последним большим поэтическим произведением Радищева была «Песнь историческая» — своеобразный обзор всемирной истории, представленный в образах вождей и монархов от Моисея до Марка Аврелия, — обзор, в котором «правдивым царям» противопоставлены тираны, «ненасытцы крови».

Стихи Радищева читать не легко. Их язык, их синтаксис, их ритмический строй далеко не всегда были «гладкими». В этом сказалось принципиальное стремление Радищева преодолеть правила «гладкописи» классической поэзии. Очень интересно объяснение Радищева, данное им в «Путешествии», по поводу одной строки из оды «Вольность».

«Сию строфу, — говорит он, — обвинили для двух причин: за стих «во свет рабства тьму претвори» — он очень туг и труден на изречение ради частого повторения буквы т и ради соития частого согласных букв — бства тьму претв — на десять согласных три гласных, а на российском языке толико же можно писать сладостно, как и на итальянском... Согласен... хотя иные почитали стих сей удачным, находя в негладкости стиха изобразительное выражение трудности самого действия...» — то-есть трудность претворения в свет свободы тьмы рабства.

К последним годам жизни Радищева относится и его статья «Памятник дактилохореическому витязю», написанная им в защиту Тредиаковского, автора «Тилемахиды» [1]. В этой статье, чрезвычайно своеобразной по форме, Радищев ставит своей целью определить, что же является удачным в поэме Тредиаковского, и высоко оценивает работу последнего в области русского стиха.

* * *

Годы, предшествовавшие смерти Радищева, омрачены неустройством жизни и материальными затруднениями.

«Я здесь переезжаю с квартиры на квартиру. Худо не иметь своего дома», — жаловался он на петербургскую жизнь в письме к родителям.

Последним местом его жительства был небольшой дом в Семеновском полку, на углу 9-й линии и Семеновской улицы. Кругом дома был пустырь.

С Радищевым жили два его старших сына и дочь Екатерина. Третий сын его от первого брака, Павел, разделивший с отцом годы изгнания, воспитывался в Морском кадетском корпусе. Маленькие дети от второго брака — Фекла, Анна и Афанасий— находились в Петербурге, в пансионе старого знакомого Радищева — Вицмана.

Жилось Радищеву трудно. Маленькое поместье приносило ничтожный доход. Престарелые родители не только не могли помочь сыну, но и сами нуждались в его поддержке. Долги росли.

---

[1] «Тилемахида» — переложение в форме эпической поэмы знаменитого французского политико-просветительного романа Фенелона «Похождения Телемака», содержащего в себе идеи политического либерализма.

И все же этот стареющий, преследуемый нуждой человек, перенесший моральную пытку долгого одиночества, не сдался, не отступил от своих убеждений.

«Истина есть высшее для меня божество», — говорил он — и работал, работал с юношеским увлечением, с глубоким и радостным сознанием, что исполняет свой долг — долг служения родине.

Он составил «Записку о новых законах», в которой доказывал, что «лучше предупредить преступление, нежели оное наказывать». Как и в «Путешествии», он писал в этой «Записке» о произволе и преступлениях властей.

Он разработал «Проект гражданского уложения». Это была та программа, которой он считал необходимым придерживаться при реформе законодательства. О равенстве всех состояний перед законом, об уничтожении табели о рангах, об отмене телесных наказаний и пыток, о введении судопроизводства и суда присяжных, о свободе совести, свободе книгопечатания, об освобождении крепостных господских крестьян, о запрещении продажи их в рекруты — вот о чем писал неукротимый Радищев в своем «Проекте».

Уже упоминавшийся нами Н. С. Ильинский рассказывает в своих «Записках», что граф Завадовский предупреждал Воронцова о свободолюбивых настроениях Радищева. Воронцов будто бы вызвал к себе Радищева и сказал ему, что «если он не перестанет писать вольнодумнических мыслей, то с ним поступлено будет еще хуже прежнего».

В числе различных свидетельств о работе Радищева в комиссии — полудостоверных, полуанекдотических — есть и такой рассказ.

— Эх, Александр Николаевич! — будто бы сказал ему как-то раз граф Завадовский, стараясь придать словам тон дружеского упрека. — Охота тебе пустословить попрежнему... Или мало тебе было Сибири?

В словах графа был грозный намек.

Но не угроза, скрытая в словах графа, показалась страшной Радищеву. Когда он говорил сыновьям: «Ну, что вы скажете, детушки, если меня опять сошлют в Сибирь?», то в этих простых и грустных словах выражалась не столько его тревога за свою судьбу, сколько глубокая, благородная человеческая печаль перед лицом несправедливости и неправды. Радищев не сдался, не признал себя побежденным перед лицом этой неправды, борьбе с которой он отдал всю жизнь. Нет, всеми силами своей большой души он верил в то, что неправда будет побеждена и его родной народ увидит счастье и свободу. Но, вероятно, он понял, что не доживет до этого, что его веку на это нехватит.

По его глубокому убеждению, у него оставался один выход — тот самый выход, который много лет назад подсказал ему его друг — Федор Васильевич Ушаков. Об этом выходе говорил и он сам с такой страстной убежденностью устами крестицкого дворянина в своем «Путешествии»:

«Если ненавистное счастие истощит над тобою все стрелы свои, если добродетели твоей убежища на земли не останется, если, доведенну до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда вспомни, что ты человек, воспомяни величество твое, восхити венец блаженства, его же отъяти у тебя тщатся... Умри...»

Он стал неспокоен, задумчив. Напрасно дети ста-

рались ободрить, утешить его. Призвали врача. Но мог ли врач помочь ему?..

Следует уяснить себе, что взгляды Радищева на самоубийство не имели ничего общего с нашими взглядами. Для нас, членов социалистического общества, самоубийство является недостойным проявлением слабоволия, общественным преступлением. Для Радищева, наоборот, самоубийство было проявлением гражданского мужества, актом протеста, на который, как ему представлялось, человеку дает право сознание неосуществимости его гражданских стремлений. И это не имеет, разумеется, ничего общего с уходом из жизни какого-нибудь малодушного Опочинина, о котором говорилось выше.

Рука самодержавного убийцы была занесена над головой Радищева с того времени, когда он был брошен в Петропавловскую крепость. И вот теперь эта же рука толкает его к стакану с ядом, как много позднее она же, не дрогнув, наведет пистолет на Пушкина, на Лермонтова, скомкает, изуродует жизни многих лучших русских людей.

О том, как преждевременно оборвалась жизнь Радищева, сохранился рассказ одного из его сыновей, Павла Александровича:

«11 сентября 1802 года, часу в десятом утра, Радищев, чувствуя себя нездоровым и принявши лекарство, беспрестанно беспокоясь и имея разные подозрения, вдруг берет стакан с приготовленной в нем крепкой водкой[1] для выжиги старых офицерских эполет его старшего сына и выпивает его разом. Потом, схватив бритву, хочет зарезаться. Старший сын его заметил это, бросается к нему и

[1] Смесь азотной и соляной кислот.

вырывает у него бритву. «Я долго буду мучиться»,— сказал Радищев. Привели лекаря, он прописал лекарство. Яд производил ужасное действие, беспрестанную рвоту.

Через час приезжает лейб-медик Виллие, присланный императором Александром I, ибо весть об этом несчастном происшествии уже разнеслась по городу. Виллие кричит: «Воды, воды!» — и прописывает лекарство, которое, по уверению его, должно было остановить действие крепкой водки. Он уезжает, спросив у Радищева, что его могло побудить лишить себя жизни. Ответ был несвязный, продолжительный. Виллие сказал: «Видно, что этот человек был очень несчастлив». Вечером приехал другой доктор, но уже было мало надежды. Часу в первом ночи Радищев скончался. И светила небесные не затмились, и земля не тряслась...»

Перед смертью Радищев сказал: «Потомство за меня отомстит...»

Следовательно, свою смерть он сам рассматривал как завершающий акт борьбы.

В журнале комиссии 16 сентября 1802 года была сделана краткая запись, равнодушным канцелярским языком:

«По доношению служащего в оной, губернского секретаря Николая Радищева, коим показывал, что родитель его, оной Комиссии член, Александр Радищев, сего сентября 12 дня, быв болен, умре...»

Смертью Радищева были потрясены многие сердца. Свидетельством этого служат стихи Пнина и Борна в альманахе «Свиток муз» и статья последнего, посвященная памяти Радищева.

...Кто силы не страшася ложной,
Дерзает истину вещать,

Тревожить спящий слух вельможный,
Их черство сердце раздирать! —
Но участь правды быть гонимой... —

писал Борн.

Стихотворение Пнина, посвященное памяти Радищева, заканчивается следующими строками:

Благословим его мы прах!
Кто столько жертвовал собою
Не для своих, но общих благ,
Кто был отечеству сын верный.
Был гражданин, отец примерный
И смело правду говорил,
Кто ни пред кем не изгибался,
До гроба лестию гнушался,
Я чаю, — тот довольно жил.

«На сих днях умер Радищев, — говорилось в статье Борна, — муж, вам всем известный, но его смерть более нежели с одной стороны важна в очах философа, важна для человечества... Истинно великий человек везде в своем месте, счастье и несчастье его не переменяют. Во всяком кругу действий, как в большом, так и в малом, творит он возможное благо. Истина и добродетель живут в нем, как солнце в небе, вечно не изменяющееся... Друзья! Посвятим слезу сердечную памяти Радищева. Он любил истину и добродетель. Пламенное его человеколюбие жаждало озарить всех своих собратий сим немерцающим лучом вечности; жаждало видеть мудрость, воссевшую на троне всемирном. Он зрел лишь слабость и невежество, обман под личиною святости — и сошел в гроб. Он родился быть просветителем, жил в утеснении — и сошел в гроб; в сердцах благодарных патриотов да соорудится памятник, достойный его!..»

* * *

В сердцах великих русских патриотов, борцов за свободу русского народа, за его лучшую, счастливую долю, не только сохранилась память о Радищеве, но подвиг его жизни являлся для многих из них высоким, благородным образцом, примером самоотверженного служения народу.

Борьба с крепостничеством и самодержавием, которую вел Радищев, была продолжена в веках. Как боевая традиция революционной борьбы, она нашла свое выражение в деятельности декабристов и Герцена, она была в дальнейшем развита и углублена деятельностью Белинского, Чернышевского, Добролюбова, она была наполнена новым, более широким содержанием последующими поколениями борцов революции.

Пламенный патриотический призыв Радищева к борьбе с самодержавием и крепостным рабством нашел свой отклик в сердцах декабристов, содействовав формированию их идеологии. На следствии по делу декабристов было установлено, что многие из них внимательно изучали «Путешествие из Петербурга в Москву».

Декабрист В. Кюхельбекер, лицейский друг А. С. Пушкина, говорил на следствии о своем знакомстве с книгой Радищева. Об этом же говорил и Петр Бестужев, заявивший, что свободолюбивые мысли зародились в нем в результате чтения стихов Пушкина и книги Радищева. Декабрист В. Штейнгель писал в одном из показаний: «Я читал Княжнина «Вадима», Радищева «Поездку в Москву»... я увлекался более теми сочинениями, в которых представлялись ясно и смело истины, неведение

коих было многих зол для человечества причиною...» Такие произведения Рылеева, как его послание «К временщику», его революционные стихи «Гражданское мужество», «Гражданин» и другие, содержат в себе многое от радищевской оды «Вольность».

Идеи Радищева питали собой передовую русскую литературу начала XIX столетия.

Пушкин в письме к писателю-декабристу Александру Бестужеву сожалел, что тот в обзорной статье о русской литературе не упомянул о Радищеве:

«Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же помнить будем?..»

Сам Пушкин хорошо «помнил» Радищева. В библиотеке Пушкина, как известно, имелся экземпляр радищевского «Путешествия» в сафьяновом переплете. Пушкин не раз пытался «напомнить» русскому народу о Радищеве в своих статьях, которые при жизни поэта не могли увидеть света. Министр просвещения граф С. С. Уваров нашел «совершенно излишним возобновлять память о писателе и книге, совершенно забытых и достойных забвения».

Образ Радищева всю жизнь волновал Пушкина. В ранней своей юности он начинает работать над поэмой «Бова», выражая сомнение: «но сравняюсь ли с Радищевым?», двумя годами позже пишет оду «Вольность», послужившую одной из главных причин его ссылки на юг. С радищевской силой звучат знаменитые строфы «Деревни»:

...Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества губительный позор.
Не видя слез, не внемля стона,

На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
С поникшею главой, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея;
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов...

Не о Радищеве ли вспоминает молодой поэт в этом стихотворении, когда говорит:

О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне в удел витийства грозный дар?

Безотрадные картины села Горюхина, мастерски, с глубоким знанием народной жизни изображенные Пушкиным, во многом напоминают сцены из «Путешествия».

Сближает Пушкина с Радищевым их общий горячий интерес к пугачевскому восстанию, как к проявлению подлинно народного движения борьбы и протеста. Несмотря на цензурные затруднения, Пушкину удалось в «Истории Пугачева» и в «Капитанской дочке» нарисовать правдивый образ самого Пугачева как представителя восставших народных масс.

И, наконец, в одном из вариантов своего стихотворения «Я памятник себе воздвиг нерукотворный» — стихотворения, в котором он осмысливает

весь свой жизненный путь и свое значение как поэта, Пушкин снова вспоминает Радищева:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел.
Что вслед Радищеву восславил я Свободу,
И милосердие воспел, —

утверждая тем самым значение Радищева как борца за свободу, свою близость к нему и его идеям.

Н. А. Добролюбов и Н. Г. Чернышевский высоко оценивали революционный подвиг Радищева.

«Книга Радищева составляла едва ли не единственное исключение в ряду литературных явлений того времени, и именно потому, что она стояла совершенно одиноко, против нее и можно было употребить столь сильные меры», — пишет Добролюбов [1]. Чернышевский указывал, что «Новиков, Радищев, еще, быть может, несколько человек, одни только имели тогда то, что называется ныне убеждением или образом мысли» [2].

А разве некрасовская муза «мести и печали» не близка по своему духу Радищеву?

Раскроем бессмертные книги великих русских революционных демократов и с волнением, подымающим и облагораживающим душу, прочтем их высказывания о родине, о русском народе, о его славном будущем.

«...Я всеми фибрами своей души принадлежу русскому народу; я работаю для него, он работает во мне, и это вовсе не историческая реминисценция, не слепой инстинкт и не кровная связь, а следствие того, что я сквозь кору и туман, сквозь кровь

---

[1] Н. А. Добролюбов, Собр. соч., т. II, стр. 149.
[2] Н. Г. Чернышевский, Собр. соч., т. IV, стр. 353.

и зарево пожаров, сквозь невежество народа и цивилизацию царя, вижу огромную силу, важный элемент, вступающий в историю рядом с социальной революцией, к которой старый мир пойдет волей-неволей, если он не хочет погибнуть или окостенеть...» (Герцен).

«...Любить свою родину — значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому...» (Белинский).

«...Содействовать славе не преходящей, а вечной своего отечества и благу человечества — что может быть выше и вожделеннее этого...» И еще: «...Я нисколько не подорожу жизнью для торжества своих убеждений, для торжества свободы, равенства, братства и довольства, уничтожения нищеты и порока, если б только был убежден, что мои убеждения справедливы и восторжествуют, и если уверен буду, что восторжествуют они, даже не пожалею, что не увижу дня торжества и царства их. И сладко будет умереть, а не горько...» (Чернышевский).

«...Наша родная Русь более всего занимает нас своим великим будущим, для которого хотим мы трудиться неутомимо, бескорыстно, горячо... Да, теперь эта великая цель занимает меня необыкновенно сильно...» (Добролюбов).

Разве не слышен в этих словах голос «гражданина будущих времен» — голос Радищева? Разве эта непоколебимая вера в победу правого дела не его вера? Разве эта готовность к самопожертвованию во имя родины не его нравственный завет?

Образ Радищева, великого русского писателя-

революционера, приводился большевиками как пример честного, правдивого и свободного писателя. В листовке петербургских большевиков, посвященной 200-летию русской печати, говорилось о Радищеве:

«Там, где есть еще самодержавие, не может быть свободы мысли и слова. Вместе они не могут ужиться. Выход из положения может быть только один, и это давно уже поняли все честные, правдивые, свободные писатели. Первый это понял писатель Радищев 100 лет тому назад. Он написал книгу «Путешествие из Петербурга в Москву», в которой описал бедствия крепостных крестьян, виденные им на пути, описал злоупотребления и грабежи правительственных чиновников. Зная, что ему ни за что не позволят опубликовать эту книгу открыто, он сам, собственными руками напечатал ее в своей потайной типографии и распространил ее в публике. Это была первая книга на русском языке, не оскверненная цензурой, первая революционная попытка взять силою ту свободу слова, которую царское самодержавие отняло у русского народа...» (3 января 1903 г.)[1]

В. И. Ленин в статье «О национальной гордости великороссов», определяя линию исторического развития русского революционного движения, называет Радищева в числе лучших русских людей, которыми может гордиться русский народ.

«Нам больнее всего видеть и чувствовать, — пишет Ленин, — каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские

---

[1] «Листовки петербургских большевиков», стр. 16. Госполитиздат, 1939 г.

палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызвали отпор из нашей среды, из среды великоруссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»[1].

Ленин и Сталин первые дали в своих трудах всестороннюю, подлинно научную оценку значения русских мыслителей-революционеров. Следуя по указанным ими путям, советская историческая наука дала исчерпывающее определение роли и значения Радищева в общественной жизни нашей родины и в развитии революционного движения, освободив образ «гражданина будущих времен» от всего чуждого и лживого, с помощью чего буржуазные историки старались затемнить этот светлый и героический образ.

В своем докладе о XXII годовщине Октябрьской революции товарищ В. М. Молотов прекрасно выразил чувство гордости народов Советского Союза своим культурным наследством. Он говорил о том, что большевики не из числа людей, не помнящих родства со своим народом. «Мы, большевики, вышли из самой гущи народа, ценим и любим славные дела истории своего народа, как и всех других народов».

И Радищев обрел свое второе рождение в наши дни, в дни величайших побед советского народа, свергнувшего многовековой гнет самодержавия

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 21, стр. 85, изд. 4-е.

и построившего под руководством партии Ленина—Сталина новое, социалистическое общество.

Одним из первых памятников, поставленных советской властью, был памятник Радищеву. Этот памятник (временный), работы скульптора Шервуда, был установлен по указанию В. И. Ленина в сентябре 1918 года в Петрограде, на набережной перед Зимним дворцом. Наводнение 1924 года разрушило его.

«Теперь школьники изучают труд Радищева, — писал Ем. Ярославский, — и учатся ценить роль этого русского просветителя. Они знают: то, о чем мечтал Радищев, — полное освобождение крестьян, полное раскрепощение народа, уничтожение монархии, — все это осуществлено было именно потому, что из среды того народа, в силу которого и победу которого так горячо верил Радищев, поднялся новый класс — революционный рабочий класс. Авангард этого класса — большевистская партия, руководимая Лениным и Сталиным, осуществила величайшие исторические задачи. Советский народ должен знать, что в воспитание революционных поколений, которое расшатало царскую монархию, внес свою заметную долю и революционный просветитель конца XVIII века — «рабства враг» Александр Николаевич Радищев» [1].

Неузнаваемо изменилась жизнь и в родном селе Радищева — Верхнем Аблязове. Зажиточно и культурно живут колхозники сельхозартели «Родина Радищева». В селе построены начальная и средняя школы, работает опытная сельскохозяйственная

---

[1] «Правда», 24 мая 1940 года.

станция. В 1945 году здесь открылся музей Радищева.

В наши дни аблязовские колхозники осуществляют высокую обработку почвы, проводят насаждение лесных полезащитных полос. В недалеком будущем запруженные овраги станут водоемами и оросительная система с насосной станцией навсегда победит суховей. Уже этой осенью в колхозе загорится электрический свет от достраиваемой колхозниками электростанции и полностью будут радиофицированы дома колхозников.

В селе Анненкове, в котором во времена Радищева свирепствовал помещик Зубов, также давно уже организован и живет счастливой, зажиточной жизнью колхоз «Гигант».

Неузнаваемо, по-новому складываются и судьбы тружеников земли в свободной Советской стране. Достаточно сказать, что из колхоза «Родина Радищева» вышли десятки специалистов: медработники, учителя, агрономы, трактористы, комбайнеры. Свыше 300 юных колхозников учится в школе. Колхозники выписывают больше 400 газет и журналов.

В августе 1949 года советский народ отмечал 200-летний юбилей А. Н. Радищева. Во всех республиках, в городах и селах состоялись торжественные собрания, научные сессии, лекции и вечера, открылись выставки, посвященные светлой памяти великого русского писателя-революционера. Вышли в свет новые издания его бессмертной книги, книги, посвященные его жизни и творчеству. Отдельные его произведения переводятся на азербайджанский, узбекский, украинский, эстонский и другие языки советских народов.

«Оглядываясь назад, в далекое историческое прошлое, наш народ с величайшим уважением произносит имена тех, кто помог ему в борьбе против ненавистных угнетателей, кто дал пример мужественного служения народу», — писала в эти дни «Правда» в передовой, посвященной памяти Радищева.

Сбылась заветная мечта Радищева — «народ, к величию и славе рожденный», достиг величия и славы и шествует дальше вперед, к светлой правде коммунизма. И народ не забыл о нем, о том, кто «нам вольность первый прорицал». В числе бессмертных заветов своих великих предков советский народ бережно хранит и радищевский завет:

«...не страшиться пожертвовать жизнью, если смерть принесет крепость и славу отечеству».

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ А. Н. РАДИЩЕВА

1749, 20 а в г у с т а (31 августа по новому стилю)[1]. — Рождение Радищева.

1757. — Переезд в Москву, к родственникам матери — Аргамаковым.

1763, и ю н ь. — Переезд из Москвы в Петербург, учение в пажеском корпусе.

1766, с е н т я б р ь. — В числе 12 молодых дворян отправлен в Германию, в Лейпцигский университет.

1770, 7 и ю н я. — Смерть в Лейпциге студента Ф. В. Ушакова, друга Радищева.

1771, л е т о. — Окончание Лейпцигского университета.
Н о я б р ь. — Возвращение в Россию. Поступление на службу в Сенат, на должность протоколиста.

1772. — Сближение с Н. И. Новиковым.

1773. — Переход из Сената в штаб главнокомандующего петербургских войск генерала Брюса, на должность обер-аудитора (военного прокурора). Перевод с французского книги аббата Мабли «Размышление о греческой истории или о причинах благоденствия и несчастия греков».

1775, 10 я н в а р я. — Казнь Пугачева в Москве. Выход Радищева в отставку. Поездка к родителям в село Верхнее Аблязово. Женитьба на А. В. Рубановской.

1777. — Поступление в коммерц-коллегию, под начальство графа А. Р. Воронцова.

1780. — Определение в Петербургскую таможню на должность помощника управляющего.

---

[1] Остальные даты указаны по старому стилю.

Начато «Слово о Ломоносове», включенное впоследствии в «Путешествие из Петербурга в Москву».

1782. — Написано «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске».

1783. — Закончена ода «Вольность» (1781—1783 гг.). Смерть первой жены, А. В. Радищевой.

1785. — Работа над главой «Медное» из «Путешествия».

1786 — 1788. — Работа над отдельными главами «Путешествия», которое было закончено в конце 1788 года.

1789, июль. — Получение разрешения Управы благочиния на печатание «Путешествия».

Декабрь. — Опубликование в журнале «Беседующий гражданин» статьи «Беседы о том, что есть сын Отечества?». Издание книги «Житие Федора Васильевича Ушакова». Напечатано на собственном типографском станке «Письмо к другу, жительствующему в Тобольске».

1790, апрель. — Назначение управляющим Петербургской таможней. Закончено печатание на собственном типографском станке «Путешествия из Петербурга в Москву».

Май. — Появление «Путешествия» в продаже. Участие в организации отряда ополчения для защиты Петербурга от приближающихся войск шведов.

30 июня. — Арест за выпуск в свет «Путешествия». Заключение в Петропавловскую крепость.

Июль. — Работа над автобиографической повестью «Филарет Милостивый».

24 июля. — Петербургской уголовной палатой приговорен к смертной казни.

8 августа. — Утверждение Сенатом и 19 августа — Государственным советом приговора.

4 сентября. — Указ Екатерины о замене смертной казни десятилетней ссылкой в Сибирь, в Илимский острог. В конце сентября отправление в Сибирь.

1790, декабрь. — Прибытие в Тобольск. 1791, март — Приезд в Тобольск Е. В. Рубановской с детьми.

1792, 3 января.—Прибытие в Илимский острог.

1792 — 1796. — Работа над философским трактатом «О человеке, его смертности и бессмертии», «Письмом о китайском торге», «Сокращенном повествовании о приобретении Сибири», отрывком из поэмы «Ангел тьмы».

1796, 6 ноября. — Смерть Екатерины II; восшествие на престол Павла I.
23 ноября. — Указ об освобождении Радищева из Илимского острога.
1797, 20 февраля. — Выезд из Илимского острога.
7 апреля. — Смерть Е. В. Рубановской в Тобольске.
Июль. — Приезд под надзор в сельцо Немцово. Работа над «Описанием моего владения».
1798. — Посещение родителей в Верхнем Аблязове.
1801. — Смерть Павла I.
15 марта. — Освобождение Радищева из ссылки.
Август. — Привлечение к работе в Комиссии составления законов.
Переезд из Немцова в Петербург.
1801 — 1802. — Работа в комиссии. Составление «Записки о законоположении» и «Проекта гражданского уложения». Работа над «Бовой, повестью богатырской», «Песнью исторической», «Песнями древними», «Памятником дактилохореическому витязю», стихотворением «Осьмнадцатое столетие».
12 сентября. — Смерть Радищева.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

I. Основные издания сочинений Радищева

Собрание сочинений. Под ред. П. Щеголева, А. Борозлина, И. Лапшина. Изд. Н. Акинфиева, тт. I — II. — Спб., 1907.

То же. Под ред. В. Каллаша. Изд. В. Саблина, тт. I — II. — М., 1907.

То же. Изд. Академии наук СССР, тт. I—II (готовится т. III).

«Путешествие из Петербурга в Москву». — М. — Л., изд. Academia, 1935. Т. I — фотолитографическое воспроизведение «Путешествия» издания 1790 года. Т. II — материалы к изучению «Путешествия». (Статьи: Я. Л. Барскова — «А. Н. Радищев. Жизнь и личность» и М. В. Жижки — «Социально-политические взгляды Радищева»).

«Путешествие из Петербурга в Москву». Вступительная статья В. Десницкого. — Л., Гослитиздат, 1938.

Полное собрание стихотворений. — Л., изд. «Советский писатель». Библиотека поэта. (Большая серия.) 1940.

Стихотворения. — Л., изд. «Советский писатель». Библиотека поэта. (Малая серия.) 1947.

Избранные философские сочинения. — М., Госполитиздат, 1949.

«Избранное». — Л., изд-во «Молодая гвардия», 1949.

«Путешествие из Петербурга в Москву». — Ленинградское газетно-журнальное и книжное изд-во, 1949.

Избранные сочинения. — М. — Л., Гослитиздат, 1949.

II. Основная литература о Радищеве

В. И. Ленин, Сочинения, т. 21, изд. 4-е, «О национальной гордости великороссов».

А. Пушкин, А. Радищев (1836). Путешествие из Москвы в Петербург (1833—1835). Собр. соч., тт V—VI, 1936.

А. И. Герцен, Полн. собр. соч. и писем, т. IX, XVII. — Наркомпрос, 1919.

Н. Добролюбов, Соч., т. II. — М.—Л., («Русская сатира в век Екатерины».), Гослитиздат, 1935.

Г. В. Плеханов, Соч., т. XXII. «История русской общественной мысли». Кн. 3-я. — М.—Л., Госиздат, 1925.

Ем. Ярославский, А. Радищев — враг рабства. «Правда» от 24 мая 1940 г.

И. Борн, На смерть Радищева. Стихи, некролог. «Свиток муз». — Спб., 1803. Там же, Стихи И. Пнина.

М. Лонгинов, Кутузов и Радищев. — «Современник», 1856, № 8.

П. Радищев, А. Радищев. — «Русский вестник», 1858, № 23.

А. Пыпин, Крылов и Радищев. — «Вестник Европы», 1868, № 5.

Его же, Князь Щербатов и Радищев. — «Вестник Европы», 1895, № 7.

В. Якушкин, Суд над русским писателем XVIII в. — «Русская старина», 1882, № 9.

В. Семевский, Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в., т. I. — Спб., 1888.

М. Сухомлинов, А. Н. Радищев. В книге: М. Сухомлинов, Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I, 1889.

Н. Радищев, Биографический очерк. — «Русская поэзия», под ред. С. Венгерова, т. I. — Спб., 1897.

Г. Гельбиг, Русские избранники, 1900.

В. Якушкин, Учебные годы Радищева. В сборнике: «Под знаменем науки». — Спб., 1902.

М. Туманов, А. Н. Радищев. — «Вестник Европы», 1904, № 11.

А. Гавриленко, А. Н. Радищев до ссылки. — «Вестник Европы», 1907, № 6.

В. Покровский, Историческая хрестоматия. Пособие для изучения русской словесности. Вып. XV, 1907.

П. Щеголев, Из истории журнальной деятельности Радищева. — «Минувшие годы», 1908, № 12.

Его же, А. Н. Радищев. Исторические этюды. — Изд. «Прометей». — Спб., 1913.

Н. Павлов-Сильванский, Жизнь Радищева. В книге: Н. Павлов-Сильванский, Очерки по русской истории XVIII — XIX вв., 1910.

Н. Кашин, Новый список биографии А. Н. Радищева. — Изд. О-ва истории и древностей российских, 1912.

В. Мияковский, Годы учения Радищева. — «Голос минувшего», 1914, №№ 3—5.

Его же, Светочи прошлого — творцы будущего. — Изд. «Огни», 1919.

«Неизданные письма Радищева». — «Былое», 1917, № 8.

В. Семенников, Радищев. — М.—П., 1923.

П. Богословский, Сибирские путевые записки Радищева, их историко-культурное и литературное значение. — Пермь, «Пермский краевой сборник», 1924, вып. 1.

А. Скафтымов, О реализме и сентиментализме в «Путешествии» Радищева. «Ученые записки Саратовского Государственного имени Н. Чернышевского университета», т. VIII. — Саратов, 1929, вып. III.

А. Н. Лозанова, К характеристике «Путешествия» и сибирских путевых заметок Радищева. — Там же.

Я. Барсков, Литературное наследство А. Н. Радищева и Н. И. Новикова. Сб. «Литературное наследство», №№ 9—10. — М., 1933.

П. Любомиров, Автобиографическая повесть Радищева. — Сб. «Звенья». кн. 3—4, 1934.

М. Жижка, А. Радищев. — М., 1934.

Сб. «Поэты-радищевцы». Библиотека поэта. (Большая серия.) — Л., изд. «Советский писатель», 1935.

А. Н. Радищев, Материалы и исследования.—М.—Л., изд. Академии наук, 1936.

Я. Бетяев, Политические и философские взгляды Радищева. — «Под знаменем марксизма», 1938, № 8.

М. Нечкина, Великий русский революционер Радищев. — М., 1939.

А. Ульянский, Радищев в Петербурге («Памятные места»). — Л., Газетно-журнальное изд-во, 1939.

М. Иовчук, Радищев и его «Путешествие». — «Советская наука», 1940, № 6.

Г. М. Макогоненко, О композиции «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. В сборнике: «XVIII век». — М. — Л., изд. Академия наук СССР, 1940.

Г. Васецкий и М. Иовчук, Очерки по истории русского материализма XVIII—XIX вв. — М. — Л., Госполитиздат, 1942.

Д. Д. Благой, А. Н. Радищев. — Пенза, 1945.

Его же, История русской литературы XVIII века. — М., Учпедгиз, 1946.

Его же, Александр Радищев. — М., Гослитиздат, 1949.

А. И. Андреев, Неизвестный труд А. Н. Радищева о Сибири. — Сб. «Советская этнография», тт. 6 — 7, 1947.

Е. Приказчикова, Экономические взгляды А. Н. Радищева. — М. — Л., изд. Академии наук СССР, 1947.

М. А. Горбунов, Философские и общественно-политические взгляды А. Н. Радищева. — М., Госполитиздат 1949.

Вл. Лидин, Колхоз «Родина Радищева». — «Новый мир», 1949, № 8.

Л. Кулакова, А. Н. Радищев. — Лениздат, 1949.

Н. Л. Степанов, Пушкин и Радищев. — Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний. — М., 1949.

И. Я. Щипанов. Общественно-политические и философские воззрения А. Н. Радищева. Сб. «Из истории русской философии». — Госполитиздат, 1949.

Г. Макогоненко, А. Н. Радищев. Очерк жизни и творчества. — М., Гослитиздат, 1949.

Вл. Орлов, Радищев и русская литература. — М., Гослитиздат, 1949.

СОДЕРЖАНИЕ

Переплет и титул *Е. Бургункера*

Редактор *Н. Чуканов*

Худож. редактор *А. Власова*

Техн. редактор *З. Тышкевич*

Подписано к печати 8/XII 1949 г.

А16054. $10\frac{3}{4}$ печ. л. (14,5 уч.-изд. л.)

Тираж 30 000 экз. Формат $70\times105^{1}/_{32}$.

Заказ 1513. Цена 6 р. 50 к.

Типография «Красное знамя»

изд-ва «Молодая гвардия»,

Москва, Сущевская, 21.

Цена 6 руб. 50 коп.

